

МОЛОДЕЖЬ США:

ОТ НИГИЛИЗМА
К ПОЛИТИКЕ

А. Брычков

А. Брычков

МОЛОДЕЖЬ
США:
ОТ НИГИЛИЗМА
К ПОЛИТИКЕ

Москва
«Молодая гвардия»
1974

Александр Брычков (родился в 1932 году), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, — автор многих работ по проблемам международного молодежного и студенческого движения.

Он принимал участие в различных международных молодежных и студенческих мероприятиях. Им опубликованы брошюры «Проблемы молодежи в США» (в соавторстве с В. Орлом), «Бунт в альма-матер», книга «Молодая Америка», переведенная на английский, венгерский и польский языки.

Книга «Молодежь США: от нигилизма к политике» основана на большом научном материале и личных впечатлениях автора, несколько раз бывавшего в Америке.

© Издательство «Молодая гвардия», 1974 г.

ЗАКОНОМЕРНЫЙ «ПАРАДОКС»

«Новое левое»¹ — под таким названием вошло в историю демократическое движение молодежи, охватившее начиная с середины 60-х годов практически все страны развитого капитализма. Какие бы серьезные сомнения ни вызывал сам по себе термин «новое левое», характеризующее им движение имеет свои вполне определенные причины возникновения, свою специфическую динамику раз-

вития. В этом преимущественно студенческом по социальному составу движении отразились глубокие сдвиги и тенденции политической трансформации массовых слоев трудящейся интеллигенции, вызываемые социально-политическим кризисом капиталистического общества, его идеологии и морали.

Наиболее широкий размах «новое левое» движение приобрело в Соединенных Штатах Америки, хотя еще несколько лет назад мало кто верил в возможность столь быстрого подъема в этой стране массового политического движения. Здесь «новое левое» движение скорее, чем в других странах развитого капитализма,

¹ Этот термин вошел в литературу, хотя и не отражает существа движения, о котором идет речь. Появился он не случайно, а как попытка противопоставить молодежь так называемому «старому левому», к которому лидеры мелкобуржуазных левозкстремистских организаций и официальная буржуазная пропаганда пытаются отнести в первую очередь коммунистические и рабочие партии и коммунистические союзы молодежи. Противопоставляя «новое левое» «старому левому», они тщетно селятся доказать якобы имеющую место идеологическую трансформацию последнего, внести раскол в ряды революционного и демократического движения.

вылилось в относительно четко очерченные организационные формы. Менее чем за десять лет оно прошло несколько этапов в своем политическом и идеологическом развитии и превратилось в важную составную часть сил, выступающих против господства государственно-монополистического капитала, против эксплуатации, за свободу и равноправие негритянского населения, за мир и демократию, за коренное преобразование современного американского общества.

Объяснение такому казавшемуся многим буржуазным идеологам парадоксальным явлению следует искать прежде всего в том, что в США раньше и острее, нежели в других странах, начали сказываться социально-политические последствия научно-технической революции, коренным образом меняющей положение интеллигенции в обществе, ее социальный статус, ее отношение к двум основным классам — пролетариату и буржуазии. Почти вся американская интеллигенция является в настоящее время лицами наемного труда. Современный уровень развития науки и техники требует все большего числа работников не только со средним, но и с высшим образованием. За пять лет, по данным социометрического центра Колорадского университета, количество рабочих мест для имеющих специальное высшее образование увеличилось на 67 процентов, а для людей со средним образованием — на 40 процентов. Рост числа инженерно-технических работников и служащих обгоняет рост числа станочных рабочих не только в процентном отношении, но и в абсолютных цифрах. С 1950 года по 1968 год численность рабочих в США увеличилась с 23,3 миллиона до 26,5 миллиона человек, численность же инженерно-технических работников и служащих выросла с 4,5 миллиона до 10,5 миллиона. Особенно наглядно рост интеллигенции виден на неуклонно увеличивающемся количестве студентов университетов и колледжей, число которых составило в 1970 году свыше 7 миллионов, увеличившись за десять последних лет на 4,5 миллиона.

«Студенчество, — отмечал В. И. Ленин, — не отрезано от остального общества»¹. Тесные узы связывают студенчество с теми классами и социальными группами населения, выходцами из которых они являются. Поэто-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 348.

му происходящие в этих классах и группах изменения не могут не находить отражения в умонастроениях и политическом поведении студентов.

В частности, в Соединенных Штатах контингент студентов пополняется в первую очередь за счет выходцев из средних слоев, или из так называемого «среднего класса». Этот «класс» вряд ли можно рассматривать в качестве мелкой буржуазии в полном смысле этого слова, экономические основы существования которой ликвидируются с ростом и развитием концентрации и централизации капиталистического производства.

Сохраняя в основном мелкобуржуазную психологию, значительное число выходцев из средних слоев, из мелкой буржуазии не выпадают из классовой структуры общества, а, напротив, пополняют ряды работающих по найму и подвергающейся непосредственной эксплуатации со стороны государственно-монополистического капитала инженерно-технической интеллигенции. Меняется и социальный статус мелкобуржуазной интеллигенции, у которой остается все меньше оснований для того, чтобы отождествлять себя с классом буржуазии.

Подавляющее большинство выходцев из средних слоев, окончивая высшее учебное заведение, не получает с университетским дипломом социального статуса своих родителей, а вливается в ряды наемной рабочей силы. Не случайно поэтому наиболее четкое проявление политические процессы, являющиеся результатом социальных и структурных сдвигов в средних слоях, находят в студенческой среде.

Пробуждение политической активности студенчества приходится на конец 50-х — начало 60-х годов, в условиях, когда американский рабочий класс сосредоточил в силу ряда объективных и субъективных причин основное внимание на экономической борьбе и, направляемый реакционными лидерами профсоюзов, не мог оказывать сколь-либо существенное воздействие на развитие демократического движения в стране. Партии, претендовавшие на роль рабочих, переживали глубокий кризис. Почти полностью растеряла свое влияние Лига за индустриальную демократию, давно утратившая социалистическую направленность и превратившаяся в одну из многочисленных антикоммунистических организаций. Та же участь постигла социалистическую партию. Как отмечают исследователи американского «ново-

го левого» движения П. Джэкобс и С. Ландау, а также видный американский историк Христофер Лэш, социалистов стало трудно отличить от либеральных демократов. В лучшем случае они составляют лояльную оппозицию правящим кругам, а чаще всего вообще перестают быть оппозицией.

В чрезвычайно трудном положении оказалась в те годы Компартия США, вынужденная вести работу в условиях, когда антикоммунистическая истерия достигла наибольшего размаха. В силу полулегального существования, репрессий и преследований ее руководителей и членов она была в значительной мере отрезанной от масс как в рабочем, так и в демократическом, в том числе молодежном и студенческом, движении.

Этим активно воспользовались правящие круги, монополистический капитал и реакция, развернув широкое наступление на демократические движения вообще и на демократическое движение молодежи в частности. Среди молодого поколения США усиленно насаждалась аполитичность, дух индивидуализма и конкуренции. Средства буржуазной пропаганды были направлены на духовное развращение американской молодежи, прославление американизма и «американского образа жизни». Против передовых представителей молодого поколения была развернута кампания травли и преследований на основе законов Смита, Маккарена, Тафта-Хартли, Лэндрума-Гриффина и др.

Случилось так, что, как отмечалось на XVIII съезде Компартии США, на протяжении пятнадцати послевоенных лет «массовые движения находились в зародышевом развитии», «многие левые умолкли», возникло неверие в возможность нового массового подъема демократического движения.

Все это не могло не отразиться на специфике развития леворадикального молодежного и студенческого движения как основной составной части американского «нового левого», которое с самого начала претендовало на роль самостоятельной политической силы, независимой ни организационно, ни идеологически от уже существующих политических партий и группировок, придерживавшихся демократической и социалистической ориентации. На специфике движения сказывались и другие факторы.

Под влиянием буржуазной пропаганды, географиче-

ской изоляции, определенной политической изоляции и относительно высокого жизненного уровня подавляющее большинство американской молодежи почти подсознательно соглашалось с тем, что США представляют собой «осуществление планов божьих на земле». Некоторые объективные обстоятельства, а еще в большей степени субъективные действия правящих кругов способствовали созданию условий, в которых новые идеи не могли получить ни широкого развития, ни соответствующей аудитории. Коммунистические же идеи всегда подвергались самым жестоким гонениям. Возможности для знакомства американцев с марксистско-ленинской теорией всячески ограничивались, боевые традиции рабочего движения представлялись в искаженном виде, теория и практика социалистического развития в СССР и других странах извращалась. В послевоенный период значительные слои населения США, особенно средние слои, оказались отягощенными бременем антикоммунизма.

Неудивительно, что, почувствовав неудовлетворенность существующим порядком вещей и необходимость его изменения, студенчество и часть интеллигенции обращаются в конце 50-х годов не к марксизму, не к теории научного социализма и не к революционным традициям американского рабочего движения. Как людям, находящимся в силу своего социального происхождения под влиянием психологии, традиций и привычек мелкой буржуазии, но в то же время начинающим критически относиться к ценностям «американского образа жизни» и самого «среднего класса», им больше импонировали идеи английских молодых радикалов, сгруппировавшихся к этому времени вокруг журналов «Юниверситис энд лефт ревью» и «Зе Нью ризонер», а позднее — «Нью лефт ревью». Они видели, что, с одной стороны, английские «новые левые» критиковали капитализм как сдерживающий фактор духовного, творческого, всестороннего развития личности, а с другой стороны, пропагандировали индивидуализм, отрицали революционную роль рабочего класса, объявляли интеллигенцию основной движущей силой в осуществлении глубоких социальных преобразований и т. п.

Под влиянием этого английского «интеллектуально-го радикализма» в конце 50-х годов в ряде американских университетов (Висконсинском, Калифорнийском

и Чикагском) появляются первые клубы и организации радикально настроенных студентов.

После застойных лет маккартизма и «холодной войны», породивших так называемое «молчаливое поколение», начался процесс «политизации» молодежи, в первую очередь студенчества.

Университет становится основным очагом развития «нового левого» движения в США. Остро чувствуя коренные перемены в положении массовых слоев интеллигенции, но еще не сознавая лежащих в основе этого глубоких причин, связанных с изменениями в недрах капиталистического общества в результате научно-технической революции, студенты первоначально обращают внимание на недостатки, присущие системе образования: ее сегрегационный, расистский характер; разница образовательного уровня в школах, расположенных в богатых районах, и в школах, «обслуживающих» бедноту; господство в высшей школе советов опекунов и регентов, составленных по преимуществу из представителей крупного бизнеса и реакции; широкое распространение в учебных заведениях «охоты за ведьмами» и требования «лояльности»; зависимость системы образования от военно-промышленного комплекса и т. п.

Вместе с осознанием основных пороков, присущих системе образования, у студентов появляются сомнения в истинности буржуазной концепции об американском обществе как «обществе изобилия», где достижение всех «прелестей и преимуществ» «американского образа жизни» не требует личной борьбы и жертв. Поскольку общество не может ликвидировать недостатки в системе образования, следовательно, в нем либо нет «избыточного продукта», либо он несправедливо распределяется, либо капитализм не знает, каким образом справиться с этим «изобилием». Студенческий протест в США начался не от пресыщенности «изобилием», как утверждают некоторые американские авторы, а, напротив, в силу сознания призрачности этого «изобилия».

Немаловажную роль в развитии университетского протеста сыграло изменение социального состава студенчества, его демократизация за счет увеличения доли выходцев как из средних слоев, так и из рабочего класса. Общее обострение классовых противоречий в США начинает отчетливо проявляться и в универси-

тетских аудиториях. Становится совершенно ясно, что лишь небольшой по численности группе студентов, являющихся представителями правящих классов, обеспечено прочное будущее, так как они займут место своих отцов на верхних ступенях социальной и политической иерархии американского буржуазного общества. Эта группа противостоит основной массе студенчества, перспектива большинства которой — продажа своей интеллектуальной рабочей силы и непосредственная капиталистическая эксплуатация.

Зачастую в работах американских авторов делают ссылки на то, что студенты, выходцы из рабочих семей, проявляют меньшую по сравнению с представителями средних слоев политическую активность. Такие заявления справедливы лишь постольку, поскольку попавшая в университеты и колледжи молодежь из рабочего класса питает пока иллюзии, суть которых сводится к тому, что получение высшего образования позволит им повысить свой статус на социальной лестнице капиталистического общества. Но рабочее место не у станка, а у пульта управления, в конструкторском бюро и т. п. не освобождает их из тисков капиталистической эксплуатации. Для выходца из рабочей семьи весьма важно уже само приобретение более высокой квалификации. Вполне понятно, что многие представители рабочего класса, попадая в высшее учебное заведение, отдают максимум сил и времени приобретению знаний и зачастую менее активны в политической деятельности. Вместе с тем увеличение их числа в университетах и колледжах объективно способствует повышению уровня политического сознания студентов так как, хотя и в опосредованном виде, привносит в их среду классовые противоречия, присущие всему современному американскому капиталистическому обществу.

Для многих студентов, главным образом из средних слоев, новый смысл приобретает и укоренившийся в США обычай работать во время каникул. Теперь они все чаще смотрят на эту работу не как на временное явление, ради какой-то дополнительной суммы денег на личные расходы, а как на нечто подобное тому, что ожидает их после окончания высшего учебного заведения. Работу же с учебой в той или иной мере в США сочетают около 50 процентов студентов. Тем самым они, еще находясь в университете, непосредственно на соб-

ственном опыте познают, что такое капиталистическая эксплуатация трудящихся, ожидающая их в будущем.

Отношения труд — капитал проникают и в самое высшее учебное заведение, поскольку направление образовательного процесса, характер подготовки специалистов во все большей степени зависят от желания и потребностей государственно-монополистического капитализма и ведущих корпораций, финансирующих университеты и колледжи. Финансирование высшего образования осуществляется не в филантропических целях, а для извлечения прибылей и производства товара, именуемого рабочей силой, наделенной необходимыми для удовлетворения потребностей монополий знаниями и навыками. Известно, что процент с капитала, вложенного в образование мужского населения, весьма высок и составляет, по подсчетам американских экономистов, более 10 процентов. Бывший президент Калифорнийского университета Кларк Керр отмечал, что «производство, распределение и потребление «знаний» во всех формах составляет 29 процентов общего национального продукта» и что «производство знаний растет в два раза быстрее, чем любая другая отрасль экономики». Непосредственно в университетах сосредоточено свыше 20 процентов производства отрасли промышленности, известной как «исследование и развитие». Вполне понятно, что не только преподаватели, но и студенты, особенно аспиранты, заняты в этой работе и, следовательно, подвергаются эксплуатации со стороны финансирующих проведение соответствующих исследований монополий.

Уже само по себе изменение социальной функции высшего образования, все более попадающего в зависимость от государственно-монополистического капитализма и крупнейших корпораций, не может не вести к усилению проявления в университетах политических конфликтов, присущих обществу в целом, что позволяет студентам скорее увидеть кризисные явления, которые, как отмечается в программе Коммунистической партии США, с «особой жестокостью бьют по молодежи».

Молодежь, которая составляет около четверти всех занятых в промышленности рабочих, в наибольшей степени страдает от безработицы, отсутствия необходимой профессиональной подготовки, роста цен и налогов. Вынужденные совмещать учебу с работой студенты начи-

нают острее замечать социальные контрасты, когда наряду с бурным техническим развитием фабрики и заводы нуждаются во все меньшем числе рабочих рук, когда, несмотря на увеличение выпуска продукции, не удается ликвидировать трущобы, нищету и бедность, когда десятки миллионов американцев живут в бедности.

В наиболее острых и неприглядных формах кризис современного американского общества проявляется в сегрегации и расовой дискриминации. Реакция цепляется за расизм как за средство для борьбы против любых прогрессивных движений, для раскола рабочего класса, молодежи. Расизм является питательной средой шовинизма. Поэтому свобода негров в американском обществе стала пробным камнем подлинной свободы для всех.

Американская молодежь не отгорожена китайской стеной от глубочайших процессов, определяющих общественное развитие в современную эпоху, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму.

Молодые американцы не могут не интересоваться политическим, общественным, экономическим, научным и культурным развитием в мире, противостоящем миру капитализма, то есть в социалистических странах.

Перечисленные выше факторы создают предпосылки для соединения в движении студенческого протеста требований академического и политического характера. Опыт развития демократического студенческого движения в США в 60-е годы полностью подтверждает ленинское положение о том, что, вступив на путь борьбы за так называемые чисто студенческие требования, университетская молодежь очень скоро убеждается, что последние могут быть в конечном итоге завоеваны посредством борьбы «не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу»¹.

Особенно наглядно этот процесс можно проследить на развитии американского «нового левого», основную социальную базу которого составило студенчество, а также на развитии боевого и динамичного движения за свободу и равноправие американских негров.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 370.

Основным стимулом подъема леворадикального движения студентов и молодежи в конце 50-х — начале 60-х годов явились внутренние проблемы, и в первую очередь сегрегация и расовая дискриминация негритянского населения.

В резолюции XVIII съезда Компартии США по негритянскому вопросу отмечалось: «Первая половина 60-х годов явилась историческим поворотным пунктом в борьбе за свободу негритянского народа. Движение за свободу и равенство стало самым сильным, самым боевым, самым динамичным протестом нашего времени».

Весьма показательно, что подъем движения за гражданские права совпадает со столетием гражданской войны, к которому было приурочено проведение ряда реформ, призванных якобы облегчить участь негритянского населения. Администрация президента Кеннеди заигрывала с лидерами негритянских организаций, рисовала радужные перспективы решения расового вопроса, но действовала крайне медленно и нерешительно.

Либеральная политика, рассчитанная на умиротворение негров, вызывала прямо противоположный эффект. Разговоры о необходимости решения расовых проблем при отсутствии далеко идущих конкретных действий заставляли многих американцев задуматься над тем, что в результате гражданской войны изменились только формы угнетения, труд из рабского превратился в наемный, но эксплуататорский в своей основе характер мотивов, кроющихся за угнетением негров, не изменился.

Важным морально-историческим фактором, также в значительной мере способствовавшим подъему движения за гражданские права и разворачиванию массовых выступлений американских негров, явились успехи национально-освободительного движения в колониальном мире, и в первую очередь в Африке. Американские негры увидели, что «черные» не только имеют свое собственное историческое и культурное наследие, но и способны творить новую историю и создавать новую культуру, что они способны распоряжаться своей национальной и государственной судьбой, снискать себе высокий и заслуженный авторитет в мире.

Молодежь широким потоком начинает вливаться в движение за гражданские права. Тысячи молодых людей направлялись в южные штаты для конкретного участия в действиях против сегрегации при приеме на работу, найме жилищ, на транспорте, в образовании и т. д. Наряду с негритянской молодежью самое активное участие в этой деятельности приняли представители передовой белой молодежи, главным образом студенческой. Участие в движении за гражданские права стало для них первым конкретным уроком политической борьбы, в ходе которого они осознавали необходимость добиваться подлинной свободы не только для негров, но и для всех американцев.

Многие студенты впервые познакомились с действительным положением негритянского народа во время поездок на юг для непосредственного участия в борьбе за гражданские права.

Живая связь с народом, с наиболее обездоленной его частью оказала благотворное влияние на направление и характер деятельности американских студентов, привела их к более широкому и активному участию в борьбе за демократию. Именно студенты, прошедшие школу борьбы за гражданские права, составили костяк развернувшегося в стране «нового левого» движения.

Быстрый рост участия молодежи в демократических движениях с неизбежностью выдвигал вопрос о необходимости организации. Специфический характер самого движения породил и специфические организационные формы. Особенно отчетливо это проявилось в созданном весной 1960 года Студенческом координационном комитете ненасильственных действий (СККНД). Начавшая применяться молодыми борцами за гражданские права тактика прямых действий (сидячие забастовки в сегрегированных кафе, парках, кинотеатрах и т. д., «рейды свободы») наталкивала их на мысль о необходимости создания организации нового рода, отличной от традиционных, типа Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, занимавшихся главным образом составлением петиций, работой с отдельными конгрессменами, сенаторами, государственными чиновниками и т. п.

Стремление руководства Студенческого координационного комитета опираться в первую очередь на массовую борьбу определило и структуру организации.

У комитета не было ни определенной программы, ни постоянного членства. Был лишь небольшой руководящий аппарат и около 300 постоянных активистов, главным образом из числа выпускников высших учебных заведений или студентов, бросивших учебу и полностью посвятивших себя деятельности СККНД.

СККНД не выработал на первых порах какой-либо четкой идеологической платформы. На учредительном заседании комитета все свелось к выборам руководства, провозглашению лозунга «Свобода немедленно!» и идеала ненасилия как цели, веры и метода действий вновь созданного объединения.

Дальше такой неопределенной концепции руководители СККНД не шли. В тот период они находились под сильным идейным влиянием возглавлявшейся доктором Мартином Лютером Кингом «Конференции христианского руководства на юге», все еще рассчитывавшей на буржуазных либералов и церковь. Именно от нее СККНД воспринял идею ненасилия, вошедшую даже составной частью в его название.

Начав движение с борьбы за десегрегацию кафе, комитет очень скоро сосредоточил свое внимание на борьбе за право голоса для негров. В Джорджии, Алабаме и Миссисипи СККНД развернул широкую кампанию по регистрации негров для участия в выборах. Кампания проводилась под лозунгом «Один человек — один голос». В этом нашли отражение иллюзии, связанные с надеждой на то, что сознательное участие всего населения в выборах будет способствовать учету мнения всех избирателей в выработке государственной политики. Тем не менее кампания способствовала пробуждению к политической деятельности значительных слоев негритянского населения. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что уже к концу 1964 года в качестве избирателей было зарегистрировано 500 тысяч негров, не участвовавших ранее в выборах.

Другой формой деятельности СККНД явилась организация «школ свободы», особенно широко развернувшаяся в Миссисипи, где процент неграмотных особенно высок. Летом 1964 года в Миссисипи была организована 41 такая школа, 34 из них продолжали работу и зимой, преподавание в них вели 2 тысячи студентов из высших учебных заведений штата.

Развертыванию массовых выступлений негритянских

трудящихся объективно служила и деятельность СККНД по созданию в общинах различного рода организаций, которые могли бы вести борьбу за ликвидацию экономического и политического беспорядка.

В апреле 1965 года по инициативе комитета в Миссисипи был создан Рабочий союз свободы, в который вошли водители тракторов и издольщики. Идея объединения неорганизованных сельскохозяйственных рабочих распространилась на штат Теннесси, где также был создан Рабочий союз свободы.

Усилиями работников комитета в Миссисипи была создана Корпорация бедных людей с целью оказания помощи в развитии легкой промышленности и независимого фермерского хозяйства. На небольшие займы корпорация организовала пошивочную мастерскую и несколько кожевенных мастерских.

Многие из аспектов деятельности СККНД носили на себе отпечаток идей народничества, социалистов-утопистов. Его активисты в буквальном смысле «шли в народ», делили с ним его невзгоды, перенимали обычаи, язык, одежду. Вместе с тем они глубоко верили в способность простого народа к самоуправлению. Они стремились научить людей самим решать касающиеся их вопросы, выдвигать из своей среды руководителей; создавали в общинах так называемые «очаги сопротивления», противостоящие существующим официальным институтам.

Благородные устремления активистов СККНД, искавших опору среди массовых слоев негритянского населения, но не имевших сколь-либо четкого представления ни о целях, ни о путях и методах осуществления коренных общественных преобразований, не приносили, да и не могли принести желаемых результатов. Неудачи приводили руководителей СККНД к мысли, что массовая борьба негритянского населения должна быть направлена не на осуществление реформ в рамках существующей системы, а на коренную ломку этой системы.

Отказ от традиционных либеральных методов способствовал отходу СККНД от ненасильственных действий. Борцы за гражданские права все чаще начинали оказывать прямое сопротивление полицейскому насилию, демонстрируя при этом высокий боевой дух, динамизм и готовность к самопожертвованию.

«Нашей целью является достижение полной свободы, полной справедливости, полного равенства любыми необходимыми средствами» — этот призыв зверски убитого расистами лидера негритянского движения Мэлколма Икса стал практическим лозунгом борьбы молодых негров. Американская пропаганда не скупится на выражения, чтобы обвинить все негритянское движение, и в первую очередь движение молодежи, в крайнем экстремизме, ссылаясь при этом на то, что оно окончательно отказалось от использования законных методов и избирательной системы. Подобные заявления, мягко говоря, не соответствуют действительности. В негритянском движении используются все доступные средства для достижения благосостояния, свободы и равенства. Однако практика борьбы показала, что так называемые законные методы не могут привести к осуществлению чаяний негритянского народа в современном американском обществе. Молодые борцы за гражданские права с самого начала своей деятельности имели широкую возможность убедиться в лицемерии федерального правительства, на словах поддерживавшего законодательство о гражданских правах, а на деле проявлявшего полную неспособность и нежелание положить конец насилию против активистов негритянского движения.

Они на собственном опыте убеждались, что в обществе, где процветает расизм, не может быть институтов, способных повести борьбу против него. Они видели, что такие институты, как местное самоуправление, профсоюзы, судебная система, представляемые американской пропагандой как часть демократического устройства, являются в действительности препятствием на пути достижения негритянским народом равенства. У молодых борцов за гражданские права исчезает вера в возможность ликвидации системы расизма, дискриминации и сегрегации путем законодательства. Уже в 1963 году бывший руководитель СККНД Джон Льюис отмечал: «Билль (о гражданских правах. — А. Б.) не защитит детей и пожилых женщин от полицейских собак... за их участие в мирных демонстрациях...» Усиливается резко отрицательное отношение к буржуазным либералам.

У Молодежь, влившаяся в движение за гражданские права, выработала свою тактику — тактику прямых

действий, — перенесла борьбу из залов судебных органов на улицы, на автобусные станции, в рестораны, на спортивные площадки и т. п. Здесь молодежь убеждалась в иллюзорности надежд на изменение отношения к неграм со стороны расистов и эксплуататоров с белым цветом кожи путем их нравственного совершенствования. Передовые участники движения поставили под сомнение формулу «пробудить чувства морального стыда у своего противника», предложенную в свое время Мартином Лютером Кингом. Вера в эту формулу исчезла потому, что борцы за гражданские права не получили защиты ни со стороны правительства, ни со стороны либералов. Оставалось полагаться только на свои силы. Участники движения увидели, что расизм — это не локальное, характерное для южных штатов, а всеобщее явление, болезнь, порождаемая существующими в стране общественными и политическими устоями.

«Бунты» в гетто северных городов США, сопровождавшиеся кровопролитием, стычками с полицией, способствовали политическому прозрению значительной части негритянского населения. В отличие от проводившихся до сих пор на юге кампаний за гражданские права, где негритянское население являлось в основном объектом деятельности активистов, стремившихся облегчить его участь, в гетто северных городов сам негр становится основным субъектом борьбы за то, чтобы положить конец своему бесправному положению в обществе. Эти методы борьбы быстро находят благоприятную почву и на юге, подготовленную полной самоотверженностью деятельностью активистов СККНД и членов других демократических организаций. Повсеместно негритянское население берет инициативу борьбы в свои руки, выдвигает из своей среды признанных руководителей движения. «Впервые в национальной истории сам негр возглавил боевые освободительные силы как на севере, так и на юге», — отмечает в своей книге «Изобретение негра» американский историк Еарл Конрад.

Таким образом, к середине 60-х годов движение за гражданские права окончательно вышло за пределы протеста либералов как белых, так и черных, которые утверждали, что «Америка является хорошим обществом», в рамках которого и следует добиваться равных

прав для негров. Оно переросло в борьбу за свободу и равноправие негритянского населения, среди участников которой зреет сознание, что радикальных изменений можно добиться только путем перестройки всей общественной, политической и экономической структуры общества, а не борьбой за принятие новых законов о гражданских правах.

ЛИБЕРАЛЫ ПРОТИВ ЛИБЕРАЛОВ

Борьба за гражданские права оказала громадное влияние на становление и развитие всего «нового левого» движения. Она, говорил на XVIII съезде Компартии США ее Генеральный секретарь товарищ Гэс Холл, «создала политический фермент... подняла на новую высоту массовое политическое сознание громадных секций нашего народа».

Студенты, принимавшие участие в борьбе за гражданские права на американском Юге, стали организаторами первых массовых выступлений непосредственно в университетах. Они определили направление развития возникшей в 1960 году организации — Студенты за демократическое общество (СДО).

СДО почти целиком состояла из белых студентов. К участию в движении за гражданские права их толкало сознание несправедливости системы сегрегации и расового угнетения. Вместе с тем расизм не был для них явлением, прямо отражающимся на их жизни и положении в обществе, а поэтому мог служить лишь стимулом к развертыванию политических выступлений.

В основе студенческого протеста лежали в первую очередь причины, связанные с изменениями в социальном положении массовых слоев интеллигенции, с превращением ее значительной части в категорию лиц наемного труда, подвергающихся непосредственной эксплуатации.

Непосредственная капиталистическая эксплуатация — такое будущее уготовлено подавляющему большинству американских студентов. Понимая это, они проникаются настроениями социального протеста. Но, политически наивные, они ищут причины изменившегося социального статуса интеллигенции не в классовом характере общества, не в характере процесса труда

при капитализме, а в бюрократии, бездушности окружающего общества к человеку.

Путь к решению всех волновавших их проблем студенты видели в достижении людьми полной индивидуальной свободы, а основное препятствие на этом пути усматривали в обществе, которое, следовательно, не имеет права на существование так же, как и его моральные и материальные ценности.

В своей книге «Процесс» один из создателей СДО и ведущих теоретиков «новых левых», Том Хейден, писал: «В настоящее время молодые белые — и рабочего и мелкобуржуазного происхождения — являются первым привилегированным в материальном отношении поколением, которое нисколько не заинтересовано в увековечении капиталистической системы. Мы отведали ее «изобилие» и знаем, что жизнь — это нечто гораздо большее, чем уют загородного коттеджа». Но прежде чем приблизиться к пониманию, в чем заключается это «нечто большее», «новые левые» должны были пройти сложный путь поисков новых индивидуальных ценностей, некоего утопического общественного устройства, в рамках которого существовали бы неограниченные возможности для развития личности, демократии и свободы. На первых порах они увлекаются экзистенциализмом, в котором находят близкие для себя идеи о «свободе выбора и принятия решений», о «прямой человеческой реакции» на положение, существующее в окружающем их «обезличенном мире». «Новым левым» импонировали и экзистенциалистские идеи индивидуального протеста, выливающегося в неосознанное единство возбужденной толпы. То, что такой протест абсурден и создает лишь иллюзию активного действия, включавшиеся в демократическую борьбу студенты сразу понять не могли.

В поисках простых решений сложнейших общественно-политических проблем леворадикальные студенты обращаются и к работам ряда модных в то время авторов. В частности, Эрих Фромм поражал их воображение своими утверждениями о том, что «стремление к умственному здоровью, счастью, гармонии, любви, производительности внутренне присуще любому человеческому существу, не родившемуся психическим или моральным идиотом». Отсюда первоначальное стремление многих студентов преодолеть дух конкуренции и

индивидуализма, ликвидировать моральные пороки современного общества исповедью всеобщей «любви». Но «любовь» каждый раз оказывалась негодным средством для исцеления пороков общества, как только студенты, принимавшие участие в конкретных действиях, наталкивались на государственно-репрессивный аппарат этого общества.

Конкретное участие в демократическом движении даже на начальных стадиях помогает если не понять, то остро почувствовать проявления угнетения, несправедливости существующей системы. Включающиеся в демократические движения студенты начинают искать ответы на волнующие их вопросы в работах авторов, рассматривающих современное капиталистическое общество с критических позиций. В начале 60-х годов их внимание привлекли, в частности, работы Герберта Маркузе. Из этих работ студенты познавали, что в современном «индустриальном обществе» каждый отдельный человек угнетен сильнее, чем когда-либо прежде, что капитализму присущи острейшие противоречия, что он не в состоянии раскрепостить творческие потенциальные возможности людей и т. п. Но вместе с критикой частных отрицательных явлений, порождаемых капитализмом, студенты выносили из работ Маркузе неверие в возможность революционных общественных преобразований, поскольку в соответствии со спекуляциями Маркузе в «индустриальном обществе» не осталось якобы движущих сил для такого рода преобразований. Развитие капитализма, как утверждает Г. Маркузе в своей книге «Одномерный человек», изменило структуру и функции буржуазии и пролетариата «таким образом, что они, по-видимому, уже не представляют собой движущих сил исторического преобразования. Преобладающий интерес к сохранению и улучшению существующего порядка вещей объединил в наиболее развитых районах современного мира бывших антагонистов». А если это так, то совершенно неправомерна постановка вопросов о классовой борьбе пролетариата. Более того, в зависимости от обстановки и в расчете на привлечение новых поклонников Маркузе не прочь иногда порассуждать о возможности появления новых движущих сил революционных преобразований. «Вы знаете, — писал он в июле 1967 года, — что я считаю студенческую оппозицию сегодня одним из самых ре-

шающих факторов в мире. Конечно, не в смысле непосредственной революционной силы, как меня упрекают, а как один из важнейших факторов, который, по-видимому, сможет стать революционной силой». При отрицании роли рабочего класса подобные заявления могут только ввести в заблуждение, способствовать преувеличению студентами своей революционной роли, росту в их среде настроений так называемого «студенческого авангардизма». К таким же результатам вели и работы ряда других авторов, пользовавшихся популярностью среди американского студенчества. Один из них, Поль Гудман, придерживавшийся анархистских взглядов, шел настолько далеко, что объявлял студенчество не только главной силой для революционных преобразований, но и «основным эксплуатируемым классом».

✓ Как было показано выше, включение студенчества в разряд эксплуатируемых групп населения в условиях США не лишено оснований по целому ряду причин. Вместе с тем студенчество не является и не может быть самостоятельным классом. Напротив, рост числа студенчества, активизация его участия в общественно-политической жизни все более наглядно демонстрируют тесную, неразрывную связь студентов с теми классами, к которым они принадлежат или которые им суждено пополнить. Современное развитие полностью подтверждает ленинскую мысль о том, что студенчество «всегда и неизбежно отражает в себе всю политическую группировку общества»¹.

Несомненно, что концепции Э. Фромма, Г. Маркузе, П. Гудмана, экзистенциалистов и других способствовали пробуждению антикапиталистических настроений среди леворадикального студенчества США. Они вселяли в них сознание необходимости глубоких преобразований современного общества, но вместе с тем не указывали путей для такого рода преобразований, не намечали даже контуров будущего общественного устройства. До определенной поры это устраивало леворадикальных студентов, поскольку их протест носил не общественный, а индивидуальный характер. Все было сосредоточено вокруг протестующего индивидуума, видевшего основное зло в самом обществе и считавшего достойным уничтожения все, что препятствует его

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 348.

личному развитию и самовыражению. Однако расширение непосредственного участия в борьбе выдвигает задачу выработки хотя бы какой-то программы, перспектив на будущее, вокруг которых могло бы сосредоточить усилия более или менее значительное число людей.

Громадное влияние на развитие леворадикального студенческого движения оказал С. Райт Миллс, которого американские, да и не только американские «новые левые» считали своим духовным отцом.

В отличие от других социологов, пользовавшихся популярностью среди «новых левых», Райт Миллс не отрицал ни классового характера капиталистического общества, ни классовой борьбы как движущей силы общественного развития.

Но, анализируя конкретное положение в развитых капиталистических странах, и в первую очередь в США, Р. Миллс столкнулся с тем, что рабочий класс сосредоточил свои основные усилия на экономической борьбе. На этом основании он делал вывод, что «рабочие ведут борьбу с капиталистом вокруг вопроса о распределении продукта, а не по вопросу капиталистического способа производства как такового». Причину такого положения он усматривал в политике профсоюзного руководства, в политике классового сотрудничества, проводимой лидерами социал-демократических партий, которые, по его мнению, повсеместно превратились в обыкновенные либеральные партии, стали не отвечающим своему назначению фасадом оппозиции. Одновременно Р. Миллс видел рост оппозиционных настроений в средних слоях, среди интеллигенции, вызываемый усилением социального гнета, их все большим отдалением от «господствующей элиты».

Глубоко сознавая необходимость коренных преобразований капиталистического общества и сталкиваясь одновременно с относительной политической пассивностью рабочего класса в ряде развитых капиталистических стран, в конце своей жизни, полемизируя с Д. Беллом, проповедовавшим «конец идеологии», концепцию деидеологизации студенчества, Р. Миллс высказал мысль о возможности превращения интеллигенции в специфических условиях некоторых стран в «непосредственную радикальную преобразующую силу».

«Кто чувствует себя сытым по горло? — писал он

в «Открытом письме к новому левому». — Кому опротивело то, что Маркс называл старым хламом. Кто думает и действует радикально? Повсеместно во всем мире... ответ на этот вопрос один: молодая интеллигенция».

Не изучив глубоко происходящих сдвигов в классовой структуре капиталистического общества, Р. Миллс ошибочно полагал, что существование все возрастающих слоев интеллигенции, и, в частности, среднего и низшего звеньев управленческого аппарата, «противоречит ожидаемой двухклассовой поляризации современного капитализма», а следовательно, и самой «схеме стратификации, предлагаемой классическим марксизмом».

На этом основании делался вывод о неизбежности возникновения самостоятельного политического движения интеллигенции, так называемого «нового левого». Сам Миллс отмечал, что он только приступал к исследованию вопроса о движущих силах революционного преобразования современного капиталистического общества, что он «только поднимает вопрос». Но именно за положение об интеллигенции как «непосредственной радикальной преобразующей силе» ухватились другие авторы, претендовавшие на роль теоретиков «нового левого». Они насаждали эту концепцию в среде радикализировавшегося американского студенчества. Отсутствие в работах Р. Миллса четкого представления о главной движущей силе революционных преобразований, которой может быть только руководимый марксистско-ленинской партией рабочий класс, привлекающий на свою сторону широкие демократические движения, включая движение интеллигенции, вносило путаницу, питало авангардистские настроения «новых левых».

Однако из работ Миллса «новые левые» выносили идею, что главной причиной отчуждения является отсутствие у человека возможностей осуществлять контроль над своим собственным существованием.

Именно поисками путей наполнения гуманистическим содержанием различных общественных и местных организаций и институтов, через которые индивидуум смог бы добиться подлинного контроля над решением вопросов общественной политики, был характерен первый этап развития американского «нового левого».

Особенно наглядно это проявилось в так называемой «Гуронской декларации», принятой на конгрессе организации Студенты за демократическое общество, состоявшемся в июне 1962 года в Порт-Гуроне (Мичиган).

В декларации были подвергнуты критике некоторые аспекты внутренней и внешней политики США, в первую очередь расовое угнетение, которое никак не вяжется с заявлениями о том, что «все люди созданы равными»... поддержание «холодной войны» и сохранение угрозы атомной катастрофы, опровергающие официальные утверждения о мирных намерениях американского правительства. Авторы декларации выдвинули задачу искать демократические альтернативы существующим порядкам, добиваться подлинной независимости людей в обществе, организованном не для меньшинства, а для большинства.

Общественные отношения, по мнению авторов декларации, базируются на взаимоотношениях между людьми, которые, в свою очередь, должны строиться на основе дружбы, честности и человеческого братства. Именно такие отношения могли бы тесно сплотить людей, а не функциональные отношения рабочего к рабочему, предпринимателя к наемному рабочему, преподавателя к студенту, американца к русскому.

Условием и методом достижения такого идеального положения дел авторы декларации считали общественную систему, в которой была бы установлена «демократия индивидуального участия»¹, определяющаяся двумя основными задачами: участие индивидуума в принятии таких общественных решений, которые определяют содержание и направление развития его жизни; такая организация общества, которая способствовала бы росту человеческой независимости и обеспечивала условия для совместного участия» в политической и экономической жизни.

В тексте декларации полностью отсутствовал классовый анализ современного капиталистического об-

¹ «Демократия индивидуального участия», «демократия всеобщего участия», «партиципаторная демократия» — равнозначные по содержанию термины для обозначения такого общественного устройства, где все члены пользуются равными правами и принимают равное участие в решении всех касающихся данного общества вопросов.

щества. В ней вообще не содержалось никаких ссылок на рабочий класс. Ничего не было сказано о движущих силах в деле достижения «партиципаторной демократии». Она была рассчитана главным образом на привлечение внимания интеллигенции и студенчества к некоторым кризисным явлениям в экономической, политической и общественной жизни США, анализ которых был сделан с общегуманистических позиций, заимствованных у Руссо, социалистов-утопистов, в первую очередь у Фурье, и анархистов.

Декларация ни в коей мере не являлась программой радикальных преобразований капиталистического общества, в ней отсутствовало даже само слово «капитализм». Авторы декларации рассчитывали прийти к «обществу партиципаторной демократии» через использование существующих «либеральных» институтов, их подчинение служению интересам народа, а не военных и бизнеса. Для этого предлагалось ограничение исполнительной власти, реформа конгресса, которая сделала бы его гибким, возвратила ему функции центрального органа в принятии решений, касающихся всей страны; осуществление таких реформ, которые предоставили бы избирателям возможность принимать участие в выработке решений, дали право голоса неграмотным и мигрирующему населению, позволили бедным иметь своих непосредственных представителей в законодательных органах.

Единственным методом для осуществления общественных изменений были провозглашены ненасильственные действия. Декларация призывала к уничтожению всех средств насилия и к всестороннему развитию «институтов — местных, национальных и международных, — которые поощряют ненасилие как условие решения конфликта».

Гуронская декларация не была свободна от определенного налета антикоммунизма, выразившегося, в частности, в утверждениях о неприемлемости идеологии «старого левого». Вместе с тем в ней содержалась резкая критика патологического антикоммунизма, который используется правящими кругами для оправдания «холодной войны», а ультраконсерваторами как средство борьбы против «либерализма, интернационализма, политики благоденствия, активного движения за гражданские права и рабочего движения».

Помимо принятия декларации, участники конгресса СДО в Порт-Гуроне выразили поддержку революционной Кубе, подвергли критике многие аспекты внутренней и внешней политики правительства США, поставили под сомнение статью устава, лишившую коммунистов права быть членами СДО, выдвинули идею о необходимости добиваться единства действий всех демократических сил.

В целом вытекающая из Гуронской декларации программа действий СДО хотя и не носила революционного характера, но шла намного дальше требований традиционных либеральных организаций. Именно благодаря этому СДО сумела сплотить вокруг своей программы широкие студенческие массы. В отличие от традиционных либералов руководители СДО не только заявляли о своем стремлении защищать интересы простого народа, но и стремились вовлечь его наиболее обездоленную часть в массовое движение за осуществление общественных преобразований. Они избрали своим основным методом непосредственную работу в массах.

УСИЛИЯ, НЕ ДАВШИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Студенческие руководители исходили из того, что беднейшая часть населения, как белые, так и черные, полностью и преднамеренно отстранена от участия в общественной жизни, а поэтому именно она является силой, способной до основания перетрясти все существующие институты. В практической деятельности СДО идея «партиципаторной демократии» толковалась приблизительно следующим образом: люди все больше и больше утрачивают возможность контролировать принятие решений, непосредственно их касающихся; однако развитие науки и техники, массовое образование могут способствовать возникновению новых демократических институтов на местах — в общинах, на заводах, в учебных заведениях и других общественных учреждениях. Для этого люди, не обладающие властью, в первую очередь беднейшие слои, должны организовать с целью отстаивать свои интересы перед лицом властью имущих. Деятельность на местах должна была создать благоприятный климат для проведения реформы национальной политики и заставить людей поверить в воз-

возможность успешной борьбы за свое право на участие в выработке решений. Осуществить эту задачу предполагалось через создание «антиорганизации», «антиобщин», «антиправительства», «антиобщества» в целом. Монополии как основной ячейке существующей в стране системы противопоставлялась община, в которой собственность должна принадлежать всем членам, решения приниматься с учетом мнения каждого, нормы общежития базироваться на коллективистских началах и регулироваться самой общиной. Эти микроструктуры со своими собственными экономическими связями, культурными и этическими нормами, системой воспитания должны были противостоять существующему общественному устройству, демонстрировать его эксплуататорскую и антигуманную сущность и «заражать» все общество стремлением к обновлению. Однако контуры этого будущего «обновленного» общественного устройства совершенно не были обозначены. Авторы концепции «партиципаторной демократии» рассуждали приблизительно так: когда «активная демократия» заменит «прогнившую демократию», когда «американская демократия» вновь обретет жизненную силу, а политический процесс будет действительно отвечать интересам бедных, тогда последние сами определят, к каким целям и решениям они стремятся.

Характерно, что, будучи по своему составу студенческой организацией, СДО с самого начала не столько обращала внимание на академические (студенческие) вопросы, сколько на организацию студенческой молодежи для участия в более широких общественных преобразованиях.

Отвергая первоначально марксизм как научную теорию общественных преобразований, руководители СДО взвалили себе на плечи непосильную задачу выработки метода, руководствуясь которым можно было бы добиться демократизации общественных процессов в США. Отсюда с неизбежностью проистекали колебания и непоследовательность. Лидеры СДО считали, что для достижения поставленной цели небольшая группа активистов должна вовлекать широкие народные слои в антивоенное движение и движение за гражданские права, объединить эти движения и появившееся демократическое движение студентов с уже существующими группами, заинтересованными в реформах, в первую

очередь такими, как рабочее движение, либеральные и религиозные организации.

Эти идеи были изложены в документе «Америка и Новая Эра», разработанном на состоявшемся в 1963 году национальном съезде СДО. В документе, в частности, подчеркивалось: «Представляется возможным, что народный подъем во многих общинах... может стать исходным моментом для превращения рабочих в важный центр власти и руководства. Демократическое восстание могло бы (также) дать многим людям (из среднего класса) наполненное жизнью и вдохновляющее видение гуманного общественного порядка — видение, которое, возможно, вывело бы их из состояния уединения и индивидуализма». Иными словами, организуя бедных, СДО надеялась привлечь внимание американцев, в первую очередь рабочих и либералов, к нерешенным экономическим и социальным проблемам США, вызвать у них желание помочь обездоленным.

Практическое воплощение указанные идеи нашли в разработанном СДО проекте «Экономические исследования и действия», осуществление которого началось в 1963 году при поддержке и финансовой помощи в размере 5 тысяч долларов со стороны Объединенного профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности. В соответствии с этим проектом активисты СДО приступили к работе среди обездоленного белого и негритянского населения ряда городов севера США, стремясь на деле продемонстрировать, что они понимают под «партиципаторной демократией», и внедрить эту демократию в жизнь. Работа первоначально проводилась под лозунгом «Работу или доход немедленно!» и зачастую выливалась в весьма оригинальные, хотя и малоэффективные, формы. Так, в Чикаго осуществление проекта началось с продажи яблок. Во время депрессии в начале 30-х годов этот метод использовался безработными для сбора средств и стал символом для привлечения внимания общественности к их бедственному положению. Студенты продавали яблоки в районе с большим числом контор, рассчитывая тем самым добиться поддержки со стороны служащих, разделяющих либеральные идеи. То же самое они делали в дни получек у заводских ворот, полагая, что это будет напоминать рабочим об угрозе потери их собственной работы, вызовет у них интерес к программе

СДО, к ее поддержке как морально, так и материально. Участники проекта занимались филантропической деятельностью — сбором одежды в богатых районах для раздачи беднякам на устраиваемых ими по случаю рождества вечеринках, организацией медицинского обследования и т. п.

Но главного — поддержки со стороны рабочих и либеральных организаций — активисты СДО так и не добились. Это привело к резкому изменению их отношения к организациям рабочих и либеральных представителей средних слоев — от надежд к глубочайшей ненависти и презрению.

Разочарование ожидало работников СДО и в местных общинах, когда они решили перенести центр тяжести своей деятельности с попыток добиваться полной занятости в стране к локальным вопросам благоустройства, улучшения жилищных условий и т. п. Очень скоро они обнаружили косность местных политических институтов, противившихся даже проведению минимальных реформ: например, освещение наиболее опасных перекрестков, не говоря уже о реформах, затрагивающих экономическую структуру или перераспределение средств. Только по двум из десяти проектов программы «Экономических исследований и действий» удалось добиться относительных уступок со стороны властей. В Кливленде школьникам из семей, получающих пособия по безработице, были предоставлены бесплатные обеды, а в Ньюарке, где проектом руководил Том Хейден, избранный на месте совет по борьбе с бедностью смог получить средства для создания оздоровительного центра.

К зиме 1965 года большинству участников программы «Экономических исследований и действий» стало ясно, что ни одна из ставившихся задач не была выполнена. Не удалось вызвать массового протеста со стороны рабочих и либералов, добиться хотя бы незначительных реформ.

Не дали результатов попытки организовать белых бедняков вокруг вопросов экономического характера, таких, как безработица, жилье, бедность и т. п. Прimitивный экономизм ранней СДО потерпел провал.

Существующая в стране политическая структура оказалась косной и неотзывчивой на требования снизу, а сила примера незначительного числа активистов

СДО недостаточной, чтобы всколыхнуть трудящиеся массы. Концепция «партиципаторной демократии» отчетливо показала свой утопический характер, столкнувшись с аппаратом современного централизованного буржуазного государства. Иллюзии относительно возможности осуществления общественных преобразований с помощью буржуазного либерализма быстро развеивались. Все более настоятельно вставал вопрос о необходимости выработки политических, идеологических и организационных принципов движения.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ И ИЗДЕРЖКИ

Исследователи американского «нового левого» П. Джэкобс и С. Ландау писали в этот период: «То, что, возможно, началось как восстание против изобилия и либерального лицемерия, переросло в течение нескольких лет в радикальный активизм, в протест против несправедливости, заложенной в самой основе общества. Но даже в то время, когда находившиеся под огнем критики институты терпели этот протест, некоторые молодые радикалы начали думать о чем-то выходящем за рамки восстания или радикального протеста. В настоящее время движение старается выработать идеологию, которая привела бы их к строительству организации, способной повести борьбу за политическую власть».

Разочаровавшись в возможностях американского либерализма, руководители СДО и других группировок «нового левого» направления задались целью создания массового движения, которое могло бы положить конец расизму, эксплуатации и империализму, внести коллективистские начала в принятие экономических решений, демократизировать все политические, экономические и общественные институты Америки. Объектом борьбы леворадикального студенчества становится сама существующая в стране система эксплуатации и расового угнетения, империалистическая политика во всех ее проявлениях.

Смене целей, методов и лозунгов борьбы «новых левых» способствовал целый ряд событий, наглядно продемонстрировавших иллюзорность надежд на осуществление преобразований посредством использования существующих институтов буржуазной демократии.

Громадное значение в изменении умонастроений американского студенчества, в росте их политической активности сыграли события, развернувшиеся осенью 1964 года в Калифорнийском университете в Беркли. Студенты требовали элементарных академических и политических прав, демократизации структуры высшей школы, участия в управлении делами, связанными с функционированием высшего учебного заведения.

Уступки, которых удалось добиться студентам со стороны администрации, были незначительными. Однако значение этой победы состояло в том, что она впервые была достигнута в результате прямой забастовочной борьбы. Студенты на практике познали силу объединенных действий, получили конкретную возможность убедиться в том, что, только действуя вместе, можно заставить администрацию и власти прислушиваться к их справедливым требованиям.

Использование для подавления забастовки государственного аппарата насилия показало многим студентам, не принимавшим до этого никакого участия в демократическом движении, прозрачность университетской автономии, органическое единство университета с существующей в стране системой. Многие недостатки, рассматривавшиеся ранее как присущие только системе высшего образования, студенты увидели в организации всего общества, в проводимой правящими кругами политике. Если до событий в Беркли и вызванных ими выступлений студентов в других университетах руководители «нового левого» движения рассматривали проблемы университета как тривиальные по сравнению с борьбой за гражданские права и шли в это движение, чтобы доказать свое стремление добиться радикальных изменений, то теперь они увидели, что «линия фронта» может проходить и в самом высшем учебном заведении, что непосредственная борьба в кампусах может иметь не только узкоакадемическое, но и самостоятельное политическое значение.

В леворадикальном студенческом движении созревали предпосылки для нового подъема выступлений за реформу и демократизацию университета, известных как борьба под лозунгом «власть студентам».

Но прежде чем эта борьба развернулась во всей своей полноте, передовое студенчество получило новый политический опыт, связанный с его участием в мас-

совом антивоенном движении, в движении протеста против агрессии американского империализма в Юго-Восточной Азии. «Антивоенная демонстрация, — отмечалось в отчетном докладе XVIII съезду Компартии США, состоявшемся в июне 1966 года, — стала частью американской жизни... Это движение ширится и уже выступает от имени миллионов. Оно охватывает совершенно новую группу организаторов и целеустремленных поборников мира. Это особенно видно на роли, которую играют женщины и молодежь». В борьбе за мир, говорилось далее в докладе, «студенты оказались в первых рядах».

Вьетнамская война наглядно продемонстрировала молодому поколению США агрессивную сущность империализма. Она явилась своеобразным катализатором подъема демократических движений в США. Движение за прекращение войны во Вьетнаме помогло многим американцам заострить свое внимание на причинах, порождающих войны, социальную несправедливость, эксплуатацию, неравенство, национальное и расовое угнетение, реакцию и милитаризм, увидеть корни этих причин в недрах капиталистического строя, в государственно-монополистическом капитализме. Движение солидарности с борьбой вьетнамского народа усилило антиимпериалистическую направленность американского «нового левого».

В частности, СДО уже в декабре 1964 года оставила практику сосредоточения усилий только на внутренних вопросах и призвала к организации в апреле 1965 года общенационального студенческого марша в защиту мира на Вашингтон. Через шесть недель после этого призыва начались бомбардировки ДРВ. Призыв к маршу получил широкую поддержку. В самом марше, явившемся первым массовым действием протеста против политики американского империализма во Вьетнаме, приняло участие свыше 20 тысяч человек.

Благодаря организации этого марша СДО получила широкое признание и популярность среди американского студенчества, ее ряды стали быстро расти, а к середине 1966 года за ней по праву укрепился авторитет организованного, нового, независимого студенческого движения.

Значение апрельского антивоенного марша на Вашингтон состояло также и в том, что в его подготовке

и проведении участвовали различные по своим взглядам и политическим убеждениям организации, в том числе и Компартия США. СДО не испугалась «запятнать» себя связями с коммунистами. Марш внес в демократическое движение новый элемент, известный как «отказ от политики исключения» коммунистов, что на деле в течение целого ряда послевоенных лет было простой капитуляцией перед маккартизмом организаций, претендовавших на роль прогрессивных.

Интересы развития антивоенного движения требовали определенной степени единства составлявших его разрозненных организаций и групп. Достижению этого единства способствовала состоявшаяся в августе 1965 года в Вашингтоне Ассамблея непредставленного народа, на которой был создан Национальный координационный комитет за окончание войны во Вьетнаме. Наряду с Компартией США, СДО, Клубами Дюбуа Америки в комитет вошли такие пацифистские организации, как Лига противников войны, Комитет за разумную ядерную политику, Комитет ненасильственных действий, Союз студентов за мир, близкое к маоистской Прогрессивной рабочей партии «Движение 2 мая», троцкистский Альянс молодых социалистов, независимые комитеты за окончание войны во Вьетнаме. Такой состав участников комитета не мог не сказаться на его работе. Чрезвычайно трудно оказалось выработать не только общую программу деятельности, но и договариваться об общем содержании тех или иных антивоенных демонстраций. Пацифистские элементы стремились ограничить политическую направленность антивоенных выступлений. Троцкисты вносили раскол в деятельность комитета, домогаясь превращения его в организацию с постоянным членством, над которой они надеялись установить свой контроль. Вполне очевидно, что в тот период, в период становления движения, в которое включались люди самых различных взглядов, маневры троцкистов являлись реальной угрозой только что достигнутому единству сторонников мира. Американские коммунисты последовательно отстаивали это единство, разоблачали троцкистские домогательства и демагогию. Они разъясняли, что с расширением движения, ростом его размаха оно с неизбежностью будет выступать под разными лозунгами, в разнообразных формах. «Любая попытка заморозить движение в одной форме, — отме-

чалось в заявлении компартии, — удушила бы его представительный характер и уничтожила элемент спонтанности и творчества, столь необходимый в любой народной борьбе».

Благодаря деятельности последовательных борцов большинство участников коалиции мира, несмотря на существенные различия в идеологии и тактике, отвергли домогательства раскольников, сумело найти формы и методы для совместной работы. Уже 15—16 октября по инициативе комитета в 50 странах мира был проведен Международный день протеста против войны во Вьетнаме. В Соединенных Штатах в мероприятиях, состоявшихся в этот день, приняли участие около 100 тысяч молодых американцев. Еще с большим успехом прошли Международные дни протеста 25—26 марта 1966 года, когда призыв комитета нашел отклик приблизительно в ста странах мира.

Несмотря на определенные успехи в объединении усилий антивоенного движения, процесс достижения единства левых сил наталкивался на серьезные трудности. В частности, в середине 60-х годов осложнились отношения между негритянской и белой молодежью, участвовавшей в демократическом движении.

В американской литературе эти осложнения объясняются, как правило, ростом негритянского национализма, а также тем, что белое студенчество, сосредоточив внимание на борьбе за прекращение войны во Вьетнаме, ослабило или вообще прекратило свое участие в движении за гражданские права. Несомненно, указанные факты, и в первую очередь негритянский национализм, имели место, хотя в значительной мере раздувались буржуазной пропагандой, чтобы внести раскол в ряды «новых левых», настроить леворадикальных студентов против движения за свободу и равноправие негритянского населения.

Верно и то, что разочарование в политике либеральных кругов порождало среди участников негритянского движения неверие в искреннее стремление представителей белого населения добиваться подлинной свободы для негров. Однако основная причина обострения взаимоотношений между негритянской и белой молодежью заключалась в том, что развитие движения за свободу и равноправие американских негров сопровождалось обострением чувства национального самосознания, гор-

дости за принадлежность к черной расе. Развернув движение, выдвинув из своей среды руководителей, создав организации, молодые борцы верно почувствовали, что негритянское население способно внести решающий вклад в дело своего освобождения. Однако отдельные руководители зашли так далеко, что призывали негров вести борьбу за свое освобождение в одиночку.

В частности, один из известных лидеров СККНД, Стокли Кармайл, в то время заявлял: «Она (интеграция) не решает проблемы сегрегации... не может убедить негров в том, что они в состоянии собраться вместе и решить свои собственные проблемы, что они нуждаются в белых людях, которые решат проблемы за них. Это все равно что сказать неграм, что они по природе своей неполноценны... что белые люди лучше их. Наша цель — бороться против белого превосходства, а не за интеграцию». Таким образом, классовое содержание борьбы подменялось этническими, расовыми вопросами. На практике эта подмена нашла выражение в смещении с руководящих постов в СККНД белых молодых людей, поскольку, как заявляли отдельные руководители комитета, будучи преимущественно негритянской, организация должна «возглавляться черными, контролироваться черными, в ней должны преобладать черные».

Понятно, что такое решение вызвало недовольство белых молодых людей, привело к отливу их из движения, к ослаблению СККНД и в какой-то мере к дискредитации его в глазах демократически настроенного белого студенчества и молодежи.

Параллельное развитие двух составных частей американского «нового левого» наносило несомненный вред движению в целом. Однако раскол носил временный, формальный характер.

Прогрессивные силы быстро разгадали маневр реакции и либерализма, рассчитанный на отрыв леворадикального студенческого движения от активного участия в борьбе за права негров.

На состоявшемся в июне 1966 года заседании Национального совета СДО, в частности, отмечалось: «Мы знаем, что не все критики СККНД напоминают Джорджа Уоллеса... Мы поражены, что среди критиков оказались либералы. Сейчас они осуждают проповедуе-

мое СККНД «самосознание черных» как расизм наизнанку. Они сжимаются в ужасе от того, что СККНД — революционная организация, что она борется за фундаментальное перераспределение власти в Америке».

Со своей стороны, руководители СККНД никогда не замыкали деятельность организации только на борьбе за гражданские права.

Они не раз резко выступали против экспансионистской политики США в Азии, Африке и Латинской Америке.

Позиция СККНД по вьетнамскому вопросу была четко определена в специальном заявлении от 6 января 1966 года. В этом заявлении показана глубокая взаимосвязь между политикой правящих кругов США во Вьетнаме с отношением к негритянскому населению.

В заявлении, в частности, отмечался тот факт, что 16 процентов призывников в США являются неграми, которые призваны задушить освобождение Вьетнама, сохранить «демократию», не существующую для них дома.

СККНД не ограничивался заявлениями в поддержку справедливой борьбы вьетнамского народа против агрессии американского империализма. Члены комитета принимали участие во всех крупнейших антивоенных манифестациях, в том числе в мощных демонстрациях в Нью-Йорке и Сан-Франциско 15 апреля 1967 года и в осаде Пентагона, предпринятой молодыми американскими борцами против войны во Вьетнаме в ноябре 1967 года.

Многие лидеры негритянского движения, и, в частности, Стокли Кармайл, последовательно отстаивали идею о том, что негры должны выступать против войн, ведущихся американским империализмом. Они безуспешно призывали молодых негров отказываться от службы в армии.

Расширение масштабов леворадикальных движений молодежи и студентов, рост их массовости, переплетение в конкретных выступлениях различных целей и задач настоятельно требовали дальнейших поисков путей преобразования существующей в стране системы.

Весьма показателен в этом отношении конгресс СДО, состоявшийся в августе — сентябре 1966 года в Клир-Лейке (штат Айова).

Большое место в работе конгресса было уделено поискам новых путей для разрешения кризисных явлений в американском обществе. В этой связи состоялась дискуссия о необходимости выработки четкой идеологической платформы и организационных принципов. Коммунисты, присутствующие на конгрессе, принимали активное участие в этой дискуссии. Данный ими анализ современного американского общества с марксистских позиций вызвал большой интерес со стороны делегатов. Особенно их заинтересовала точка зрения коммунистов о роли монополий и империализма как источников происхождения острейших нерешенных социальных-экономических и политических проблем.

Вместе с тем некоторые делегаты, настаивая на необходимости выработки четкой идеологической платформы, заявляли, что они не согласны с идеологией коммунистов и стремятся к выработке чего-то нового, чисто американского. Тем не менее делегаты проявили определенный интерес к марксизму, к точке зрения Компартии США. Об этом свидетельствовала и дискуссия о совместной работе с коммунистами. На этот раз уже не шла речь о том, исключать или не исключать коммунистов из организации, как это было на предыдущих конференциях. Внимание было сосредоточено на вопросе, должны или не должны коммунисты, являющиеся членами СДО, публично заявлять о своей принадлежности к коммунистической партии. Подавляющим большинством голосов была провалена резолюция, требовавшая от руководящих работников СДО публичного ответа на вопрос, коммунисты ли они. Хотя на конгрессе не было выработано четкой идеологической и политической платформы, состоявшиеся в ходе его дискуссии свидетельствовали о быстром росте интереса американской молодежи к марксизму-ленинизму.

Заметив это, большинство представителей буржуазной общественной науки усилило антикоммунистическую пропаганду.

Были попытки объяснить тягу молодежи к марксизму тем, что «новые иррационалисты... — как писал Фидлер, — отрицают все аспекты рассудка, отрицают Фрейда так же, как и Сократа; и если они, как представляется, щадят Маркса, то это только потому, что меньше о нем знают, реже слышали о нем от препода-

вателей, которых они все больше отказываются воспринимать».

Более реальную оценку причин роста интереса леворадикальной американской молодежи к марксизму дают исследователи «нового левого», сами прошедшие школу политической борьбы в этом движении. В частности, П. Джэкобс и С. Ландау отмечают, что на начальной стадии развития представители «нового левого» были склонны рассматривать марксизм-ленинизм как «пережитки радикализма 30-х годов». Однако с «усилением интереса молодежи к проблемам гражданских прав и свобод, к проблемам мира старый марксизм начинает выглядеть по-новому привлекательным», поскольку «он дает определенное последовательное объяснение капитализму и указывает вместе с тем метод его преобразования». «Никогда за последние тридцать лет, — отмечал в 1966 году директор Американского института марксистских исследований Герберт Аптекер, — не было столь серьезного, глубокого и широкого интереса к марксизму, социализму, который проявляется сейчас в американских колледжах, университетах, научных учреждениях и среди лиц свободных профессий».

НАСТУПЛЕНИЕ НА УСТОИ ОБЩЕСТВА

БРЕШЬ В СТЕНЕ АНТИКОММУНИЗМА

К середине 60-х годов студенты все чаще отказываются слушать буржуазных и правооппортунистических интерпретаторов марксизма. Они стремятся узнать точку зрения коммунистов по тем или иным вопросам от самих членов Компартии США. Случалось, что самые большие университетские аудитории не могли вместить всех желающих послушать того или иного руководителя ком-

партии, и встречи-лекции переносились на университетские стадионы. Выступая с отчетным докладом на XVIII съезде партии, тов. Г. Холл имел все основания заявить:

«Нужно отдать должное молодому поколению, которое разрушило стены молчания. Они влили новую жизнь в концепцию демократии. Они заявили, что маккартизм умер. Именно эти молодые американцы начали борьбу за то, чтобы марксизм и точка зрения коммунистической партии были представлены на рынке обмена идей. Наша концепция говорить с миллионами стала реальностью».

Важную роль в стимулировании интереса протестующей американской молодежи к марксизму-ленинизму, к научному социализму, в преодолении наслоений антикоммунизма сыграли Клубы Дюбуа Америки, оформившиеся в июне 1964 года на конференции в Сан-Франциско из местных марксистских клубов в общенациональное объединение. В принятой конференцией программе отмечалось, что в своем подходе к проблемам страны организация будет «анализировать причи-

ны их происхождения с социалистической точки зрения».

Клубы Дюбуа быстрее, чем другие организации «нового левого», увидели неразрывную связь между войной во Вьетнаме, расовой дискриминацией, безработицей и бедностью среди молодежи и т. п., указали на эти проблемы как на основу для достижения единства действий различных демократических объединений американской молодежи и студенчества, независимо от их расового, национального и социального состава. Клубы последовательно боролись за устранение таких формальных причин, лежащих зачастую в основе раскола левых сил, как чрезмерное увлечение революционной фразой в ущерб массовым действиям. Они выступали за расширение сотрудничества небелых и белых молодых борцов против войны, за гражданские права и т. д.

Клубы Дюбуа Америки рассматривали себя как многорасовую организацию и действительно являлись ею. В момент своего создания они состояли из белой, негритянской, пуэрто-риканской молодежи, придерживающейся социалистических идей. Большинство членов клубов были студентами или учащимися старших классов средних школ.

Однако с самого начала организация стремилась работать непосредственно среди трудящейся молодежи — белой и черной, — развивать свои связи с рабочим классом. Ей принадлежала инициатива по разработке законопроекта, направленного на ликвидацию безработицы среди молодежи. Идея в общих чертах сводилась к тому, чтобы привлечь внимание общественности к безработице как к серьезной общенациональной проблеме, требующей принятия неотложных мер, включая радикальное перераспределение фондов и постановку вопроса: «Один человек — одно рабочее место. Может ли быть что-либо более приемлемое в богатейшей стране мира?»

Несомненно, что поддержка проекта профсоюзами, движением за гражданские права способствовала бы развитию единства между негритянской и белой рабочей молодежью, а следовательно, и более эффективной борьбе против безработицы.

Заявившим с момента возникновения о своей приверженности политической и идеологической платформе, базирующейся на идеях научного социализма, на

марксистско-ленинском учении, Клубам Дюбуа суждено было стать первой организацией «нового левого», принявшей на себя самые жесточайшие удары со стороны правящих кругов и американской реакции. Но репрессии не сломили организацию, а, напротив, способствовали росту ее популярности в демократическом движении молодежи. Вместе с тем следует отметить, что количество членов Клубов Дюбуа росло медленно по сравнению с другими объединениями «нового левого». Причина, по-видимому, состояла в том, что другие группировки продолжали оставаться в большей степени движениями, нежели организациями, уделяли основное внимание только действию, были открыты для молодых людей, придерживающихся любых политических взглядов. Клубы Дюбуа, напротив, уже в тот период выработали довольно четкие организационные, идеологические и политические принципы, которые протестовавшая часть молодежи не воспринимала еще как собственные, хотя охотно шла на сотрудничество с клубами в практических мероприятиях. Такое сотрудничество играло важную роль. Под влиянием активистов Клубов Дюбуа многие «новые левые» задумывались о роли единства демократических сил в молодежном движении, о необходимости сотрудничества белых и черных, о значении рабочего класса в революционной борьбе, проявляли интерес к изучению марксизма-ленинизма. Члены клубов так же, как и молодые коммунисты, принимали участие в деятельности других организаций «нового левого», не скрывая своих политических убеждений. Тем самым они развеивали «страх перед коммунизмом» многих молодых радикалов, вели среди них пропаганду научного социализма. Но, учитывая разнообразие побудительных мотивов, приводивших американских юношей и девушек в демократические движения, низкий уровень их политического сознания, компартия не предлагала в тот период каких-либо общих форм организации социалистически настроенной молодежи. Коммунисты видели свою задачу в том, чтобы, находясь в гуще демократически настроенных юношей и девушек, понять эти мотивы и на основе их глубокого анализа найти правильные формы привлечения молодежи, включившейся в борьбу за демократию, к борьбе за социализм. Речь шла о внесении сознательного элемента в массовые, но по преимуществу стихийные демократические

движения молодежи. Все эти вопросы широко обсуждались на XVIII съезде Коммунистической партии США. Был дан глубокий анализ и оценка сдвигов, происшедших в американском «новом левом» движении с момента его возникновения.

На съезде подчеркивалось, что подавляющее большинство «новых левых» еще не понимает решающей роли рабочего класса в революционной борьбе, склонно отождествлять целый ряд массовых организаций со «структурой власти». В первую очередь это относится к профсоюзам, которые рассматриваются ими как придатки монополий и администрации. Отсюда зачастую происходило и пренебрежительное отношение «новых левых» к рабочей молодежи. Они игнорировали молодых рабочих, вместо того чтобы оказать им помощь и поддержку в борьбе за свои права, в том числе и против реакционных профсоюзных лидеров. Вместе с тем коммунисты разглядели и противоположную тенденцию, суть которой сводилась к тому, что наиболее передовые представители «нового левого» начали давать все более решительный отпор антирабочим заявлениям и настроениям.

Отмечался определенный рост теоретических знаний участников «нового левого» движения. В начальный период его представители были склонны возлагать вину за все пороки современного американского общества на абстрактно понимаемую «структуру власти» или на бюрократизм, как вещи в себе. Государственно-монополистический капитализм (они его называли «корпоративное учреждение») рассматривался только как одно из препятствий на пути к социальному прогрессу. С течением времени «новые левые» стали все больше рассматривать государственно-монополистический капитализм как основное препятствие на пути к общественному прогрессу, что с неизбежностью вело к усилению антимонополистической, антикапиталистической направленности движения. Для определенных секций «нового левого» радикальное преобразование общества начинало все больше ассоциироваться с социалистической альтернативой, понимаемой, как правило, путано и абстрактно.

Вместе с тем на съезде было подвергнуто критике проявление в «новом левом» движении авангардистских тенденций, склонности к ультрареволюционной фразе, непонимание взаимосвязи между борьбой за по-

вседневные требования и конечные цели, отождествление организаций (так называемого «старого левого»), стоящих на революционных позициях, и организаций, выступающих только за осуществление отдельных незначительных реформ.

Однако отмеченные недостатки, подчеркивалось на съезде, не должны служить причиной отказа членов партии от работы с представителями «нового левого» движения, не должны вести к противопоставлению «старого левого» «новому левому», являющемуся, по словам товарища Г. Холла, «выражением процесса радикализации, который происходит в результате всей борьбы». Тов. Г. Холл назвал искусственным разделение старшего и молодого поколения, разделение, в котором могут быть заинтересованы только силы, пытающиеся сохранить существующий порядок вещей, углубить раскол между различными отрядами революционного и демократического движения. «Борьба за социальный прогресс и еще в большей степени классовая борьба, — говорил он в своем докладе, — является наиболее надежным мостом между поколениями. Марксизм как наука этой борьбы дает двустороннюю улицу, по которой может идти и сливаться как вклад молодых, так и старых».

На съезде отмечалось, что в тот период «новое левое» находилось в процессе перехода к новому этапу развития — от протеста против отдельных специфических пороков современного американского общества к борьбе за искоренение причин, порождающих эти пороки. Это своеобразный качественный скачок, который не мог пройти безболезненно. Он сопровождался колебаниями. Многие представители «нового левого» останавливались в своем политическом развитии, поскольку не могли еще в силу уровня политического сознания идти дальше требований реформ в рамках капиталистического общества. По сути дела, дискуссии среди «новых левых» о необходимости «глубокого изменения», «фундаментального решения», «революционной концепции» были не чем иным, как размышлениями колеблющегося «человека, который видит источник зла в системе, но еще не готов встать на революционную позицию борьбы за замену системы». Именно здесь, говорил товарищ Г. Холл, проходит «демаркационная линия между теми, кто придерживается революционных

взглядов, и теми, кто еще стоит на реформистских позициях».

Последующие события подтвердили глубину анализа, данного «новому левому» движению на XVIII съезде Компартии США. Многие из отмеченных тенденций стали наиболее характерными в деятельности массовых леворадикальных молодежных и студенческих организаций.

НАЗАД — К СИНДИКАЛИЗМУ. ВПЕРЕД — К МАССОВЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Необходимость расшатывания и сокрушения устоев капиталистического общества — таков был основной вывод, к которому пришло подавляющее большинство «новых левых» в результате развития движения в первой половине 60-х годов. Однако только что начавшие интересоваться отдельными сторонами марксизма и все еще в массе своей отрицавшие исторический опыт борьбы за социализм лидеры и идеологи «новых левых» были не в состоянии выработать позитивную альтернативу революционной замены капитализма новым общественным устройством. Разочарование в революционных потенциях беднейших слоев населения и неверие в революционно-преобразующую роль рабочего класса не оставляли им иного выбора, как вновь сосредоточить основное внимание на университетских проблемах, попытаться привлечь к активной политической деятельности самые широкие массы студентов.

Таким образом, начавшееся на университетской социальной базе, но первоначально в большей степени обращенное на решение таких социальных проблем, как расовая несправедливость, бедность, безработица и т. п., студенческое движение, обогащенное практическим опытом борьбы, вернулось к проблемам высшей школы.

Правда, теперь борьба за академические свободы, за демократизацию университета рассматривалась руководителями «новых левых» не как самоцель, а как средство развернуть вокруг них массовое движение студентов, дать им возможность на собственном опыте почувствовать, что в условиях США борьба может и должна вестись не только за облегчение участи обездоленных (негров, бедных, безработных и т. п.), но и за социальное освобождение «среднего класса», наиболее

широко по сравнению с другими слоями населения представленного среди американского студенчества. Лидеры «нового левого» движения понимали, что подавляющее большинство студентов усматривало причину существующих как в университете, так и в обществе в целом кризисных явлений не в самой политической структуре, а в лучшем случае в чрезмерном влиянии на нее отдельных корпораций и военных, преследующих свои корыстные цели. Критика университета и других общественных институтов сводилась главным образом к тому, что они не выполняют своих официально провозглашенных целей. Даже многие из тех студентов, которые участвовали в актах гражданского неповиновения, в основном принимали ценности и нормы американского политического устройства, и их действия редко выходили за рамки установившихся академических традиций.

Они были еще весьма далеки от борьбы за глубокие социальные преобразования не только в обществе в целом, но и в самом университете. Они не могли включиться в борьбу под лозунгами отрицания самих устоев американского общества.

Именно с этим было связано новое толкование провозглашенного во время забастовки в Беркли лозунга «власть студентам», под которым лидеры движения намеревались повести массы учащейся молодежи не только на борьбу за их равноправное участие в решении университетских проблем, но и за коренные общественные преобразования, в осуществлении которых университету отводилась роль «основного критического центра», способного революционизировать широкие слои населения.

В середине 60-х годов руководители СДО интерпретируют лозунг «власть студентам» в довольно узком академическом, зачастую чисто синдикалистском смысле. Основные идеи «студенческого синдикализма» они позаимствовали из европейского студенческого движения.

В американских высших учебных заведениях эти идеи нашли выражение в выступлениях за отмену ученых степеней, сокращение учебных групп, большее участие студентов в разработке учебных программ. Борьба велась против бюрократизма в университетах, за ликвидацию патерналистского отношения к студентам, в

котором большинство из них видело главный источник своей неудовлетворенности. Руководители СДО и других демократических студенческих организаций не могли не учитывать в той или иной степени подобные умонастроения студентов. В частности, в СДО была создана мобильная группа так называемых разъездных активистов, задача которых состояла в том, чтобы создавать в различных университетах и колледжах свои отделения, пробуждать у студенческих масс интерес к общественной деятельности. Уже через год во многих кэмпусах лидеры СДО, выступавшие с платформы интерпретируемого в синдикалистском смысле лозунга «власть студентам», были избраны президентами органов студенческого самоуправления.

Синдикалистская деятельность активизировала студенческие массы. Выступления за академические требования принимают все более широкий размах и все чаще выливаются в забастовки, мощные манифестации и митинги, против которых университетская администрация и власти используют полицию и национальную гвардию. Массы студентов теперь уже на собственном опыте убеждались в иллюзорности надежд на решение проблем университета в результате осуществления реформ. Напротив, они видели, что университет является учреждением, исполняющим функции, прямо противоположные нуждам и интересам студентов. В такой обстановке находит благоприятную почву пропагандировавшаяся лидерами «новых левых» организаций, и в первую очередь СДО, идея о том, что реформа университета неосуществима в необходимом объеме до тех пор, пока не будут достигнуты фундаментальные изменения в самом обществе. Выступления под лозунгом «власть студентам» даже в его узкоакадемическом толковании, помноженные на приобретенный передовыми американскими студентами в первой половине 60-х годов опыт политической борьбы, создали благоприятные условия для соединения в рамках «студенческого синдикализма» академических и общеполитических требований.

Как отмечалось на XVIII съезде Компартии США, к 1966 году в «новом левом» студенческом движении усиливаются чувства неприятия существующих институтов «американского образа жизни», политических структур и общественного устройства в целом.

Искры недовольства, брошенные в начале 60-х годов незначительной группой передовых американских студентов, разгорелись к середине 60-х годов ярким пламенем. Прав оказался один из популяризаторов «нового левого» движения, Джек Ньюфилд, когда писал в своей книге «Пророческое меньшинство» о том, что всегда несколько вроде бы нетипичных для своего времени людей «располагают отвагой и энергией первыми заявить о том, что является типичным для их времени». «Например, в 30-е годы, — продолжает Ньюфилд, — студенты — коммунисты и социалисты составляли относительно незначительный процент студентов». Но они определяли лицо студенческого движения. «Те, кто шел в цехи помогать в организации КПП¹, сражался в Испании, стоял в антивоенных линиях пикетов, — именно они говорят истории о том, какими были те времена». Нечто подобное произошло и в 60-е годы. Незначительное меньшинство сумело раскрыть глаза студенческой массе на острейшие социально-политические проблемы современной Америки. Вполне понятно, что политизация студенческих масс проходила постепенно, по мере того как они на примере событий, в которых участвовала или на которые указывала лишь незначительная часть студентов, убеждались в необходимости активно включаться в демократическое движение.

К числу таких событий относилась, в частности, провозглашенная президентом Л. Б. Джонсоном «война против бедности», обернувшаяся чистой демагогией. Первоначально включившиеся в эту кампанию молодые люди увидели, что она используется лишь в интересах господствующих классов, а отнюдь не для облегчения участи бедняков, которые, несмотря на широковетательные заявления, так и не были допущены к участию в распределении даже тех мизерных фондов, которые выделялись на «войну против бедности».

Участившиеся стычки с полицией, вводившейся на территорию университетских городков, были для многих студентов первым непосредственным знакомством с жестокостью, что вполне естественно вызывало их негодование и толкало на дальнейшую борьбу. Американский социолог Даниел Белл, в свое время проповедовавший концепцию о деидеологизации молодежи, го-

¹ КПП — Конгресс производственных профсоюзов,

воря о действиях полиции во время событий в Колумбийском университете в 1968 году, не без основания отмечал: «В течение нескольких часов благодаря департаменту нью-йоркской городской полиции была радикализована значительная часть кэмпуса Колумбийского университета».

Громадное воздействие на повышение политической активности американского студенчества оказало усиление боевого характера выступлений негритянской молодежи, подвергавшейся жесточайшим репрессиям. Передовые американские студенты все больше убеждались в том, что их моральная и политическая обязанность — всесторонне поддерживать борьбу за свободу и равноправие негритянского населения.

Несомненно, сильнейшим катализатором роста политической активности американского студенчества явилась дальнейшая эскалация войны во Вьетнаме, ее воздействие на положение различных слоев населения, в том числе на положение молодежи и студенчества, на усиление господства военно-промышленного комплекса в высших учебных заведениях США.

Если первоначальный протест студентов против войны во Вьетнаме основывался преимущественно на морально-этических соображениях, на сомнениях в истинности правительственных заявлений, рассчитанных на оправдание своей политики в Юго-Восточной Азии в глазах общественного мнения, то очень скоро с развитием антивоенных выступлений им стали известны и другие факты. Многие студенты были поражены, узнав о масштабах сотрудничества высших учебных заведений с военными ведомствами и работающими на войну корпорациями. Постепенно выяснялось, что, например, Мичиганский университет активно сотрудничал с американскими разведывательными органами в Южном Вьетнаме, что в Пенсильванском университете проводились широкие исследовательские работы по созданию бактериологического оружия, что многие ведущие университеты находятся в финансовой зависимости от министерства обороны и других военных ведомств. Эти факты окончательно развеивали мифы об «интеллектуальной независимости» университетов, указывали на новые весьма уязвимые объекты, на которые мог быть направлен политический по своему содержанию протест широких студенческих масс.

Ускорению процесса перехода участников антивоенного движения от индивидуального, основанного на моральных соображениях протеста к протесту политическому способствовала проводившаяся правительством США политика и практика призыва в армию, когда в нарушение конституции в условиях необъявленной войны в стране была, по сути, введена обязательная воинская повинность.

В первую очередь в армию призывали трудящуюся молодежь, ее беднейшую часть, юношей негритянского происхождения. По подсчетам бывшего президента Конгресса борьбы за расовое равенство Флойда Маккиссика, в 1966 году 37 процентов воевавших во Вьетнаме американцев были неграми, которые, писал он, «используются как пушечное мясо только потому, что лишены образования и не имеют никаких привилегий».

Расширение эскалации привело к тому, что с 1966 года в армию стали призывать и студентов, ранее освобожденных от призыва, так как учеба в высшем учебном заведении рассматривалась как важная составная часть в обеспечении обороноспособности страны. Это решение Национального призывного управления заострило внимание студентов на классовом характере призыва в армию, заставив их задуматься над вопросом, в силу каких причин студенты находятся в привилегированном положении по сравнению с выходцами из семей с более низким доходом, не имеющими возможности поступить в высшее учебное заведение. Антипризывные настроения усиливались также циничными заявлениями властей о том, что угроза призыва может охладить пыл молодых бунтовщиков, направить их энергию на «общественно полезную» деятельность. Эти заявления подкреплялись конкретными действиями, когда призыв использовался как наказание за антивоенную деятельность.

С усилением антивоенных, антипризывных настроений среди студенчества растет сознание необходимости объединения усилий для защиты своих собственных интересов, для борьбы против политики империалистической агрессии, для вовлечения новых слоев американского населения, в том числе и военнослужащих, в движение за прекращение войны во Вьетнаме. Эти настроения отчетливо проявились на общенациональной антивоенной студенческой конференции, состоявшейся

в Чикаго 28—30 декабря 1966 года, на которой было принято решение развернуть в общенациональном масштабе кампанию по мобилизации студентов для участия в «Неделе Вьетнама», запланированной на 8—15 апреля 1967 года.

Участники конференции внесли предложение, чтобы студенты давали клятву прибыть к 15 апреля в Нью-Йорк и Сан-Франциско, где должны были состояться заключительные мероприятия «Недели Вьетнама».

Грандиозный успех демонстраций в Нью-Йорке и Сан-Франциско продемонстрировал верность передового американского студенчества этой клятве. Только в Нью-Йорке в демонстрации приняли участие 400 тысяч человек, главным образом молодежь.

В декабре 1966 года, еще до проведения конференции в Чикаго, студенты-активисты Калифорнийского университета попытались установить в помещении студенческого союза стол с антипризывной литературой рядом со столом по набору добровольцев для службы в американском флоте. В ответ на распоряжение администрации покинуть помещение состоялась массовая студенческая забастовка. Месяцем позже члены СДО в университете Брауна провели первую акцию протеста против деятельности на территории кэмпуса вербовщиков из компании Доу Кемикл, главного производителя использовавшегося во Вьетнаме напалма. Весной 1967 года состоялись уже десятки демонстраций и сидячих забастовок протеста против присутствия на территории университетов вербовщиков из армейских ведомств, ЦРУ и работающих на войну корпораций.

Организация антипризывных и антивербовочных действий непосредственно в университетах явилась эффективной формой, наглядно продемонстрировавшей необходимость тесного сочетания борьбы против войны и милитаризма с борьбой за академические свободы. В этих демонстрациях принимали участие студенты, проявлявшие до сих пор политическую апатию, так как видели, что война, против которой был направлен их протест, непосредственно сказывается на положении всего студенчества.

Лидеры СДО старались разъяснить, что антивоенные выступления неотделимы от лозунга «власть студентам», поскольку связи университета с военной машиной осуществляются помимо воли студентов, без ка-

кого-либо учета их мнения по этому вопросу. В последующие месяцы, особенно осенью 1967 года, борьба против связей университета с военно-промышленным комплексом развернулась с еще большей остротой. По инициативе СДО была начата кампания борьбы против участия университетов в выполнении заказов Института оборонных исследований. Таким образом, после ряда лет метаний между общеполитическими вопросами и реформой университета под лозунгом «власть студентам» СДО нашла проблему, а именно проблему военных связей университета, вокруг которой могли быть соединены усилия как студентов, заинтересованных в проведении реформы высшего образования, так и студентов, обращающих первостепенное внимание на общеполитические вопросы.

Прогрессивное студенческое движение превратилось в серьезную политическую силу. Его представители, не сознавая еще значения организации для планомерной и целенаправленной борьбы, оказываются вынужденными уделять все большее внимание подготовке акций протеста. К этому их толкал рост массовости студенческих выступлений. Растет и членство ведущих организаций студенческого «нового левого». Если в начале 1965 года в СДО насчитывалось всего 2500 членов, а ее секции имелись лишь в 40 кэмпусах, то в 1969 году число членов организации выросло до 80 тысяч человек, а количество секций, по крайней мере, до 350.

Однако влияние леворадикальных студенческих организаций и группировок было намного шире. Этот факт вынуждены были признать многие американские буржуазные авторы. Уже в июле 1967 года обозреватель газеты «Чикаго трибюн» Уолтер Троян с сожалением констатировал: «Члены «нового левого» составляют меньшинство, но они оказывают влияние на многих своих сверстников, а их деятельность прямо или косвенно охватила почти все кэмпусы».

Обследования, проведенные журналом «Форчун» в конце 60-х годов, показали, что в стране было 750 тысяч приверженцев «нового левого» движения, а около 3 миллионов студентов симпатизировали ему. Другие обзоры свидетельствовали о том, что около 30 процентов всех студентов участвовало в демонстрациях, а подавляющее большинство студентов поддерживало сопротивление призыву в армию.

Новым содержанием стало наполняться и движение за гражданские права, переросшее в середине 60-х годов в стадию борьбы за свободу и равноправие негритянского населения.

Движение за гражданские права развивалось главным образом в южных штатах. Его участники добивались ликвидации дискриминационных законов и практики в отдельных районах, рассматривали федеральное правительство и судебные органы как своих союзников в борьбе за равенство. Движение за свободу и равноправие негритянского населения, будучи общенациональным по своим масштабам, сосредоточило основное внимание на гетто городов севера и запада. Его участники резко критически относятся как к местным, так и к федеральным властям.

Движение за гражданские права добивалось доступа к участию в общественной и политической жизни, отмены сегрегационных барьеров при приеме на работу, на транспорте, при найме жилья и т. п. Правомерность существующей в стране общественной системы не ставилась под сомнение. Движение за свободу и равноправие негритянского населения сосредоточило главные усилия на борьбе за ликвидацию источников расизма, коренящихся в существующей в стране системе.

В отличие от участников движения за гражданские права борцы за свободу и равноправие негритянского населения отказались от концепции пассивного сопротивления и тактики ненасильственных действий. В ответ на избиения, убийства, репрессии борцы за свободу и равноправие негритянского населения перешли к тактике самообороны, они добиваются свободы и равенства всеми доступными средствами.

Изменения, происшедшие в движении за гражданские права, нашли наиболее полное выражение в лозунге «власть черным», суть которого сводилась к борьбе за такие преобразования современного американского общества, которые гарантировали бы свободу и полное социальное, политическое и экономическое равенство негритянскому населению.

Этот лозунг родился под влиянием борьбы в самих гетто американских городов, когда ее острие стало направляться на критику самого общественного устрой-

ства, питающего расизм и сегрегацию. По оценке XIX съезда Компартии США, лозунг «власть черным» вызвал широчайший отклик среди негритянского населения. Под этим лозунгом движение за свободу и равноправие негритянского населения «стремится объединить громадные массы черных американцев с тем, чтобы сила их численности и их союза с другими антимонополистическими слоями населения могла быть наилучшим образом использована для борьбы за завоевание новых позиций в политике, за большую долю участия в экономической жизни, за социальную справедливость, за признание негритянской культуры и предоставление возможностей для ее развития... Черные американцы ведут политическую борьбу за **подлинно представительство**, при котором они пользовались бы правом на господство большинства в тех районах и общинах, где они преобладают в населении, а там, где они составляют меньшинство, пользовались бы максимально представительным участием в управлении».

Освободившись от пут буржуазного либерализма, сковывавших движение за гражданские права, его молодые участники отвергли одновременно и предлагавшуюся либералами в качестве решения вопроса интеграцию негритянского населения в так называемый американский «средний класс», ценности которого они оценивали как антигуманные, а сам этот класс как «социальную силу, поощряющую расизм». Многие лидеры движения делали акцент на моральных аспектах лозунга «власть черным», призывали сосредоточить внимание на «достоинстве человека», на создании общества, для которого были бы отвратительны нищета и бедность людей, общества «свободных людей», а не общества «свободного предпринимательства». Выдвигалась задача «модернизировать», «цивилизовать» Соединенные Штаты Америки. Но, отвергая правомерность существования системы общественных институтов, лидеры движения не выдвигали конкретной программы преобразования американского общества. В лучшем случае некоторые из них ограничивались лишь ссылками на необходимость «изобрести новые институты», которые заменили бы старые или заставили их функционировать в интересах народа. Над руководителями движения еще довлела утопически понимаемая концепция

«партиципаторной демократии». Их действия основывались не на социально-экономическом анализе американского общества, его классовой структуры, а преимущественно на националистических чувствах, на эмоциональном восприятии несправедливости существующей в стране системы. Руководители движения не имели, как правило, какого-либо представления о научной теории революционного преобразования общества — марксизме-ленинизме.

В интерпретации многих руководителей негритянского движения лозунг «власть черным» не был лишен и националистического содержания. Это, в частности, находило выражение в концепции «революции исключительно черных», в переоценке революционных возможностей негритянского населения, в призывах к сепаратизму, в отказе от сотрудничества с представителями других составных частей демократического движения.

Тем не менее развертывание борьбы под лозунгом «власть черным» способствовало росту национального самосознания негритянского народа. Насквозь лживыми являются попытки обвинить в реакционном национализме наиболее последовательных представителей движения на том основании, что они отстаивают свое расовое достоинство, гордятся историей негритянского народа в США, с гордостью произносят «черное прекрасно, и прекрасно быть черным». Это не национализм, а чувство подлинной гордости за принадлежность к своему народу, чувство глубокой веры в него.

Внутри движения вокруг лозунга «власть черным», как отмечалось в резолюции XIX съезда Компартии США, сформировалось направление, представители которого «все больше осознают необходимость полной ликвидации всей капиталистической системы эксплуатации, являющейся основным источником несчастья расизма».

Сильные и слабые стороны движения за свободу и равноправие негритянского населения наглядно проявились в деятельности партии «Черная пантера», выступившей во второй половине 60-х годов одним из носителей лозунга «власть черным».

Партия была создана в 1966 году в пригороде Сан-Франциско Окленде бывшими студентами Меррит-колледжа Бобби Силом и Хью Ньютоном. Первоначально основная задача партии сводилась к созданию в негри-

тянских гетто вооруженных отрядов самообороны против зверств расистов и полиции. При этом ее создатели основывались на второй поправке к конституции Соединенных Штатов, которая дает гражданам страны право ношения оружия.

Буржуазная пресса США поторопилась сразу же представить членов партии террористами и крайними националистами. На деле члены партии «Черная пантера» видели свою задачу в том, чтобы в случаях задержания жителей гетто полицией тут же на месте знакомить задержанных с перечнем их конституционных прав. Более того, с самого момента возникновения партии для ее членов были разработаны строгие правила поведения. В соответствии с этими правилами членам партии запрещалось использование любого оружия или даже угроза им кому бы то ни было, кроме случаев крайней необходимости. Правилами запрещалось ношение оружия в нетрезвом виде, употребление наркотиков, всячески пресекалось пьянство. Партия требовала от своих членов быть вежливыми, возвращать взятое взаймы, не наносить ущерба собственности бедных и угнетенных масс.

В отличие от СККНД партия «Черная пантера» с самого начала уделяла большое внимание вопросам организации и программы. Уже в октябре 1966 года была разработана и принята политическая платформа и программа партии.

В этом документе партия требовала: свободы и власти, необходимой для определения судеб негритянского населения; полной занятости для негров, а в случае невыполнения этого требования передачи средств производства из рук белых бизнесменов в распоряжение общин, жители которых организуют производство и обеспечат работу и высокий уровень жизни для всех людей; передачи земли и строений также в распоряжение негритянских общин, которые через кооперативы обеспечат с помощью правительства приличное жилье своим членам; возможностей для получения полного образования; освобождения негров от службы в вооруженных силах США, которые используются белым расистским правительством США для уничтожения других цветных народов, так же как и негров в самой стране; права на организацию вооруженной самозащиты негров от зверств полиции и права ношения оружия для

самозащиты; рассмотрения судебных дел негров составами присяжных, состоящими из жителей той общины, из которой этот негр происходит; проведения под наблюдением ООН плебисцита в черной колонии США, в котором примут участие только граждане этой черной колонии и в ходе которого будет выяснена воля черного народа относительно своей национальной судьбы.

В программе партии не были названы классовые истоки расизма, главный источник расовой проблемы — существующая в стране капиталистическая система, господство государственно-монополистического капитала. Классовая сущность негритянской проблемы подменялась задачей «положить конец ограблению белым человеком» негритянской общины.

Этим активно пользовалась американская пропаганда для разжигания расовых предрассудков значительной части белого населения, для дискредитации движения за гражданские права и левого молодежного движения в целом.

Среди членов партии «Черная пантера» заметно проявлялись националистические, сепаратистские тенденции, которые были характерны и для некоторых активистов СККНД. Ряд руководителей партии отрицательно относился к идее сотрудничества с другими революционными и демократическими организациями, состоявшими преимущественно из представителей белого населения. Они исходили из высказанного в свое время Мэлколмом Иксом положения, что «единство белых и черных невозможно до тех пор, пока первоначально не будет достигнуто единство всего негритянского населения». Вполне понятно, что такой подход не мог способствовать достижению единства между различными отрядами демократических и антимонаполистических сил, независимо от цвета кожи их участников. Именно к этому стремилась буржуазная пропаганда, на все лады поносившая партию «Черная пантера» как милитаризованную, террористическую группировку. Подобные инсинуации не имели ничего общего с реальным положением дел.

С самого начала своей деятельностью наряду с организацией отрядов самообороны партия стремилась хотя бы в какой-то мере облегчить участь наиболее обездоленной части жителей негритянских гетто. Ее члены собирали средства для организации бесплатного

медицинского обслуживания, предоставления бесплатных завтраков школьникам, создавали так называемые «школы освобождения», обучение в которых давало бы верное представление об истории негритянского народа и его роли в современном обществе.

Однако очень скоро руководителям партии стало ясно, что всего этого совершенно недостаточно для социального и политического освобождения негритянского народа.

Выдвигается задача политического просвещения широких слоев негритянского народа. С лета 1967 года начинает издаваться еженедельная газета «Черная пантера». Газета должна была служить интересам населения негритянских общин, «просвещать и политизировать негритянские массы», способствовать достижению солидарности всех угнетенных. Уделяя первостепенное внимание положению американских негров, газета одновременно ставила своей целью разоблачение лжи официальных средств массовой информации, выступала за прекращение агрессии в Юго-Восточной Азии.

Изучение опыта работы других организаций, выступающих за гражданские права, их программных установок показало руководству партии, что невероятные усилия, кровь и жертвы зачастую оказывались напрасными, главным образом потому, что борьба велась против частных, против отдельных институтов, а не против самой капиталистической системы. В отличие от СККНД, руководство которого надеялось добиться осуществления радикальных общественных преобразований главным образом посредством внедрения «партиципаторной демократии», в первую очередь на местах, партия «Черная пантера» исходила из того, что такие преобразования могут быть лишь результатом революционной борьбы. Многие руководители и члены партии были склонны абсолютизировать вооруженную борьбу. Тем не менее революционные преобразования они связывали не с децентрализацией, не с морально-этическими аспектами, а с передачей средств производства в руки народа. «Народ должен располагать полным контролем над средствами производства», — писал Х. Ньютон. Добиться этого он сможет только в борьбе против буржуазии как белой, так и черной.

Революционное свержение капитализма и борьба за свободу и равноправие негритянского населения начи-

нали рассматриваться как двуединый процесс. «Обе вещи взаимосвязаны и должны развиваться одновременно», — подчеркивалось в газете «Черная пантера».

Некоторые руководители считали, что революция вырастает из непримиримых противоречий капитализма, обострение которых наблюдается повсеместно, включая даже правительственные и военные круги, и задача американских революционеров состоит в том, чтобы всячески развивать и поощрять массовые действия, поскольку только посредством таких действий народных масс можно довести эти противоречия до критического состояния.

Партия проводила большую работу в американской армии. Не случайно генерал Уэстморленд дал в свое время указание провести расследование, чтобы определить степень влияния партии в армии.

Все эти сдвиги происходили в ходе развертывания совместной борьбы с другими демократическими и революционными силами, выступавшими за прекращение войны во Вьетнаме, за свободу и равенство негритянского населения.

Совместно с компартией, представителями других революционных и демократических сил члены партии принимали активное участие во всех крупнейших антивоенных выступлениях, и, в частности, в антивоенном марше 15 апреля 1967 года, когда только в одном Нью-Йорке, по оценкам полиции, в манифестациях приняло участие около 125 тысяч демонстрантов.

Этот марш проходил под лозунгами: «Прекратить бомбардировки», «Ни один вьетнамец никогда не называл меня ниггером», «Дети рождаются не для того, чтобы их сжигали». Это была не просто антивоенная, а широкая политическая акция. Участники демонстраций не только требовали прекращения войны. Они призывали искать врагов не во Вьетнаме, а в самих США, призывали рассматривать этот марш как один из этапов борьбы против системы эксплуатации, которой подвергается как негритянское, так и белое население, против самих основ существующей в США системы.

Представители партии «Черная пантера» сыграли видную роль в состоявшейся в сентябре 1967 года в Чикаго Национальной конференции за новую политику, в работе которой приняли участие свыше 200 представителей различных организаций, включая коммунистов,

сторонников М. Л. Кинга, доктора Б. Спока, СДО, СККНД и других «новых левых» группировок. На конференции обсуждались вопросы, связанные с предстоящими в 1968 году президентскими выборами.

Участие в работе конференции представителей организаций и группировок с различной политической ориентацией определило разные подходы к обсуждавшимся проблемам. Часть ее делегатов высказывалась за создание третьей политической партии в стране, предполагая, что идея третьего выбора расширяет пределы национальной дискуссии и создает угрозу существующему порядку. Другие, в частности представители СДО, решительно выступили против участия в выборах вообще, считая их сплошным обманом, компромиссом с системой, достойной лишь разрушения. Вместо выборов они предлагали создавать на местах «антиобщества», поощрять организацию негров, восстания в гетто, создавать новый образ жизни и новый тип человека.

Проявившиеся на конференции разногласия свидетельствовали о том, что условия для организационного объединения демократических сил еще не созрели. Вместе с тем работа конференции продемонстрировала возможность планирования объединенных политических действий, свидетельствовала о наличии у левых сил общей цели — необходимости свержения существующего строя. Большинство участников конференции было едино в мнении, что участие в избирательной кампании не должно ослаблять прямых массовых действий. Не случайно проведение конференции вызвало злобные нападки со стороны либералов и экстремистов. Либералы, в частности, пытались внести раскол в ряды демократических сил, всячески раздували масштабы разногласий, имевших место в ходе работы конференции, заявляя, что она ознаменовала «конец радикального левого в Америке во всех смыслах, во всяком случае, на текущее десятилетие». Потоки клеветы обрушили на конференцию лидеры маоистской Прогрессивной рабочей партии. На страницах своих печатных органов они заявляли, что Национальная конференция за новую политику явилась «циничным маневром Роберта Кеннеди и других либеральных империалистов, пытающихся спасти систему», что она была рассчитана на «отвлечение быстро растущих радикальных и революционных сил от независимой организации и действий».

На деле раскольники были встревожены ростом стремления к единству среди подлинно радикальных и революционных сил, отходом их от антикоммунизма, укреплением сотрудничества компартии с левыми организациями, и в первую очередь с движением за свободу и равноправие негритянского населения, представители которого играли видную роль в ходе работы конференции. Они выработали единую платформу, основываясь на которой заявили о своей готовности к активному политическому сотрудничеству с другими демократическими и революционными организациями. Суть этой платформы сводилась к тому, что «существующая в США система, осуществляющая практику геноцида, подверженная социальной деградации, лишаящая население с темным цветом кожи права на политическое и культурное самоопределение, не может быть изменена посредством проведения реформ. Изменения должны быть осуществлены революционным путем».

В своей платформе представители движения за свободу и равноправие негритянского населения призвали участников конференции полностью и безоговорочно поддержать все национально-освободительные войны, в частности во Вьетнаме, Мозамбике, Анголе, Южной Африке, осудить «сионистский империализм» на Ближнем Востоке за «захват арабских домов и земли посредством террора, силы и массовых убийств», а США — за экономическую помощь израильской военщине. Они потребовали поддержки лозунга «власть черным», признания необходимости выплаты репараций за историческую, физическую, умственную и экономическую эксплуатацию черного населения; создания в районах, населенных белыми, специальных комитетов по цивилизации и гуманизации расистских «дикарей» типа Д. Рокуэлла. В результате голосования за платформу представителей движения за свободу и равноправие негритянского населения было подано более двух третей голосов, что свидетельствовало об определенной степени единства различных отрядов революционного и демократического движения. Вместе с тем на конференции не удалось выработать какой бы то ни было общей позитивной альтернативы общественных преобразований и тактики совместной борьбы. Напротив, в этих вопросах проявились существенные разногласия.

Как в движении за свободу и равноправие негритянского населения, так и в леворадикальном студенческом движении основным методом борьбы во второй половине 60-х годов становятся прямые действия и конфронтация, или так называемое «сопротивление». Такой метод вытекал из задачи расшатывания основ общества, не связывавшейся руководителями и идеологами движения ни с программой революционных преобразований, ни с более или менее ясным видением структуры и характера общества, которое должно прийти на смену капитализму. И хотя в движении велись абстрактные дискуссии о социализме, сама борьба выглядела зачастую действием ради действия, что не могло не сопровождаться некоторыми экстремистскими передержками, увлечением ультралевой тактикой.

Под конфронтацией «новые левые» обычно понимали такие действия, как преднамеренные попытки воспрепятствовать нормальному функционированию тех или иных институтов и отдельных личностей; преднамеренное нарушение указаний властей; ответные насильственные действия на использование полицией дубинок, газов и другого оружия; строительство баррикад или использование так называемой «подвижной тактики», чтобы предупредить или задержать разгон полицией массовых демонстраций.

Руководители «новых левых» организаций и группировок, и в первую очередь СДО, считали, что конфронтация и боевые действия могут побудить к выступлениям политически умеренные слои американского населения. Они рассчитывали, что такая их тактика заставит умеренных и либералов пересмотреть свои взгляды и, даже не одобряя конфронтации как таковой, поддержать требования «новых левых».

Конфронтация и боевые действия рассматривались также как средство политического образования масс, поскольку, предполагали руководители движения, жестокие репрессии со стороны властей наглядно покажут подлинный характер существующей в стране системы. Тактика конфронтации и сопротивления должна была выработать у активных участников движения готовность не спасовать в будущем перед еще большими репрессиями, которыми будут отвечать правящие круги

на усиление политического, антикапиталистического характера движения.

Предполагалось, что боевые действия студентов, вызывая неудовольствие у средних американцев, будут способствовать установлению связей между студенческим движением, с одной стороны, и рабочей, негритянской молодежью — с другой, которая скорее поймет и оценит самопожертвование и боевитость, нежели ненасильственные формы протеста.

Тактика конфронтации должна была дать молодым революционерам собственный практический опыт борьбы против существующих политических институтов, позволить им сделать выбор между ненасильственным, так называемым интеллектуальным радикализмом и готовностью к участию в революционной борьбе, сопряженной с риском, насилием, готовностью к самопожертвованию.

Некоторые руководители «новых левых» проповедовали необходимость развертывания партизанской войны в «городских джунглях», выступали с авантюристическими призывами к вооруженному восстанию повсеместно и во всех случаях. Эти призывы свидетельствовали лишь о полной политической незрелости и наивности молодых экстремистов. Из опыта революционной борьбы хорошо известно, что попытки выступать с оружием в руках во время действий, не имеющих отношения к вооруженному восстанию в целях захвата политической власти, не могут дать каких-либо положительных результатов, а ведут лишь к неоправданным жертвам и жестоким репрессиям со стороны властей. Но именно такую тактику проповедовала часть «новых левых», громко именовавших себя «метеорологами», «предсказателями погоды». Они поставили под сомнение эффективность массовой борьбы для достижения коренных общественных преобразований в условиях США, поскольку эта борьба не давала ощутимых результатов. Не вооруженные знанием законов общественного развития, отягощенные грузом мелкобуржуазных воззрений, представители этого направления избрали своим тактическим оружием необузданное буйство и анархизм. В частности, «метеорологи» проповедовали индивидуальный террор, отказ от использования любых форм легальной деятельности, включая и антивоенные демонстрации, объявили вооруженную борьбу единст-

венно подлинной революционной борьбой, предпринимали попытки создать подпольную «красную армию». В качестве главной революционно-преобразующей силы «метеорологи» рассматривали не рабочий класс своей страны, а народы стран, подвергающихся национальному угнетению, революционный порыв которых в развитых капиталистических странах могут якобы поддержать лишь незначительные слои молодежи. Подобную тактику никак нельзя назвать революционной. Скорее это выжидательная тактика, стремление кучки людей воспользоваться плодами революции, свершенной чужими руками.

Практика «метеорологов» была такова: избивание несогласных с ними студентов, взрывы бомб в помещениях банков, в домах отдельных представителей судебного-исполнительных органов, оскорбительные заявления в адрес солдат, не желавших дезертировать из армии, с тем чтобы вступить в ряды их подпольной «красной армии». Вред и бесперспективность подобной тактики настолько очевидна, что она незамедлительно была подвергнута резкому осуждению со стороны подавляющего большинства молодых людей, принимавших участие в «новом левом» движении. Выражая их чувства, Том Хейден подчеркивал, что буйство «метеорологов» было глубоко ошибочным методом борьбы; что, сжигая машины, невозможно помочь народу Вьетнама.

Влияние «метеорологов» на характер студенческих выступлений было незначительным. Более того, на их опыте массы студентов имели хорошую возможность убедиться, что псевдореволюционность не может дать положительных результатов в борьбе. Если кто и был заинтересован в буйстве «метеорологов», так это официальная американская пропаганда. Не случайно их «деяния» сознательно раздувались и преувеличивались, с тем чтобы запугать «молчаливое большинство» американцев пагубными последствиями, к которым может привести деятельность «новых левых». Ультрареволюционные методы борьбы «метеорологов» использовались также для оправдания жестоких репрессий против массовых выступлений молодых радикалов, с небывалым размахом развернувшихся в конце 60-х годов и отличавшихся боевитостью, упорством, более высокой степенью организованности и единства действий.

Особенно это относится к студенческим выступлени-

ям, охватившим практически все университетские центры страны.

Бурные события развернулись в апреле 1968 года в Колумбийском университете, когда студенты захватили и в течение нескольких недель удерживали ряд университетских зданий, а в кампусе шли настоящие бои между студентами и полицией.

Эти выступления не были стихийными. За несколько месяцев до их начала на состоявшейся в Мэриленде конференции СДО было принято решение избрать местом весенней схватки с властями и полицией именно Колумбийский университет. При этом участники конференции исходили из целого ряда причин.

Они хотели нанести удар в одном из старейших университетов «плющевой лиги», пользующемся репутацией либерального высшего учебного заведения, но тем не менее занимающего видное место в системе подготовки дипломированных слуг американского капитализма, в проведении крупных военных исследований, в частности в действующем при университете Институте оборонных исследований, созданном в 1956 году министерством обороны США.

Решение о развертывании выступлений в Колумбийском университете основывалось также на возможности добиться единства действий студентов и борцов за свободу и равноправие негритянского населения.

Колумбийский университет находится в Нью-Йорке, в городе, где проживают миллионы негров и пуэрториканцев. Более того, учебные здания университета расположены на границе с Гарлемом. И тем не менее Колумбийский университет является сегрегационным высшим учебным заведением. Студенты-негры составляют менее двух процентов от общего числа учащихся, наглядно демонстрируя реально существующую в США ситуацию: в общем населении страны один негр приходится на 10 белых, а в колледжах один негритянский студент — на 30 белых. В Колумбийском университете, так же как и во всех других высших учебных заведениях США, студенты-негры чувствуют себя изолированными от белых студентов. Тем более знаменательно, что поводом к началу студенческой забастовки в апреле 1968 года в этом сегрегационном университете послужил расовый вопрос, а именно насильственное выселение негритянских семей с обжитых мест в связи

с расширением университета и строительством спортивного университетского комплекса.

Назревавший в течение многих лет протест молодых жителей Гарлема вылился в мощные демонстрации. Студенты Колумбийского университета поддержали их справедливые требования мощной забастовкой и захватом учебных помещений. Было арестовано более 700 человек. Студенческий протест быстро перерос проблему строительства спортивного комплекса. Бастовавшие требовали повышения заработной платы негритянских и пуэрто-риканских рабочих, предоставления им права объединения в профсоюзы, приема на работу в университет преподавателей негритянского происхождения, введения курса о расовых взаимоотношениях, освобождения всех арестованных студентов и снятия с них всех обвинений, прекращения сотрудничества университета с военно-промышленным комплексом, и, в частности, с Институтом оборонных исследований.

События в Колумбийском университете свидетельствовали о массовом переходе «нового левого» к тактике сопротивления. Впервые громадное число белых студентов открыто, по-боевому выступило против расизма непосредственно в своем собственном высшем учебном заведении.

За взрывом в Колумбийском университете последовали волнения в других высших учебных заведениях, студенты которых оказались готовыми к боевым выступлениям в защиту требований свободы, равенства, против секретной деятельности в вузах американской женщины. Только с октября 1968 года по май 1969 года студенческие волнения охватили около 200 университетских городков. В ходе этих выступлений было арестовано 2300 студентов.

Куцые реформы в области десегрегации образования, проведенные в рамках закона о гражданских правах, который якобы должен был обеспечить достойное место негритянскому населению в «великом обществе», не изменили сущности американской высшей школы, построенной на классовой, расистской основе. Двери многих университетов так и остались или полностью закрытыми для студентов-негров, или приоткрылись лишь чуть-чуть. Число студентов-негров в традиционно «белых университетах» мизерно, они чувствуют себя в полной изоляции, их справедливые требования игно-

рируются. Предметы по истории и культуре негритянского народа США не включаются в учебные программы даже в качестве факультативных курсов.

Протест против расовой сегрегации в американской высшей школе все шире разворачивается в американских университетах. В ряде случаев он приобретает исключительно острые формы.

Так, в апреле 1969 года забастовали студенты-негры Корнеллского университета. В этом учебном заведении сегрегационные барьеры при приеме студентов были сняты в 1964 году. Однако к 1969 году в нем обучалось только 250 студентов-негров из общего числа студентов, превышающего 14 тысяч. На протяжении всех этих лет они добивались равноправного положения, введения курсов по истории и культуре негритянского народа. Но тщетно. Университетская администрация была глуха к их требованиям. Тогда они решили начать забастовку, захватив здание студенческого союза. Когда реакционно настроенные студенты университета пытались изгнать их из здания, негритянские юноши вооружились.

Буржуазная пропаганда поспешила использовать этот факт для того, чтобы еще больше раздуть шовинистическую истерию в стране, оправдать в глазах общественного мнения усиление репрессий против всего демократического студенческого движения.

Ведущие американские пропагандисты всячески стремились запугать обывателя тем «хаосом», «железной диктатурой», которые якобы неизбежно последовали, если бы «революционным студентам» удалось выполнить свою задачу — разрушить существующую ныне в США общественную систему. Объектом особенно ожесточенных нападок стали антимилитаристские настроения прогрессивного американского студенчества. Обозреватель Д. Рестон рисовал мрачную картину, которая якобы стала реальностью в случае удовлетворения студенческих требований: отмена ROTC¹ в университетах привела бы к росту милитаризма, поскольку весь офицерский корпус воспитывался бы в изоляции от общества, вне академической университетской атмосферы; отмена призыва на военную службу только

¹ ROTC — корпус подготовки офицеров запаса, существующий во многих университетах США.

способствовала бы созданию «добровольной» хорошо оплачиваемой армии, а возможно, и сильных военных отрядов «черных наемников». В своих последующих статьях Д. Рестон еще более откровенно высказался о том, что больше всего беспокоит американскую буржуазию в росте студенческих выступлений. Это, по его словам, «захват и уничтожение частной собственности».

Когда под угрозой оказываются «священные» основы капиталистического строя, буржуазия прибегает к насилию и репрессиям.

Именно в разгар студенческих выступлений в мае 1969 года бывший тогда министром юстиции Д. Митчелл заверил американскую буржуазию в том, что «движимые насилием воинствующие элементы будут наказаны по всей строгости нашего федерального законодательства».

Такого рода обещания, заявления и заверения не остаются пустым звуком. Против протестующей молодежи бросаются полиция, национальная гвардия, регулярные войска, применяющие не только дубинки и газы, но и огнестрельное оружие. Растет число раненых, арестованных, исключенных из университетов. В ходе «жаркой весны» 1969 года в конгресс США был внесен законопроект, в соответствии с которым нарушение учебного процесса предлагалось рассматривать как «преступление». Оживилась деятельность Комитета конгресса по внутренней безопасности, выполняющего функции прежнего Комитета по расследованию антиамериканской деятельности.

Однако репрессии не сломили боевого духа передовой американской молодежи и студенчества. Напротив, перед лицом репрессий усиливается стремление к большей организованности «нового левого» движения, в первую очередь движения за окончание войны во Вьетнаме.

В июле 1969 года состоялась конференция Студенческого мобилизационного комитета за окончание войны во Вьетнаме. На конференции вновь был поставлен вопрос о проведении общенациональной антивоенной студенческой забастовки. И если три года назад идея забастовки была нереальной, то 15 октября 1969 года после тщательной подготовки она состоялась в форме бойкота занятий, охватив свыше 400 американских университетов и колледжей. Около миллиона аме-

риканских студентов откликнулись на призыв антивоенных организаций принять участие в мероприятиях второго вьетнамского моратория 13—15 ноября 1969 года. Многие из них шли в эти дни на заводы и фабрики, в магазины и учреждения, агитируя там за скорейшее прекращение войны и немедленный вывод всех американских войск с территории Вьетнама.

В ряде случаев к студентам присоединились преподаватели. Если полтора года назад, в апреле 1968 года, бастовавшие студенты Колумбийского университета вели борьбу в одиночку, то теперь сенат университета официально одобрил бойкот занятий 15 октября и принял резолюцию с требованием о немедленном выводе американских войск из Вьетнама.

Дала результаты и агитационная антивоенная работа, начатая несколько лет назад передовыми студентами среди американских солдат. Уже в 1966 году члены СДО и других организаций «нового левого» стали создавать кафетерии около военных баз с целью распространения среди солдат антивоенных настроений. В то время мало кто верил в возможный эффект подобных действий. Но молодые борцы против войны продолжали начатое дело. Вскоре усилиями студентов начал издаваться пресс-бюллетень, предназначенный для распространения среди солдат и содержащий обильную информацию о войне и антивоенном движении в стране.

Большое значение для роста антивоенных настроений среди американских военнослужащих имело событие в июне 1966 года, когда ефрейтор Д. Джонсон и солдаты Д. Мора и Д. Самас отказались подчиниться приказу об отправке во Вьетнам, не пожелав, как отмечалось в их совместном заявлении, стать частью «несправедливой, аморальной и незаконной войны». Вскоре их примеру последовал негритянский юноша, член Клубов Дюбуа Роналд Локман, заявивший в своем выступлении на чикагской Конференции за новую политику: «Я не поеду. Мое место борьбы дома, в гетто Филадельфии, где я родился и вырос. Меня не смогут послать за 10 тысяч миль от дома для того, чтобы использовать как инструмент в руках агрессоров против вьетнамского народа...»

Уже в 1967 году за отказ служить в армии и быть отправленными во Вьетнам в США было осуждено

952 человека. Около 10 тысяч молодых потенциальных заключенных находилось в Канаде, где они скрывались от призыва в армию, а несколько сотен дезертировавших из американской армии военнослужащих искали политического убежища в других странах. В 1969 году, по данным газеты «Нью-Йорк таймс», из армии США дезертировало уже 73 тысячи человек. Американские военнослужащие открыто включаются в антивоенное движение. Тысячи солдат в военной форме шли в рядах демонстрантов по улицам Вашингтона и Сан-Франциско 15 ноября 1969 года. Даже в Сайгоне в этот день появились солдаты с черными повязками на рукавах — символом их солидарности с демонстрациями протеста в США.

Несмотря на усилившиеся репрессии против борцов за мир, провозглашение программы «вьетнамизации», антивоенное движение поднялось в 1970 году на новую ступень не только в организационном, но и в политическом плане. Его участники более энергично стремились к единству действий различных отрядов леворадикального движения, старались не давать повода полиции и национальным гвардейцам провоцировать кровавые стычки, не допускали экстремистские действия со стороны демонстрантов. Во время митингов и манифестаций антивоенные требования все чаще увязывались с требованиями в защиту демократии, за свободу негритянского народа. В росте организованности антивоенного движения правящие круги США увидели новую опасность для устоев существующего строя. И они пошли на прямую кровавую расправу с демонстрантами. 4 мая 1970 года выстрелами национальных гвардейцев были убиты четыре студента Кентского колледжа в штате Огайо.

От пуль национальных гвардейцев погибли студенты с белым цветом кожи, и это оказало громадное психологическое воздействие на многих представителей так называемого «молчаливого большинства», особенно среди учащейся молодежи. Убийства негров не будоражили в такой степени Америку. И не только потому, что это обычное, исторически традиционное явление в США. Американский белый обыватель привык рассматривать кровавые репрессии против негритянского населения как акты, направленные против людей второго сорта. Здесь же речь шла о людях своего круга.

Американский обыватель вынужден был задуматься о неполадках в системе, которая уничтожает не только негров и вьетнамцев, но с такой же жестокостью расправляется со своими «стопроцентными» гражданами, решившимися выразить несогласие с теми или иными аспектами правительственной политики, не нарушая, кстати, при этом американскую конституцию. Такие чувства и размышления привели в колонны демонстрантов сотни тысяч умеренных американцев, никогда прежде не принимавших в них участия.

Действия развернулись. Во многих университетах и колледжах студенты зачастую при поддержке профессорско-преподавательского состава принимают решения о прекращении занятий, объявляют забастовки, выходят на демонстрации.

Наряду с действиями протеста в отдельных высших учебных заведениях леворадикальные студенческие группировки сразу же после выстрелов в Кенте приступили к организации общенациональных манифестаций. Собравшиеся в Нью-Йорке студенческие руководители призвали к общенациональной студенческой забастовке и выступили с инициативой проведения общенациональной антивоенной демонстрации в знак памяти о погибших студентах Кента.

8 мая студенческой забастовкой было охвачено уже 450 университетов и колледжей. Волнения в университетах не прекращались до конца учебного года.

Если за год до майских событий прошло около тысячи демонстраций более чем в 200 кампусах 37 штатов, то в мае 1970 года лишь немногие из 2500 высших учебных заведений (включая 900 младших колледжей) хранили молчание.

Студенческие и негритянские выступления достигли невиданных в политической истории США масштабов. Они оказали огромное социально-психологическое воздействие на умонастроения и политическое поведение значительных слоев американского населения. Американцы, верившие в справедливый и представительный характер существующей в стране системы демократических институтов, с разочарованием видели, как во время съезда демократической партии в Чикаго в августе 1968 года, так же как и во время многих последующих выступлений, «избранные демократическим путем представители народа» прятались от него за колючей про-

волокой, бронетранспортерами и живую стеной из солдат и полицейских. Для многих становилось очевидным, что правительство опирается на аппарат насилия, на силу оружия, а не на согласие народа.

Массовые боевые выступления студенчества и негритянской молодежи, стычки с полицией и войсками убивали рожденный в период маккартизма страх перед репрессиями, страх, длительное время расценивавшийся правящими кругами как гарантия «порядка» в стране.

Процесс дезинтеграции затронул и правящие круги. Наиболее трезво мыслящие буржуазные политики, увидев моральную поддержку в массовых, в частности антивоенных, выступлениях, решительнее потребовали прекращения войны во Вьетнаме, решения некоторых внутренних социальных проблем.

Слепая вера в правомерность действий правящих кругов поколебалась, и это в определенной мере затрудняло дальнейшую эскалацию военных действий, вынудило правительство США сесть за стол переговоров с представителями ДРВ и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам.

И тем не менее «новое левое» не расшатало основ общества, не добилось сколь-либо существенных изменений в проводимой правительством США внутренней и внешней политике. Все усилия были сосредоточены на организации единовременных, зачастую не связанных между собой действий. Отсутствие общей программы, идеологии, политической альтернативы, четкой организации позволяло привлекать к участию в этих мероприятиях людей, придерживающихся самых различных взглядов, развернуть широкое массовое движение вокруг отдельных проблем. Но это массовое движение оказалось неспособным к участию в последовательной борьбе за коренные общественные преобразования.

НА ПЕРЕЛОМЕ

В ПОИСКАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Зачастую в периоды бурного нарастания политического протеста массовость движения растет намного быстрее, чем организация и политическое сознание его участников. Такая ситуация оказалась характерной и для развития «нового левого» движения в США.

Практика этого движения вновь подтвердила, что «численность только тогда решает дело, когда масса охвачена

организацией и ею руководит знание»¹.

Разрозненное и непоследовательное «новое левое» движение, отмечал один из создателей СДО, Боб Росс, не могло «идти в ногу с духом времени в организационном плане. Мы создаем все больше и больше молодых радикалов, — продолжал он, — но мы не можем организовать их энергию». Организационная и идейно-политическая раздробленность движения мешала достижению единства действий, порождала сектантство, фракционность и подозрительное отношение друг к другу различных организаций и группировок. Пренебрежение к организационным вопросам проявлялось и при проведении отдельных мероприятий.

Даже ведущие организации «нового левого» в силу организационной неформальности, наличия внутри их фракционных группировок оказались во власти сектантов, что зачастую чрезвычайно осложняло действия демократических сил. Так во время чикагских событий 1968 года СДО не контролировала выступления, его

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 10.

руководители боялись дискредитировать себя официальным участием в мероприятиях, хотя отлично знали, что большинство членов организации было в первых рядах демонстрантов. В данном случае предпочтение отдавалось не массовой борьбе, благодаря которой СДО, собственно, и завоевала популярность среди американского студенчества. Над руководителями организации довлела сомнительная концепция, по которой отвергалось само участие в предвыборной кампании только лишь в силу неверия в возможность коренных общественных преобразований парламентским путем. В таком же положении оказались и группы, активно выступавшие против призыва в армию. Они тоже больше думали о «чистоте» формы своих действий и полагали, что запятнают себя, если выйдут на улицы вместе с людьми, которые не сжигают призывные повестки, как это делали они.

Подобная косность существенно мешала развитию движения, вела к его ослаблению.

В то же время массовый характер выступлений, расширение социального состава их участников настоятельно требовали изменения и расширения форм и методов действий.

Столкнувшись лицом к лицу с организованной государственной машиной, «новые левые» на собственном опыте убедились, что эта машина с ее разветвленной системой насилия и подавления намного сильнее их, что ее невозможно свалить прямыми действиями, тактикой конфронтации и стычками с полицией, которые зачастую приводили лишь к неоправданным жертвам. «Мы выступаем против высокоразвитой в техническом отношении страны, — подчеркивал в 1968 году один из руководителей партии «Черная пантера», Хью Ньютон, — и мы понимаем, что они (правящие круги США. — А. Б.) не просто бумажные тигры, как говорит Мао, а настоящие тигры, поскольку обладают способностью уничтожить большое число людей». Осознание этого непреложного факта диктовало необходимость отказа от экстремистской левацкой тактики.

В частности, уже в 1968 году Хью Ньютон, отдавая должное тактике партизанской войны, применявшейся кубинскими революционерами, подчеркивал, что она неприменима в условиях США. Он не отрицал значения восстаний в гетто, явившихся стихийным протестом про-

тив эксплуатации, борьбой негритянского населения за право самим определять собственную судьбу.

Во время этих восстаний люди обретали опыт массовых уличных демонстраций, учились наносить ответные удары полиции. «Народ был обучен сопротивлению, — отмечал Х. Ньютон, — но, возможно, обучен неправильно». Бунты и восстания не решали насущных экономических, социально-политических и культурных проблем негритянского населения. «Верно, — говорил Х. Ньютон, — что они направлены против властей и угнетения в общинах, но они не организованны». Без четкого представления целей борьбы, уязвимых мест противника, без сплоченной организации невозможно опрокинуть государственную машину капитализма даже при наличии оружия. Эта мысль овладевает сознанием все большего числа молодых радикалов Америки, в том числе и в таких организациях, грешивших увлечением экстремистской тактикой, как «Молодые патриоты» (организация молодых людей в бедствующих районах Аппалачских гор, стремившихся добиться такой же активности и «чувства локтя» в общинах, населенных белой беднотой, какой добивались «черные пантеры» в негритянских гетто), «Коричневые береты» и «Молодые лорды» (организации молодежи мексиканского и пуэрто-риканского происхождения). Создатель и один из руководителей организации «Молодые лорды», Хосе Хименес, писал по поводу попыток ее членов в ответ на убийство своего товарища выйти с винтовками на улицы: «Именно тогда я стал настоящим революционером. Вместо того чтобы идти убивать свиней (презрительная кличка полицейских. — А. Б.), я почувствовал необходимость проанализировать пути достижения цели. Не с винтовкой. Для этого еще не время... Нужно просветить людей, прежде чем думать о винтовке... Революция приближается, но это длительный, медленный процесс».

Идеи необходимости рационального сочетания различных форм и методов борьбы находят своих сторонников в леворадикальном студенческом движении и среди интеллигенции, примыкавшей к «новому левому». С одной стороны, они видели, что наиболее внушительными являются массовые действия на улицах, поскольку в данном случае наиболее быстро обостряются, пусть хотя бы только внешне, противоречия между народом

и властями, накапливается коллективный опыт, рождающий коллективную мудрость. С другой стороны, лидеры «нового левого» призывали «не мистифицировать находящихся на улице людей и уличные действия», хотя и считали, что «именно такая форма действий и те люди, которые в них участвуют, являются острием» движения. Абсолютизация тех или иных форм действий может только повредить движению.

Одновременно «новые левые» ставят перед собой задачу расширения социальной базы движения за счет привлечения в него рабочих, представителей средних слоев, профессионально-технических работников, которые все больше и больше страдали от последствий войны во Вьетнаме, от социального и экономического гнета, но, отягощенные сомнениями, заботами о семье, соображениями карьеры, еще не были готовы активно включиться в борьбу.

Подобные изменения взглядов «новых левых» свидетельствовали о преодолении настроений «студенческого авангардизма», свойственных значительной части участников движения на первых этапах развития. Это не было отступлением, как иногда стремятся представить дело ультрареволюционные элементы. Движение вступало в новый этап своего развития. Речь шла о поисках союзников, если даже и не разделяющих точку зрения «новых левых» на задачи и цели, формы и методы борьбы, но готовых вносить какой-то вклад в движение.

Не последнюю роль в таком повороте сыграло активное участие «нового левого» в антивоенном движении, поскольку Вьетнам был для них живым примером умелого сочетания боевых и бескомпромиссных революционных действий с осторожным и уважительным отношением к различным силам, не являющимся вражескими в данный момент, а, напротив, способным внести определенный вклад в борьбу против агрессии американского империализма.

На необходимость более терпимого отношения к возможным союзникам толкала и логика развития самого «нового левого» движения, когда его будущее во все большей степени зависит от расширения массового характера борьбы. Разочарование все более широких слоев американского населения в правительстве, в существующей системе открывало перспективу для актив-

ного включения в борьбу за демократию части либералов, некоторых военнослужащих и ветеранов войны. О возможностях расширения коалиции демократических сил свидетельствовала и усилившаяся неудовлетворенность в ряде профсоюзов, нашедшая, в частности, выражение в создании Союза профсоюзных действий, в расширении их участия в антивоенном движении.

Подобный подход к вопросу о силах, способных принять участие в борьбе за общественные преобразования, не мог не привести руководителей и идеологов «нового левого» движения к убеждению, что единственным и подлинным творцом истории являются простые люди, народ, а не те узкие социальные группировки, на которые, идя вслед за Маркузе, они делали ставку прежде, что подъем политической борьбы в США породили энергия и сила народа.

Признание народа как единственного и подлинного творца истории вновь со всей остротой ставит перед «новым левым» вопрос об отношении к рабочему классу, о его роли в осуществлении революционных преобразований. Практика борьбы показывала, что ни студенты, ни негритянское население США, ни наиболее обездоленные, ни тем более либеральная интеллигенция не могут быть движущей силой революционных преобразований. В то же время попытки втянуть в политическую борьбу массы американского рабочего класса на основе своих первоначальных лозунгов, направленных на отрицание культурных и этических ценностей капитализма, на абстрактное отрицание «общества потребления», не увенчались, да и не могли увенчаться успехом. На начальных стадиях развития представители движения оценивали положение рабочего класса в социальной системе капитализма на основе его отношения к тем или иным ценностям «общества потребления», не учитывая места рабочих в системе капиталистического производства. Недооценивалась не только степень эксплуатации рабочего класса, но и потенциальные возможности его революционности. Реакционная политика профсоюзных лидеров часто отождествлялась с убеждениями рядовых рабочих. Соответственно устаревшей казалась «новым левым» на первых порах и марксистская теория, провозглашающая историческую роль рабочего класса как могильщика капитализма. Говоря об

этом периоде развития «нового левого», один из создателей СДО, Боб Росс, совершенно справедливо отмечал:

«В начале 60-х годов, начав движение, мы пытались отвергать все учения и теорию «старого левого» и начать все заново. Но вскоре мы обнаружили, что, выливая воду из ванны, вместе с водой чуть не выплеснули и ребенка».

Однако в одиночку опрокинуть государство монополий леворадикальным студентам оказалось не под силу. Надежды на союзников вне рабочего класса, в первую очередь на наиболее обездоленную часть населения США, не подтвердились.

Несколько лет напряженной работы по осуществлению «Проекта экономических исследований и действий», проводившегося в населенных беднотой районах, убеждали «новых левых» в том, что бедные, даже проявляя стремление к организации, оказывались, как правило, не подготовленными к радикальным действиям за изменение условий своего существования. Их идеология не была революционной, хотя они охотно принимали помощь студентов и представителей интеллигенции, стоявших на радикальных позициях. Происходит отход «новых левых» от взглядов, существо которых находило выражение в лозунге «Бедные сами решат свою судьбу». Более верным им представляется марксистское положение о том, что в целом беднейшая часть населения, люмпены находятся за пределами политической экономики, а потому менее способны оказывать воздействие на основополагающие процессы общественного развития. Марксизм исходит из ведущей революционно-преобразующей роли рабочего класса. «Новым левым» антирабочие настроения мешали сразу полностью признать эту роль рабочего класса, который рисовался в их представлении сплошь реакционной массой. Мешало и отрицательное отношение к марксизму как революционному учению, многолетние безуспешные попытки выработать свою собственную революционную идеологию. Именно здесь проходит временная идеологическая стыковка «нового левого» с Г. Маркузе, выдвигавшим концепцию «нового рабочего класса». В соответствии с этой концепцией повышение удельного веса служащих, так называемых «белых воротничков», приведет к тому, что рабочий класс постепенно сольется с ними, пожертвовав

своими боевыми традициями. Но, принимая терминологию Г. Маркузе, они отбрасывали его выводы, практически отрицавшие возможность коренных общественных преобразований. В этом смысле они шли дальше и своего «духовного отца» Р. Миллса, который в книге «Белые воротнички», вышедшей в 1951 году, рассматривал профессионально-технических, научных, административных и общественных работников, которых он называл «новый средний класс», как объект массового общества, как разделенную на атомы лоскутную и бессильную часть рабочих, неспособную сопротивляться идеологическому воздействию правящей элиты.

Напротив, идеологи «новых левых» считали, что «новые рабочие» могут организоваться и оказать влияние на те институты, в которых они заняты, и на политическую жизнь в целом. Такая возможность обосновывалась возрастанием их экономической роли даже в основных, традиционных отраслях промышленности, не говоря уже об их ведущей роли в наиболее важных научно-технических и общественных процессах. Они не могут не быть подвержены радикализации и с субъективной точки зрения, поскольку живут в то время, когда миф о демократическом устройстве общества был чрезвычайно сильно поколеблен в сознании интеллигенции и профессионально-технических работников реальностью бюрократического и корпоративного контроля.

Как отмечалось в документе «К теории общественных изменений в Америке», подготовленном группой членов отделения СДО в Нью-Йорке, «основной особенностью нового рабочего класса является то, что он находится в самом сердце производства, понимая при этом роль и характер общественной организации производства, но не имея еще возможности контролировать его. Они могут быть непосредственно заинтересованы в радикальных общественных преобразованиях». Высокий уровень образования позволяет им заметить и понять противоречия американского общества. Авторы документа верно усматривали возможность развития классового сознания этой группы трудящихся, происходящего из понимания действительного соотношения сил, из условий, определяющих характер их работы, роли и места в производстве и обществе, их неудовлетворенности «американским образом жизни». Вместе с тем они наивно надеялись, что если СДО достигнет

100-тысячного членства¹, то ежегодно она будет поставлять в «новый рабочий класс» около 20 тысяч радикально настроенных организаторов, которые и определяют революционное сознание всего рабочего класса. Концепция «нового рабочего класса» сразу же обнаруживала свою узость. Этот «класс», по подсчетам авторов документа, включал в себя только 13 процентов общей рабочей силы, составляя, таким образом, лишь незначительную часть рабочего класса в целом. Силой обстоятельств «новые левые» вынуждены были задумываться о необходимости вовлечения в борьбу и «традиционного» рабочего класса. Не последнюю роль в этом сыграл процесс все большего охвата профсоюзным движением профессионально-технических работников и служащих, заимствующих опыт и методы действий у рабочих организаций. Тем не менее ведущую роль идеологи «нового левого» оставляли на первых порах за «новым рабочим классом», проповедуя тем самым разделение класса на активную и пассивную части. Эта концепция не была свободна и от элементов «студенческого авангардизма», поскольку перспектива революционизирующего воздействия «нового рабочего класса» на весь рабочий класс вокруг лозунгов «отсутствия власти», «контроля» и «участия» увязывалась со студентами, которые после окончания учебы вольются в «новый рабочий класс», привнося с собой опыт политической борьбы. Несмотря на всю ограниченность, концепция «нового рабочего класса» способствовала сдвигу к пониманию «новыми левыми» необходимости расширения социальной базы движения для осуществления радикальных преобразований, приближала их к признанию ведущей революционно-преобразующей роли рабочего класса. Уже в апреле 1967 года «Нэшнл гардиан» писала, что «новый рабочий класс не сможет остановить колеса и токарные станки, но он может тем не менее перевернуть все вверх дном и, возможно, явится искрой, которая приведет в движение рабочий класс». А несколько раньше, в феврале 1967 года, появился документ, в котором рассматривались цели и задачи участия радикалов в деятельности все возрастающего числа профсоюзов «белых воротничков». В документе указывалось на не-

¹ К началу 1969 года число членов организации приближалось к 100 тысячам.

обходимость взаимосвязи в деятельности этих профсоюзов между борьбой за свои специфические интересы и за общие требования всего рабочего класса. «Автоматизация, — отмечалось в документе, — выдвинула перед «белыми воротничками» задачи, которые диктует необходимость объединения в профсоюзы. Чем большее число людей соглашается с мнением, что власти в этом обществе можно добиться через организацию, тем больше возможности для «белых воротничков» увидеть сходство своих интересов с интересами «синих воротничков». Вполне понятно, что участие «белых воротничков» в общем профсоюзном движении способствовало бы объединению различных отрядов трудящихся, расширило бы рамки и силу антимонополистической коалиции. Так, например, сильный профсоюз учителей, объединяющий преподавателей начальных, средних школ и колледжей был бы более многочисленным, чем профсоюзы рабочих автомобильной и сталелитейной промышленности, вместе взятые, и смог бы оказывать существенное влияние в исполкоме АФТ—КПП¹ и в американском обществе в целом. Авторы документа выразили сожаление по поводу того, что профсоюз учителей, сосредоточив чересчур большое внимание на повседневных требованиях экономического характера, не уделяет должного внимания требованиям политическим, а иногда прямо вредит своими действиями достижению сотрудничества между различными отрядами трудящихся. В качестве примеров приводились выступления объединенной федерации учителей против планов усиления общинного контроля над школами в гетто и сдержанное отношение профсоюза общественных работников к борьбе людей, получающих пособия, за участие в выработке системы предоставления пособий.

«Задача радикалов в этих профсоюзах, — подчеркивалось в документе, — состоит в том, чтобы убедить их членов в первостепенной необходимости союза с другими рабочими и с жителями гетто».

Одновременно в «новом левом» широкое распространение получает идея, что профсоюзное движение не проявляет высокой политической активности в силу отсутствия в основных индустриальных профсоюзах левых

¹ АФТ — КПП — Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов.

сил, способных завоевать поддержку рабочих, готовых по-новому подойти к решению стоящих перед ними проблем. Ответы на возникшие в связи с этим вопросы теоретики «нового левого» движения искали в опыте работы партий и группировок социалистической ориентации в рабочем и профсоюзном движении, особенно в 30-е годы. Они не просто перенимали этот опыт, а пытались критически обобщить его.

Подчеркивая боевитость ряда созданных левыми силами в 30-е годы отделений КПП, теоретики «нового левого» указывали вместе с тем на узость концепции, суть которой сводилась к тому, что чем шире и мощнее станут профсоюзы, тем больше шансов на возникновение в Соединенных Штатах радикального движения рабочего класса. Не дополненный массовой политической борьбой такой подход зачастую вел к хвостизму, нашедшему выражение в высказывании одного из социалистов, активно работавшего в профсоюзном движении: «Мы с организованными рабочими независимо от того, правы они или не правы. Мы не говорим рабочим, что им делать или как делать. Мы просто помогаем всему, что бы они ни делали». Подобная позиция привела к тому, что, занимая даже высокие посты в профсоюзной иерархии, социал-демократы оказывали весьма незначительное влияние на определение политики профессиональных союзов, а их критика деятельности профсоюзного руководства была осторожной и сводилась скорее к процедурным, нежели принципиальным вопросам. Политика троцкистов сводилась к натравливанию рядовых членов против профсоюзной верхушки. Тем самым они рассчитывали на то, что рабочие более выпукло увидят противоречия капитализма, а это, в свою очередь, поведет к росту классового самосознания, к борьбе, в ходе которой будет опрокинута профсоюзная бюрократия и создана база для подлинной революции рабочего класса.

Основным недостатком профсоюзной политики социалистов и троцкистов было то, что ни одни, ни другие не выдвигали программы, которую члены профсоюзов могли бы принять как собственную и на основе которой могла бы развернуться массовая политическая борьба, способствующая росту классового самосознания рабочих. Не давало положительных результатов и забегание вперед, пропаганда среди рабочих идей и ло-

зунгов, которые в силу уровня классового самосознания не могли быть восприняты ими как собственные. В данном случае идейное воспитание становилось самостоятельной, обособленной формой борьбы, не подкрепленной массовыми политическими выступлениями. В практической работе основной упор делался на то, чтобы добиться для рабочего класса как можно больше экономических благ. Нет сомнения, что эта борьба вынуждала и вынуждает американскую буржуазию идти на уступки. Буржуазия оказалась в состоянии, особенно в послевоенный период, создать для объединенных в профсоюзы рабочих относительное «изобилие», не жертвовав при этом никакими элементами своей политической власти. Напротив, американской буржуазии при помощи реакционного профсоюзного руководства удалось вместе с уступками экономического характера внести в определенные слои рабочего класса элементы мелкобуржуазной идеологии. Одной из обусловивших такое положение причин явилось то, что левые силы не смогли развернуть массовую борьбу рабочих за политические свободы, за участие в контроле над производством, иными словами, в тех областях, в которых буржуазия никогда добровольно не пойдет на уступки, поскольку это грозило бы подрывом принципа частной собственности. К таким выводам приходили некоторые теоретики «нового левого», обобщая опыт работы левых сил в профсоюзном движении. Одновременно они вынесли из этого опыта и то, что попытки занять как-то позиции в профсоюзном и рабочем движении, игнорируя экономические требования трудящихся, обречены на неудачу. И не только в силу конъюнктурных соображений и понимания необходимости улучшения материального положения значительных слоев американских трудящихся, которых не коснулось «изобилие», но в первую очередь потому, что в современных условиях бурного развития научно-технической революции борьба за удовлетворение повседневных требований рабочих как экономического, так и социального характера все теснее переплетается и позволяет быстрее осознать необходимость развертывания борьбы за участие в контроле над условиями труда и жизни, а в конечном итоге за рабочий контроль над производством. В «новой левой» литературе, в частности, подчеркивалось: «Несомненно, радикалы должны поддерживать требования за более

высокую заработную плату, лучшее пенсионное обеспечение, улучшение системы здравоохранения. Тем не менее, когда дело касается принципиальных проблем, ведущих к глубоким структурным изменениям и помогающих рабочим поставить под вопрос существующую систему власти, то именно вокруг них должны разворачиваться важнейшие битвы с участием радикалов. За повседневные требования можно бороться и в рамках существующей системы. Это, однако, не означает, что требования о повышении зарплаты неважны для рабочих или что социалистическая цель обеспечения приличной оплаты труда для всех рабочих является тривиальной». Главной задачей профсоюзного движения некоторые руководители «новых левых» считали развертывание борьбы, ведущей к передаче функции принятия решений по всем важнейшим производственным и общественным вопросам рядовым рабочим.

Таким образом, они признавали решающее значение массовой политической борьбы, правильно улавливали роль профсоюзов в революционном движении. Но, с другой стороны, игнорируя руководящую и направляющую роль в революционной борьбе марксистско-ленинской партии рабочего класса, они повторяли многое из ошибочных положений социалистов и троцкистов, усматривали главную силу в осуществлении радикальных общественных преобразований в профсоюзах, очищенных от реакционного руководства, в организационно независимой профсоюзной структуре. Они оказались слишком далеки от ленинского подхода к вопросу о роли профсоюзного движения, которое, как известно, не может само по себе выработать классового революционного сознания. Так же как социалисты и троцкисты, теоретики «нового левого» не смогли предложить рядовым членам профсоюзов конкретной программы альтернативной программе реакционного руководства АФТ—КПП, которую рабочие могли бы воспринять как собственную и развернуть на ее основе массовую борьбу. В конечном итоге они ограничились лишь общими рассуждениями о том, что профсоюзное движение может сыграть существенную роль в борьбе за революционное преобразование общества, если «тред-юнионистская деятельность будет дополняться политическими действиями», а выступления за повседневные требования соединены с борьбой за достижение конечной цели.

Вооруженные такого рода концепциями некоторые молодые радикалы шли работать в профсоюзы делопроизводителями, клерками, социологами и организаторами. Однако очень скоро стало ясно, что недостаточно просто оказаться в рядах профсоюзной бюрократии или среди рядовых членов. Необходимо знать рабочих, их психологию, иметь альтернативную программу, являющуюся ключом к решению новых вопросов, встающих перед рабочими. А как раз этого «новые левые» не имели. Большинство из ушедших на работу в профсоюзы молодых радикалов оказалось в плену коллективных договоров по вопросам экономического характера. Даже когда они пытались действовать исключительно с политических позиций, их усилия в конечном итоге направлялись на поддержку наиболее либеральных или придерживающихся «прорабочих взглядов» деятелей двух основных буржуазных партий. Эти молодые люди затрачивали много сил и энергии, агитируя за такого рода кандидатов, но редко когда предпринимали концентрированные усилия по политическому просвещению рядовых членов профсоюзов.

Вскоре стало ясно, что в подавляющем большинстве случаев молодые радикалы действовали как часть профсоюзной администрации, оторванной в своей повседневной работе от рядовых членов профсоюзов. Даже работая организаторами, они вербовали новых членов на основе повседневных экономических требований традиционного американского тред-юнионизма. Вскоре лидеры «новых левых» вынуждены были признать: «Проблема с новым вливанием крови молодых радикалов в ослабевшие артерии рабочего движения состояла в том, что усилия были предприняты не в том месте». Идя в профсоюзы с намерением революционизировать их, молодые радикалы становились частью аппарата.

СДО попыталась исправить эти ошибки, развернув летом 1968 года кампанию «Поход на предприятия». Многие члены СДО на несколько недель или месяцев поступали простыми рабочими на заводы и фабрики. Первоначальная цель, которую ставили перед собой участники кампании, состояла в том, чтобы, проводя среди рабочих агитационную работу, поставить под сомнение политику руководства профсоюзов, добиваясь развертывания рядовыми членами борьбы за решающее участие в определении политики профсоюзов.

В отличие от политики, проводимой руководством профсоюзов, они почти полностью игнорировали требования материального характера, сосредоточив внимание на борьбе за свободу и контроль со стороны рабочего над своим положением.

В ходе подготовки кампании «новые левые» заявляли даже о желании попытаться внести социалистическое сознание в рабочее движение, способствовать превращению рабочего класса «в революционную силу, которая будет действовать совместно с другими угнетенными классами общества».

Однако те, кто стремился нести социалистическое сознание в рабочее движение, оказались совершенно не подготовленными к этому, поскольку имели весьма смутное представление о классах и классовой борьбе, не владели теорией научного социализма, стояли в стороне от ее носителя — Коммунистической партии США. Уже вскоре после начала кампании многие ее участники вынуждены были признать, что, работая на предприятиях, они впервые узнали, что «классы существуют в Америке — урок, который они не могли получить ни из какого курса общественных наук и ни из какой дискуссии, организованной СДО», что громадные слои американского рабочего класса находятся в тяжелом экономическом положении. Это заставило многих из них выступить в поддержку экономических требований рабочих, принять участие в ряде забастовок по вопросам заработной платы. Одновременно студенты проводили информационно-разъяснительную работу по таким проблемам, как последствия войны во Вьетнаме, сущность расизма, цели леворадикального студенческого движения.

«Поход на предприятия» в 1968 году вызвал серьезную обеспокоенность властей. Администрация промышленных предприятий была предупреждена о предполагаемом «студенческом вторжении». Ей было дано указание тщательно подходить к приему студентов на работу, в обязательном порядке проверять у них наличие призывных карточек, справляться об их поведении в полицейских досье. На пути «похода» студентов встали реакционные профсоюзные лидеры. Они пугали рабочих, говорили, что с приходом студентов снизится выпуск продукции, призывали «гнать красных» с заводов, предлагали показать «университетским молокососам»,

что «современные рабочие являются частью среднего класса, а не «пролетариатом», только и думающим о том, чтобы принять участие в революции». Проведению кампании мешали и экстремисты, призывавшие рабочих к подготовке партизанской войны в городах, к саботажу и диверсиям. Но студенты продолжали начатое дело. Они скрывали, что учатся в колледжах, и, проникая в цехи, доказывали свое искреннее стремление к подлинной солидарности с рабочим классом. Несмотря на чинимые предпринимателями и лидерами профсоюзов препятствия, в ряде случаев они сумели завоевать доверие рабочих. Непосредственная живая связь с рабочим классом способствовала дальнейшему искоренению среди членов СДО настроений студенческого авангардизма.

Студенты на собственном опыте познакомились с положением рабочих, получили возможность перенять некоторый жизненный опыт у класса, на эксплуатации которого держится капиталистическая система.

Кампания «Поход на предприятия» толкала «новых левых» к пересмотру своих прежних теоретических концепций. Они начинают все более решительно отвергать теории, выдуманные в кабинетах, преодолевать былую приверженность к концепциям маркузианского толка.

Показательно в этом смысле высказывание члена СДО Денниса Каменского, проработавшего некоторое время в швейной промышленности. Он пишет: «Герберт Маркузе, проповедник теории о «новом рабочем классе», говорит нам в «Одномерном человеке» (читай: нет больше классов, нет больше противоречий): «Наше общество выделяется тем, что оно сумело овладеть центробежными социальными силами не террором, а скорее технологией, базируясь на двуединой основе подавляющей эффективности и возрастающего уровня жизни». Многие из 400 тысяч рабочих швейной промышленности живут в гетто. Они получают мизерную зарплату... а фабрики похожи на лагеря для заключенных. Утверждение, что жизненный уровень этих рабочих растет, мягко говоря, не соответствует фактам... Успехи в технологии они ощущают только в орудиях, с помощью которых их подавляют, т. е. в усовершенствованных ружьях, отравляющих газах, танках и т. п.»

Но важно не только признание тяжелого матери-

ального положения отдельных отрядов американского рабочего класса. Важно также понять и то, что развитие научно-технической революции не только порождает так называемый «новый рабочий класс», иными словами, не только все больше приближает инженерно-технических работников, «белых воротничков» и т. п. к социальному положению, в котором пребывает рабочий класс. Наблюдается и встречный процесс. Научно-техническая революция настоятельно требует постоянного повышения образовательного уровня промышленных рабочих, познания которых, помноженные на практический опыт, приближаются к познаниям инженерно-технических работников. Таким образом, научно-техническая революция порождает тенденцию к уравниванию условий воспроизводства рабочей силы, ведет к универсализации отчуждения. Создаются экономические и социальные предпосылки для единства и прочного союза различных категорий трудящихся. Среди «новых левых» этот объективный процесс нашел выражение в отказе СДО от фальшивой концепции, что большинство американцев являются представителями так называемого «среднего класса». Выделение профессиональных работников, работников сферы обслуживания, инженерно-технических работников, имеющих университетское образование в «класс», якобы отрезанный от промышленных рабочих, только вносит путаницу, способствует разделению миллионов рабочих и студентов, мешает им понять, что у них общий эксплуататор, общие интересы, требующие объединения для борьбы против капиталистического гнета. Исходя из того, что подавляющее большинство выпускников вузов вливается в ряды наемной рабочей силы, СДО выдвинула задачу способствовать тому, чтобы они «рассматривали себя как квалифицированных рабочих, видели собственный интерес в совместной организации с будущими товарищами по работе как квалифицированными, так и неквалифицированными».

Таким образом, начав с концепции «нового рабочего класса», «новые левые» пришли к пониманию необходимости более широкого толкования рабочего класса, толкования, смыкающегося с марксизмом, а не с теориями, навеянными Г. Маркузе и Р. Миллсом, которые в одном случае сознательно, а в другом невольно толкали леворадикальных студентов к отрицанию исто-

рической революционно-преобразующей роли рабочего класса.

Очень эмоционально о роли американского рабочего класса высказался один из членов СДО, принимавший участие в кампании «Поход на предприятия» на медеплавильном заводе в Нью-Джерси. «Кампания СДО, — писал он, — в громадной степени способствовала моему пониманию силы американского рабочего класса... Рабочие являют собою совершенно противоположное тому, что говорят нам о них наши профессора... Только они обеспечивают функционирование производства; только они могут остановить производство; только они могут свергнуть боссов. Это лето раз и навсегда убедило меня, что рабочие не куплены с потрохами, не ликвидированы автоматизацией... У них сильные мускулы и еще более сильный дух, но продажные рабочие лидеры сумели увести их в сторону от идеологии рабочего класса. Вооруженные марксизмом-ленинизмом, рабочие США и их союзники поднимутся на решительную борьбу — и победят!»

Подобные настроения не были исключением среди членов «новых левых» организаций и группировок.

Опыт работы на промышленных предприятиях, неудачи и отдельные успехи вели к тому, что молодые радикалы все чаще обращаются к марксизму; пытаются понять роль различных классов и социальных групп в осуществлении коренных общественных преобразований.

Большую работу по разъяснению ведущей революционно-преобразующей роли рабочего класса проводят американские коммунисты. Не отрицая, а, наоборот, приветствуя факт усиления и роста демократических движений, социальной базой которых является студенчество, определенные слои интеллигенции, компартия вместе с тем постоянно подчеркивает, что «рабочий класс является основной силой коренных общественных преобразований», а рядом с ним стоит другая мощная и динамичная сила, принадлежащая в основном тоже к рабочему классу, — негритянское население. Союз между ними является важнейшим условием успешной борьбы за демократию и социализм. Только рабочий класс в состоянии бросить прямой вызов капиталистической эксплуатации, непосредственным объектом которой он является. Любой другой подход к вопросу о движущих силах революционных преобразований не

может дать положительных результатов в борьбе. Несомненно, что у рабочего класса должны быть союзники из других слоев населения, испытывающих гнет монополий. Роль этих союзников чрезвычайно важна, но сами по себе, в одиночку они не в состоянии противостоять силе монополий, не смогут не только совершить социалистическую революцию, но и выполнить не столь далеко идущие задачи демократического характера.

К концу 60-х годов вопрос о роли рабочего класса в осуществлении радикальных общественных преобразований становится центральным как в «новой левой» печати, так и на заседаниях руководящих органов «новых левых» организаций.

В частности, в резолюции, принятой на сессии Национального комитета СДО, состоявшейся в декабре 1968 года, отмечалось: «На данном этапе исторического развития СДО стоит перед лицом важнейшего идеологического решения, определяющего ее позиции в отношении рабочего класса. В настоящее время многие в нашем движении должны понять, что в одиночку студенты не смогут добиться падения капитализма, системы, базирующейся на угнетении человека». Суровой критике были подвергнуты бытовавшие среди членов организации расистские и антирабочие настроения, которые вели к шовинизму, к толкованию лозунга «власть студентам» в узком смысле борьбы за собственные студенческие интересы, борьбы, лишенной классового содержания. Выдвигалась задача укрепления связей студентов с другими группами молодежи, в первую очередь с рабочей молодежью, превращения СДО в революционное движение всей молодежи, развития среди членов организации классового сознания, или, иными словами, соединения борьбы молодежи с борьбой рабочего класса. При этом особо подчеркивалось, что молодежь не является самостоятельным классом и не может совершить революцию собственными силами.

Необходимость организованного и классово сознательного движения молодежи обосновывалась следующими соображениями:

1. «Организованное революционное движение молодежи само по себе является мощной силой в революционной борьбе. Иными словами, наша борьба — это классовая борьба, так же как борьба вьетнамского на-

рода и освободительная борьба негров». В этом смысле борьба молодежи должна стать такой же неотъемлемой частью классовой борьбы, как и забастовки. Молодежь — союзник рабочего класса в борьбе против общего врага. Тем не менее молодежное движение остается самостоятельным и необязательно должно поддерживать всякое выступление профсоюзов.

2. «Молодежь является критически мыслящей силой, которая своей борьбой может разоблачать войну, эксплуатацию труда и угнетение молодежи». В этих целях предлагалось развернуть пропаганду и боевые действия, которые базировались бы на классовом анализе капиталистических институтов и вели к росту сознания и усилению борьбы среди других слоев населения.

3. Для развития молодежного движения в целом особенно важно участие в нем молодых рабочих. «Молодые рабочие (а) усилят антикапиталистическое движение в рядах рабочей силы, (б) обеспечат органическую связь между студенческим движением и движением рабочих и (в) усилят воздействие молодежи как критически мыслящей силы на более пожилых рабочих».

Расширение базы молодежного движения за счет молодых рабочих должно было, по мнению авторов резолюции, существенно изменить характер всего движения, поскольку центр тяжести переносился бы со студенческих интересов на классовые интересы.

Резолюция призвала усилить борьбу против расизма, «неотъемлемой части капитализма и главного орудия эксплуатации всех рабочих». Борьба за свободу и равноправие негритянского населения признавалась как важнейшая составная часть классовой борьбы. Ставилась задача «развивать классовое сознание в студенческом движении в интересах развития революционного молодежного движения», развернуть организационную работу в колледжах, в общинах, профессионально-технических, средних школах и младших колледжах; укреплять сотрудничество с рабочими и служащими, занятыми в университетах; продолжать кампанию «Поход на предприятия»; поддерживать и принимать участие в антивоенном движении американских военнослужащих; продолжать массированные действия против агрессивной войны американского империализма во Вьетнаме, против использования университетов как «мыслительных центров» для подавления освободительного движе-

ния в США и за их пределами; бороться за расширение приема в высшие учебные заведения негров, которые, являясь наиболее закаленными и самоотверженными борцами, могут значительно повысить боевой дух студенческого движения.

Резолюция сессии Национального комитета СДО свидетельствует о громадных сдвигах, происшедших в организации со времени принятия в 1962 году Гуронского заявления. Но эта резолюция не была свободна от элементов прочно укоренившегося в организации студенческого авангардизма. По-прежнему роль ведущей «критически мыслящей» силы отводилась студенчеству. Существенное само по себе признание первостепенной роли рабочего класса в союзе революционных сил толковалось узко и абстрактно. Речь шла лишь о союзе рабочего и молодежного движения. Не была подчеркнута первостепенная роль боевого единства рабочего движения и движения за свободу и равноправие негритянского населения. В резолюции даже не упоминалось о необходимости революционного авангарда рабочего класса, который мог бы сплотить все силы в единую антимонополистическую коалицию и роль которого может выполнить только стоящая на твердых марксистско-ленинских позициях партия.

В документах съезда СДО, состоявшегося в июне 1969 года в Чикаго, вновь было подчеркнуто, что «борьба студентов должна быть соединена с борьбой рабочего класса». СДО объявила себя «социалистическим движением», выступающим «за общественную собственность на средства производства», провозгласила «полную поддержку национально-освободительной борьбы угнетенных народов против империализма США», «абсолютно отвергла» все формы антикоммунизма. Из организации была исключена фракция маоистской Прогрессивной рабочей партии, наиболее открыто выступавшая с раскольнических, антинегритянских, антирабочих, антикоммунистических фракционных позиций. Но в целом фракционная деятельность в рядах СДО была далеко не изжита. Съезд не смог укрепить и организационные основы СДО, что, несомненно, сказалось на ее деятельности в будущем.

Одновременно с признанием ведущей революционной роли рабочего класса в идеологии и политике «нового левого» движения происходят и другие существенные

сдвиги, важнейшим из которых является приближение многих его представителей к марксизму-ленинизму, к теории научного социализма. Этот процесс имеет свои особенности, происходит в своеобразных формах.

В свое время В. И. Ленин высказал мысль о том, что молодежь «по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы*»¹.

Для передовых американских студентов этот путь оказался чрезвычайно сложным и мучительным.

Долгое время мысль о необходимости свершения коренных общественных преобразований почти целиком сводилась к «партиципаторной демократии», к полуутопическим, полуанархистским концепциям «антиобщества», «общества всеобщего участия в принятии решений». Предпринимались попытки сконструировать свою оригинальную, неизвестную доселе модель общественного устройства. Из этого ничего не получилось, кроме эклектического нагромождения отдельных элементов из концепций утопистов, экзистенциалистов, анархистов, троцкистов.

Логика развития движения, знакомство с действительным положением народа, со слоями, которых не коснулось «изобилие», рост интереса к рабочему классу и рабочему движению настоятельно выдвигали необходимость поисков такой альтернативы, которая давала бы ответы на острейшие кризисные проблемы, стоящие перед американским обществом, была бы достаточно конкретной, чтобы поставить перед «новым левым» определенные цели и способствовать выработке его стратегической линии.

Часть «новых левых» связывает будущее общественное устройство с социализмом. Анализируя лозунг «партиципаторной демократии» и указывая на его расплывчатость, один из руководителей «новых левых», Питер Вайли, писал: «Более точное определение того, чего мы стремимся достичь, — это социализм».

Известно, что признание социализма конечной целью борьбы далеко не всегда равнозначно переходу на последовательные классовые позиции пролетариата. Несомненно это и для подавляющего большинства американских «новых левых», которые склонны связывать со-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.

циализм лишь с безграничными возможностями для развития личности, демократии и свободы, не в состоянии понять диалектическую взаимосвязь между развитием демократии и диктатурой пролетариата, зачастую критически относятся к существующим моделям социализма, ведут речь о некоей абстрактной «современной, демократической» его модели, не имея ни малейшего представления, что в действительности должно скрываться за этими словами.

Однако признание социализма как конечной цели неизбежно толкает их к знакомству с произведениями классиков марксизма-ленинизма, заставляет по-новому взглянуть на свой собственный опыт политической борьбы, пересматривать свои тактические установки. Самой резкой критике в рядах «нового левого» движения подвергается правый оппортунизм. «Социал-демократический подход, — пишет Питер Вайли, — который оказался важным средством рационализации капитализма, не имеет ничего общего с борьбой за социализм».

Ничего общего с последовательной борьбой за социализм не имеют и представители ультралевого направления, выдвигавшие лозунг немедленного захвата власти, что, по их утверждениям, является началом и концом революции. Они не желают считаться с тем фактом, что революция сопряжена с длительной и упорной борьбой. В ходе этой борьбы необходимо использовать все формы, способствующие вызреванию революционной ситуации. Достижению конечной цели, признает ныне определенная часть «новых левых», может способствовать и борьба за реформы, если только они не носят социал-демократической окраски. «Я считаю, — рассуждает тот же П. Вайли, — что вопрос о проведении реформ на местах может быть поставлен так, чтобы прогрессивно продвигаться к социализму, что существуют возможности для серии столкновений в течение длительного периода времени, которые в конце концов создадут обстановку социального кризиса — необходимого условия для революционного захвата власти. Иными словами, мы должны освободиться от романтического намерения свершить революцию немедленно и положить начало процессу борьбы революционной трансформации как нашей ведущей цели».

Поиск путей революционных преобразований способствует также преодолению анархистских взглядов на

любое государство как бюрократическое установление. Еще в середине 60-х годов подавляющее большинство «новых левых» решительно отвергало саму идею необходимости регулирования общественных и производственных процессов, поскольку это, по их мнению, несовместимо с понятиями демократии и свободы. По сути дела, в движении даже и не возникал вопрос о будущем общественном устройстве — все было подчинено задаче сокрушения существующего общества.

В 1964 году во время выступлений студентов в Беркли руководитель «Движения за свободу слова» Марио Савио, подчеркивая одиозность государственной машины, призывал «навалиться всем телом на рычаги, колеса и приводы, на всю аппаратуру и заставить ее остановиться... продемонстрировать тем, кто владеет этой машиной, и тем, кто ею управляет, что она вовсе не будет функционировать до тех пор, пока все люди не будут свободны». В тот период не только М. Савио, но и все другие руководители «нового левого» были еще весьма далеки от каких бы то ни было поисков форм общественных преобразований и будущего общественного развития. В 1968 году во время забастовки студентов Колумбийского университета один из ее руководителей, председатель отделения СДО в Нью-Йорке Марк Радд, не свободный от элементов левого экстремизма, отмечая, так же как и М. Савио, что американское общество больно, подчеркивал, что этой болезнью является капитализм. «Вы, — писал он в «Нэшнл гардиан», обращаясь к американской буржуазии, — призываете к порядку и уважению властей, мы призываем к справедливости, свободе и социализму». Более того, будущее общественное устройство он рассматривал как «общество, где правительство откликается на нужды всех людей, а не на запросы немногих, чье непомерное богатство обеспечивает им политическую власть». М. Радд подчеркивал далее, что в революционной борьбе за социализм усилия студентов должны быть объединены с усилиями рабочих, которым противостоит тот же самый враг, с борьбой негров за свободу, с борьбой американских мексиканцев за землю, с борьбой вьетнамского народа, с борьбой всех свободолюбивых народов.

На необходимость тесной связи американских молодых радикалов с мировым революционным процессом, на интернационализм революционного движения указы-

вали и другие руководители «новых левых». «Молодежное движение в США, — писал Т. Хейден, — часть международного, захватившего Западную Германию, Италию, Францию и все другие «высокоразвитые страны», связанные с США. Это еще одно подтверждение, что происходящий кризис не что иное, как преддверие гибели мирового капитализма». Переход определенной части американских «новых левых» на интернационалистские позиции свидетельствовал о росте их политической зрелости, о стремлении найти массовую поддержку своей деятельности в лице международного рабочего и национально-освободительного движения.

Общие изменения в политических и идеологических воззрениях «новых левых» затронули и партию «Черная пантера». Некоторые ее руководители призывали развернуть среди членов партии борьбу против узконационалистических воззрений. В частности, Хью Ньютон подчеркивал, что не проповедь ненависти к белому человеку, а проповедь ненависти к угнетателям должна стать одним из основополагающих принципов партии. «Мы не ненавидим белых людей, — писал он, — мы ненавидим угнетателя: если угнетателем оказывается белый, то в этом случае мы ненавидим его».

Подчеркивая националистический характер движения за свободу и равноправие негритянского населения, Х. Ньютон настаивал вместе с тем на необходимости проводить четкую разграничительную линию между революционным и реакционным национализмом. Так называемый культурный национализм, с проповедью которого выступал С. Кармайл, ведет в конечном итоге к политически вредным последствиям. Хотя культурный национализм и является своего рода реакцией на политическое угнетение, он бесперспективен, поскольку представители этого направления отстаивают возврат к старой африканской культуре, надеясь тем самым обрести свободу. «Иными словами, — подчеркивал Х. Ньютон, — они рассчитывают, что африканская культура автоматически принесет с собой политическую свободу. Много раз культурные националисты оказывались в одних рядах с реакционными националистами». Ярким подтверждением этого является диктаторский режим в Гаити, где поощрение африканской культуры сочетается с реакционным национализмом.

Такой подход отнюдь не означал, что руководство

партии предлагало отказаться от культурного наследия негритянского народа. Напротив, изучение этого наследия оно рассматривало как важный элемент в становлении национального самосознания американских негров, который может придать им дополнительные силы на пути прогресса. Но сама по себе культура не может дать освобождения. Освобождения можно добиться только в результате революции, ставящей своей целью передачу всей полноты власти народу. «Поэтому, — делал вывод Х. Ньютон, — чтобы быть революционным националистом, необходимо быть в то же время социалистом».

Ряд руководителей партии пытались рассматривать борьбу за свободу и равноправие американских негров как неотъемлемую часть классовой борьбы. Они предупреждали, что правящие круги, будучи заинтересованными в сохранении всей остроты этнических противоречий, манипулируют расизмом, хотят представить всю борьбу американских негров как расовую борьбу, противостоящую борьбе классовой. «Мы понимаем, — подчеркивалось в газете «Черная пантера», — что классовая борьба является ключом, но мы не должны игнорировать и этнический фактор».

Преодоление национализма, признание первостепенной роли классовой борьбы создавало предпосылки для превращения партии «Черная пантера» в важную составную часть антимонополистической коалиции, для установления связей и сотрудничества с другими революционными и демократическими организациями. О наличии подобной тенденции свидетельствовала созванная партией летом 1969 года в Окленде (штат Калифорния) объединенная конференция, в работе которой приняли участие десятки организаций, в том числе Коммунистическая партия США и СДО. На этой конференции представители партии «Черная пантера» подчеркивали важность научной теории революционной борьбы, заявляли, что их подход к кризисным явлениям американского общества «находится в строгом соответствии с марксистским анализом», всеобщие принципы которого должны быть творчески применены в специфических условиях США.

К сожалению, несмотря на определенные политические и идеологические сдвиги, партия не смогла преодолеть имевшиеся в ее рядах существенные разногла-

сия по вопросу об основных движущих силах революционных преобразований и тактике борьбы.

С одной стороны, руководство партии, анализируя объективные возможности для союза с другими отрядами демократического движения, и в первую очередь с леворадикальным студенчеством, подчеркивало, что наибольшую активность в современной Америке проявляют люди, не являющиеся представителями беднейших слоев. Они «страдают от иной формы угнетения». Это «духовное страдание, столь сильное, что люди, столь же несчастны, как если бы они голодали», — подчеркивалось в газете «Черная пантера». Голод не единственная форма нищеты. Те американцы, которые поняли источник своих духовных страданий, с неизбежностью будут испытывать все усиливающуюся «ненависть к существующей системе, настолько глубокую, что им не останется ничего иного, как разрушить ее».

С другой стороны, признавая классовый характер борьбы за свободу и равноправие негритянского населения, в практической деятельности партия ориентировалась главным образом на беднейшие слои негритянского населения и безработных, которые, по мнению ее руководителей, проявляют наибольший интерес к политической организации. На деле большинство представителей этих слоев интересовали лишь внешние проявления революционности партии. Возмущаясь своим безысходным положением, они искали выход в бесперспективных бунтах.

Исключенные из сферы непосредственного участия в производственных отношениях капитализма современные люмпены лишены возможности направить свой протест против экономических и политических устоев этого общества, выработать подлинно пролетарское революционное сознание, которое могли бы воспринять широкие массы трудящихся в борьбе за свое освобождение. Ориентация на беднейшие слои населения и безработных, стремление отстаивать главным образом их интересы оставляли вне поля зрения партии основные массы негритянского рабочего класса. Такая политика не способствовала достижению единства движения за свободу и равноправие негритянского населения с американским рабочим движением в целом. Люмпенизированный социальный состав партии вел к чрезмерному увлечению экстремистской тактикой, к провозглашению вооружен-

ного восстания единственным методом революционной борьбы. Особенно этим грешила группа, поддерживавшая скрывавшегося в Алжире от преследования американской полиции министра информации партии Элдриджа Кливера, который настоятельно призывал народ «организоваться, взяться за оружие и повести войну за свержение существующей системы». Все другие формы борьбы Э. Кливер считал в лучшем случае тактической уступкой тем или иным обстоятельствам данной ситуации.

Такого рода разногласия по принципиальным вопросам свидетельствовали о громадном разрыве между признанием борьбы за социализм как альтернативы революционного преобразования общества и практической деятельностью, уровнем практической политики партии «Черная пантера». Они не могли не повести в скором времени к усилению увлечения идеями социалистов-утопистов, к острой фракционной борьбе, к антагонизму между отдельными группировками, к ослаблению единства действий с другими отрядами революционного и демократического движения.

КНУТОМ И ПРЯНИКОМ

В ответ на активизацию массового демократического движения правящие круги США перешли к открытым методам его подавления, арестам, полицейской травле, избиениям, физическому уничтожению руководителей и активных членов прогрессивных организаций.

Пока движение носило стихийный характер, не ставило перед собой более или менее определенных политических целей, его запугивала и подавляла открытая реакция. Но когда в нем появились силы, выступающие за свержение капитализма, за уничтожение частной собственности, за передачу всей власти народу, на подавление движения был брошен весь организованный и вооруженный государственный аппарат насилия. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные процессы над руководителями антивоенного и негритянского движения, репрессивные полицейские акции в гетто, убийства в Кенте и Джексоне, стремление к физическому уничтожению партии «Черная пантера». Только за один год, начиная с января 1968 года, было убито 28 членов партии, сотни брошены в тюрьмы. Как отмечалось в за-

явлении компартии штата Иллинойс, в связи с убийством Фреда Хэмптона «все руководители партии прошлого года либо убиты, либо содержатся в тюрьмах, либо находятся в изгнании».

Но одними репрессиями, грубым лобовым антикоммунизмом подавить современное демократическое движение невозможно. Буржуазная идеология и пропаганда ищут новые формы воздействия на умонастроения студенчества и молодой политизирующейся интеллигенции, которые способствовали бы расколу движения и его полной ликвидации. С ними объективно смыкаются различные троцкистские, маоистские и прочие ультралевацкие группировки, которые своей деятельностью наносят существенный ущерб движению, препятствуют достижению его единства. Все они пытаются воспользоваться политическими просчетами как леворадикального студенческого движения, так и движения за свободу и равноправие негритянского населения, паразитируя на массовом народном подъеме. Основная ставка делается на неоднородность «нового левого», на низкий уровень политического сознания многих его участников, на их смутное представление о классах и классовой борьбе, об истории революционного движения, на традиционный американский индивидуализм, на расовые предрассудки, антикоммунистические наслоения.

Но все большее число представителей «нового левого» отвергало антикоммунизм, на своем опыте убеждаясь, что он является главным средством раскола и разобщения сил демократии и прогресса. И тогда громадное число буржуазных социологов, от открытых антикоммунистов до утонченных либералов, включилось в кампанию борьбы против «нового левого» движения, предлагая свои рецепты по возвращению непокорной, бунтующей молодежи в лоно «закона и порядка», в общество, основанное на ценностях «американского образа жизни».

Буржуазные идеологи, государственные и политические деятели пытаются убедить студентов отказаться от «насильственных действий», уверяют в полном понимании их стремления занять достойное место в современном обществе и вместе с тем стараются вбить клин между руководителями и членами «новых левых» организаций.

В меморандуме о «новом левом» движении, подго-

товленном одним из комитетов сената США, содержался ряд рекомендаций, выдержанных в подобном тоне. В нем, в частности, указывалось: «Вероятно, лидеры за некоторыми исключениями неисправимы. Но не следует выбрасывать из поля зрения десятки тысяч невинных, идеалистически настроенных молодых людей, которых лидеры «нового левого» держат в настоящее время в тисках. Наоборот, есть все основания надеяться, что подход с пониманием и симпатией поможет этим тысячам честных молодых людей, считающих себя ныне частью «нового левого движения», преодолеть свою враждебность к обществу и посвятить свой талант не бессмысленной задаче ломки и разрушения, а задаче созидания и совершенствования».

Тех же результатов, но не лестью и заигрыванием, а другими способами, стремятся добиться представители другого направления американской буржуазной социологии, уделяющие большое внимание исследованию бунта молодежи. Для многих из них исходным моментом служит концепция о плюралистичности современного мира, об однотипности индустриального общества. В частности, Збигнев Бжезинский и Самюэл П. Хантингтон развивают идею о том, что «идеологические и политические требования должны быть ограничены», что «индустриализация создает изобилие», которое «подрывает политическую дисциплину и идеологическую ортодоксальность». Такое положение, по их мнению, характерно якобы для Советского Союза, где с успехами индустриализации возникло большое число социальных групп, заполнивших ранее существовавший «вакуум» и оказывающих все возрастающее воздействие на политическую систему. «Впредь функция партии, — пишут они, — будет состоять не в том, чтобы навязывать самой системе новые требования, а в выполнении роли посредника, маклера, подобно той, которую играют правительства и политические партии в западных демократиях».

Получается весьма странная и противоречивая картина. С одной стороны, З. Бжезинский и другие представители «теории конвергенции» стараются создать видимость, что объектом их заботы и размышлений является не попытка сохранения и укрепления капиталистического общества, а будущее всего человечества. С другой стороны, всячески протаскивается идея, что с успехами хозяйственного развития в социалистических странах, и

в первую очередь в Советском Союзе, «подрывается политическая дисциплина и идеологическая ортодоксальность», представляемые ими как сущность социалистического общественного устройства. Подобный трюк потребовался авторам для другой подтасовки, сводящейся к тому, что марксистско-ленинская идеология не выдерживает якобы проверки временем. Следовательно, именно от нее следует в первую очередь отказаться. З. Бжезинский и С. Хантингтон сами вскрывают ложность концепции о плюрализме в идеологии, когда касаются вопроса о носителе марксистско-ленинской идеологии в США, которым является коммунистическая партия. Они прямо заявляют о том, что в 20-е и 30-е годы Компартии США еще можно было дать определенную свободу, поскольку Советский Союз не был тогда «основным соперником Соединенных Штатов», но не в 50-е и 60-е годы, когда соотношение сил между этими странами изменилось.

З. Бжезинский и С. Хантингтон связывают возникновение радикального движения в США с проблемой отчуждения. Однако они не связывают отчуждение с характером процесса труда при капитализме, а рассматривают его исключительно как «следствие быстрых социальных изменений, разрыва традиционных устоев, быстрой индустриализации и урбанизации» и т. п., что, в свою очередь, может привести к отрицанию существующей политической системы. А это, по их словам, было бы равносильно «мечу, занесенному над головой американской демократии», основой для «демагогических нападков на существующую политическую систему». З. Бжезинский и С. Хантингтон пытаются убедить читателя, что в США нет реальных причин для такого рода настроений, поскольку идеология здесь играет лишь минимальную роль в общественных преобразованиях, которые могут быть осуществлены посредством умеренных реформ, соответствующих уровню индустриального развития. Таким образом, если будущее человечества зависит исключительно от уровня индустриального развития, которое, как якобы свидетельствует опыт США, не связано непосредственно с характером форм собственности и политической надстройкой, революции, делают вывод авторы, далеко не обязательны и даже вредны. З. Бжезинский «разработал» даже «теорию», суть которой сводится к тому, что большинство революций терпело

поражения, поскольку они были направлены не в будущее, а на защиту прошлого, отживших свой век классов и социальных групп. Приводя в подтверждение своих рассуждений луддизм, чартизм как «отблески аграрного общества, вступающего в индустриальную эру», а также анархизм, фашизм, хунвэйбинов, он заявляет, что и «некоторыми из последних выступлений руководили люди, которые во все большей степени лишаются какой-либо существенной роли в технократическом обществе», а потому «их реакция отражает сознательное и, что еще более важно, неосознанное понимание того факта, что сами они становятся исторически устаревшими». Подобные спекуляции потребовались З. Бжезинскому для обоснования вывода, что протестующие американские студенты отнюдь не революционеры, а, напротив, контрреволюционеры. Подобных взглядов придерживаются и некоторые другие американские социологи.

Не стоит говорить о том, что приводящиеся Бжезинским в подтверждение своей концепции движения далеко не одинаковы по своим идейным истокам, социальной базе и политической направленности. Следует, однако, отметить его попытки выхолостить социально-политическое содержание современного движения протеста в США. Бжезинский делает намек, что во главе движения стоят представители мелкой буржуазии, экономические основы воспроизводства которой в условиях государственно-монополистического капитализма и научно-технической революции быстро ликвидируются. Но он забывает или старается забыть о том, что выходцы из мелкой буржуазии не просто деклассируются. Многие из них вливаются в ряды передового класса, пополняя ту часть трудящихся, которая занята интеллектуальным трудом, но работает по найму, подвергается непосредственной эксплуатации. Таким образом, налицо объективные предпосылки для их перехода на политические позиции рабочего класса. Более того, будучи наиболее образованной частью того, что Маркс называл «совокупным рабочим», непосредственными творцами современной науки и техники, они не стремятся к уничтожению результатов своего труда, а заинтересованы в наиболее эффективном функционировании современной техники, в такой организации производственного процесса, которая вела бы к преодолению отчуждения. А этого можно добиться только посредством ликвидации автори-

тарно-бюрократического государственного аппарата, частной собственности, посредством участия широчайших масс трудящихся в управлении производственными и общественными процессами.

Не защита старого, отживающего, а усиление борьбы за новое, проистекающее из невиданного обострения и расширения рамок действия противоречия между трудом и капиталом — именно эта тенденция прослеживается в развитии «нового левого» движения в США. В прошлое обращена власть буржуазии, все больше опирающаяся на аппарат насилия.

Проповедь отказа от идеологии, отрицание классовой борьбы, идеологического и политического соревнования двух систем есть не что иное, как проповедь буржуазной идеологии. За всеми рассуждениями о «едином», «индустриальном» или «смешанном» обществе скрывается попытка изолировать трудящихся от влияния марксистско-ленинских идей, отвлечь их от классовой борьбы, извратить существо социализма, по возможности ослабить притягательную силу социалистических идей, успехов мировой социалистической системы.

Неудивительно, что в Соединенных Штатах эти теории повернуты в специфической интерпретации в сторону молодежи, ибо именно молодежь проявляет в последние годы повышенный интерес к социализму, к марксистско-ленинской теории.

Ряд американских авторов, размышляя о проблемах и заботах ближайшего будущего, тешат себя надеждой, что общественно-политическое развитие США в ближайшие 10—20 лет пойдет по такому пути, когда «США снова будут поглощены традиционными экономическими проблемами», когда традиционный дух потребительства похоронит радикальные настроения современного молодого поколения. К числу таких авторов принадлежит, в частности, Питер Ф. Дракер. Следуя положению известного буржуазного исследователя молодежных проблем Сеймура М. Липсета о том, что «у того, кто не является радикалом в двадцать лет, отсутствует сердце, а у того, кто остается радикалом в сорок, отсутствует разум», П.-Ф. Дракер высказывает предположение о неизбежном по достижении определенного возраста исчезновении у человека его прежнего «мятежного» духа и его полном поглощении «вопросами работы, карьеры, доходов и оплаты счетов от врача». Такой

вывод логически следует из посылки П.-Ф. Дракера о том, что, по сути дела, единственной причиной «молодежной революции» в США явился демографический фактор, отмеченный в 1948—1953 годах «бум рождаемости», приведший начиная с середины 60-х годов к преобладанию 17-летних в возрастной структуре страны.

Роль демографического фактора в повышении политической активности молодежи в США, равно как и в ряде других развитых капиталистических стран, несомненна. Но не самого этого фактора как такового, а вызванных им глубоких социальных последствий, связанных в первую очередь с включением огромных масс молодежи в непосредственный процесс производства (в США доля молодежи в возрасте до 24 лет составляет около 25 процентов в общей рабочей силе, а в некоторых основных отраслях промышленности — одну треть). Это создает предпосылки для более раннего классового созревания. Росту неудовлетворенности молодых людей, оказывающихся на рынке рабочей силы, способствует отсутствие защиты со стороны профсоюзов, низкая заработная плата, неспособность капитализма обеспечить им такую профессионально-техническую подготовку, которая соответствовала бы требованиям, предъявляемым к рабочей силе современным уровнем развития научно-технической революции, и могла принести духовное удовлетворение.

Тем не менее наибольшую политическую активность в 60-е годы в США проявила не рабочая, а студенческая молодежь, а ведущую роль в развитии демократического молодежного движения сыграли не 17-летние. 17-летние, причем преимущественно из состоятельных семей, явились массовой базой движения хиппи, которые не имеют ничего общего с так называемой «молодежной революцией».

Как свидетельствуют многочисленные опросы, проведенные, в частности, институтом Гэллага, наибольшую политическую активность проявляют студенты, показывающие лучшие результаты в учебе. При этом степень активности выше у студентов старших курсов и аспирантов. Не случайно и преобладание в демократическом студенческом движении США выходцев из интеллигенции и средних слоев. И не только потому, что они составляют большинство в университетах и колледжах, а в первую очередь по причине глубоких социальных

сдвигов, коснувшихся этих групп населения в результате научно-технической революции.

Студенческий протест отражает тенденцию к превращению основных масс трудящейся интеллигенции в оппозиционную капитализму силу, хотя само нынешнее поколение взрослой американской интеллигенции, связанное капиталистической организацией труда, интересами карьеры, семейными обязанностями, не принимает широкого участия в развернувшемся в США демократическом движении.

Но можно ли на этом основании утверждать, что сегодняшний протестующий студент превращается в 70-е годы в послушного исполнителя воли монополий, озабоченного лишь «решением насущных, чисто потребительских проблем»?

Тот факт, что Америка сталкивается в настоящее время с определенными экономическими и социальными трудностями, только способствует дальнейшему росту антикапиталистического сознания. Даже в благоприятные в целом с точки зрения экономической конъюнктуры 60-е годы в США возникло не только леворадикальное студенческое движение. Не стихли, а, напротив, обострились классовые бои американских трудящихся, число забастовок и принимавших в них участие рабочих выросло с 1965 года по 1970 год почти вдвое. В ходе этих забастовок наряду с требованиями экономического характера трудящиеся все чаще выступают за такие преобразования социального и политического характера, которые гарантировали бы достойный статус рабочего человека. Сочетание экономических и политических требований особенно характерно для движения за свободу и равноправие негритянского населения, которое по своему социальному составу является преимущественно движением рабочего класса. Оно характерно и для ряда ранее существовавших и вновь возникающих профсоюзов работников умственного труда. Достаточно вспомнить боевые стачки американских учителей, состав которых, как отмечает П.-Ф. Дракер, значительно омолодился и перед которыми встает целый ряд серьезных экономических проблем, в частности угроза массовой безработицы. Выступления учителей — один из многочисленных симптомов того, что экономические трудности, с которыми столкнутся нынешние студенты, включившись в процесс производства, не ослабят, а скорее

усилят их антикапиталистические настроения. Приобретенный ими в студенческие годы опыт политических выступлений может только помочь найти более эффективные формы и методы борьбы, ведущие к ликвидации источников социально-политического и экономического гнета.

Многие американские буржуазные социологи и психологи справедливо указывают на то, что подавляющее большинство протестующих студентов незнакомо с проблемами «реальной трудовой жизни», но делают из этого поспешный вывод о неразрешимости противоречий между ними и молодыми рабочими не только в настоящее время, но и тогда, когда те и другие станут взрослыми. Динамика развития современного демократического движения в США позволяет предположить прямо противоположное: протест интеллигенции и рабочего класса против монополистического гнета будет сливаться в единый поток.

Леворадикальное студенческое движение возникло как протест против различных форм отчуждения личности в современном капиталистическом обществе, против выхолащивания творческого характера труда интеллигенции, его тотальной регламентации и обезличивания. Не случайно основная борьба американского студенчества, помимо антивоенных лозунгов, разворачивалась вокруг требований демократизации управления всеми сферами общественной жизни, за участие в решении всех вопросов, непосредственно их касающихся. В этом студенты видят гарантию своих социальных и политических прав сегодня и возможность воздействия на характер и цели своего труда завтра.

С другой стороны, до предела обострившиеся под воздействием научно-технической революции социально-политические противоречия капитализма, дополненные расширением доступа трудящихся к образованию и расширением культурного кругозора, формируют у рабочего новые потребности не только материального, но и духовного характера, позволяют ему острее почувствовать свое отчужденное положение, поражаемое характером процесса труда при капитализме.

Борьба рабочих за преодоление отчуждения может гораздо скорее по сравнению с такой же борьбой интеллигенции приобрести классовый и организованный характер. Своим острием она направлена не на абстракт-

ное раскрепощение личности и предоставление ей полной индивидуальной свободы, а на ограничение прав частной собственности в результате демократизации управления производством и установления рабочего контроля. Такие политические требования, направленные против самого существа капиталистической системы, создают предпосылки для перехода на позиции рабочего класса представителей других слоев населения, в первую очередь трудящейся интеллигенции.

Основываясь на марксистско-ленинском анализе, можно с уверенностью сказать о неизбежности дальнейшего обострения классовых антагонизмов, о развитии революционных процессов, с новой силой развернувшихся в 60-е годы в главной стране капиталистического мира. Их невозможно остановить, сколь бы ни повысилась «производительность труда» полицейских, измеряемая количеством ударов дубинками по головам американцев, все более решительно выступающих против господствующей в стране системы эксплуатации, расизма и социальной несправедливости.

За развитием леворадикального студенческого движения пристально следит и либеральная буржуазия. Буржуазные либералы стремятся проникнуть в студенческие организации, берут на вооружение их отдельные лозунги, не затрагивающие, однако, существа капиталистической системы. Тем самым они хотят войти в доверие к молодым радикалам, чтобы иметь возможность проводить раскольническую деятельность изнутри движения, увести за собой определенную часть студенчества. Главную опасность для капитализма буржуазные либералы видят в выработке движением долгосрочной программы и четко поставленных целей. Поэтому они всячески добиваются разрозненности выступлений, сохранения движения в состоянии аморфности, поскольку в этом случае гораздо проще проповедовать идеи «классового мира», «расового сотрудничества», «ненасильственного протеста». Теоретики либеральной буржуазии заигрывают с протестующей американской молодежью и студенчеством. В этих целях они готовы даже, как делает профессор психиатрического отделения медицинского факультета Йельского университета Кеннет Кенистон в своей книге «Молодые радикалы», вызывать к правящим кругам США с пониманием относиться к молодым радикалам, постараться повернуть их на

путь реформизма в рамках капиталистического общества. Главное — не допустить союза леворадикальной молодежи и студенчества с организованным движением рабочего класса, с коммунистической партией. Для этого К. Кенистон предлагает всячески культивировать среди молодых радикалов интерес к процессу, а не к программе. Он пытается вновь вытащить на свет обветшалую формулу оппортунизма «движение — все, а конечная цель — ничто», чтобы с ее помощью попытаться увести революционное движение в русло реформизма.

На таких же позициях стоит и известный американский ученый и дипломат Джордж Ф. Кеннан, развернувший широкую переписку со студентами, обобщенную в книге «Демократия и левое студенчество». Суть позиции Дж. Кеннана сводится к призыву соблюдать закон и порядок. Этот умный политик предупреждает правящие круги, что главная опасность для США исходит не из «болот и джунглей Юго-Восточной Азии», где гибли молодые люди и расграчивались материальные ресурсы, а «главным образом изнутри». Он заявляет, что бессмысленно рассчитывать на взаимопонимание с этими молодыми людьми, если не признать «наряду с оправданием их несчастья свою собственную ответственность за его возникновение» и не «присоединиться к ним там, где они этого хотят, со стремлением найти лучшие ответы на многие волнующие их вопросы». Делая подобный реверанс в сторону молодежи, Кеннан тут же подсовывает ей идейку о том, что «штурм бастионов общества во имя утопической веры» никогда не вел к уничтожению зла. Большого успеха добивались те, кто «стремился создать какой-то порядок и цивилиность... даже если это было сопряжено с необходимостью терпеть существенное зло в общественной сфере». Подобные рассуждения потребовались Кеннану для того, чтобы подвести читателя к главному: не в марксизме следует искать истину, а в человеческой душе. «Марксисты, — пишет Дж. Кеннан, — ...никогда не хотели признать... что основной причиной зла в современном мире являются не общественные и политические институты... а просто-напросто слабость и несовершенство самой человеческой души...» Иными словами, Кеннан призывает молодых радикалов отказаться от активной борьбы за коренные общественные преобразования и сосредоточить свои усилия на самосовершенствовании, которое вознаградит

их умеренными реформами в рамках «закона и порядка».

Другие теоретики буржуазного либерализма идут еще дальше. Они проповедают бездействие, выдавая его за максимально радикальную позицию, поскольку-де она «основана не только на простом отрицании существующего порядка, но предполагает, что он не заслуживает даже мысли о восстании против него». «Мы не будем удивлены, — пишут Дж. Симмонс и Б. Виноград, — если в течение следующих нескольких лет американский радикализм незаметно получит новое направление — усвоит взгляд, согласно которому деятельность вообще бесплодна, а система в целом прогнила и не поддается спасению... Некоторые назовут такую позицию апатией, но в действительности она является вершиной экстремизма». Расчет Симмонса и Винограда довольно прост: замалчивать значение и роль подлинно демократического движения американской молодежи и студенчества и всячески пропагандировать движение хиппи, поскольку последнее не несет в себе никакой угрозы устоям капиталистического общества.

Как показали письма, поступившие в ответ на публикацию статьи Дж. Кеннана «Повстанцы без программы», студенты, участвовавшие в «новом левом» движении, не приемлют подобные концепции.

Вместе с тем следует признать, что антикоммунистические по своей направленности концепции буржуазных и либеральных социологов все еще воздействуют на большинство американского студенчества, препятствуют их приходу в демократическое движение.

ПОДЛИННОЕ ЛИЦО ЭКСТРЕМИЗМА

Большую помощь в сохранении антикоммунистических настроений, предубеждений против демократического движения оказывают буржуазии всевозможные анархистские, маоистские и троцкистские организации и группировки, выступающие с открытым забралом антикоммунизма и антисоветизма. Так, троцкисты из Альянса социалистической молодежи¹ стремятся очернить международное коммунистическое движение, гро-

¹ Альянс социалистической молодежи — молодежная организация троцкистской Социалистической рабочей партии.

могласно заявляя на всех углах о том, что «любая серьезная революционная перспектива несовместима с программой и политикой коммунистических партий», что только они, троцкисты, являются подлинными революционерами.

На деле за ультрареволюционной трескотней и беспардонным бахвальством скрывается раскольническая, антипролетарская, антиинтернационалистская политика. На словах лидеры Альянса социалистической молодежи заявляют о том, что в мире созрели условия для всемирной социалистической революции, а поэтому развертывание борьбы правомерно только под лозунгами борьбы за свержение капитализма. На практике это оборачивается сдерживанием развития демократического движения. Они выступают против единства действий, отказываются увязывать повседневные требования экономического характера с требованиями политическими. Отказ от борьбы за повседневные требования свидетельствует о том, что троцкисты, подобно буржуазным либералам, верят в способность капитализма удовлетворить справедливые требования народа. А это означает не что иное, как отказ от борьбы за революционные преобразования вообще, за развитие социалистического сознания трудящихся масс.

Троцкисты из Альянса социалистической молодежи смыкаются с американской буржуазией в своей ненависти к миру социализма. Отталкиваясь от «теории перманентной революции» Троцкого, отвергающей возможность победы социализма в одной отдельно взятой стране, они утверждают: то, «что существует в социалистических странах, не является на самом деле социализмом». В мире произошли и происходят глубочайшие социальные сдвиги, возникла мировая система социализма, а современные американские троцкисты все продолжают повторять зады IV Интернационала, в одном из докладов которого, составленном в 1936 году, отмечалось: «Является ли СССР государством рабочих? СССР является государством, основанным на отношениях собственности, созданных Октябрьской революцией, и управляемым рабочей аристократией в интересах новой привилегированной группы. Советский Союз можно назвать государством рабочих приблизительно в том же смысле, в котором можно назвать рабочей организацией профсоюз, преданный и руководимый оппорту-

нистами». Современные троцкисты могут похвастаться лишь еще большей злобой и клеветой на СССР и другие страны социализма. «События в странах советского блока, — пишет некий Хэрри Ринг, — свидетельствуют, что устранение этих режимов (социалистических правительств) рабочими является неперменной предпосылкой для реализации социализма». На практике эти заявления выливались в поддержку венгерских и чехословацких контрреволюционеров, в грубые клеветнические выпады против Советского Союза и других социалистических стран. Вместе с тем троцкисты упорно обходили молчанием роль империализма и международной реакции в контрреволюционной деятельности, направленной против социалистических стран. Даже будучи вынужденными принимать участие в антивоенном движении, американские троцкисты, не умолкая, критиковали вьетнамцев за используемую ими тактику. Они были не согласны с их политикой широкого национального фронта в борьбе против империализма США, с их поддержкой политики мирного сосуществования, с их позицией на четырехсторонних переговорах в Париже и т. п. С подобных позиций выступали они и в национальном движении за прекращение войны во Вьетнаме.

На словах троцкисты из Альянса социалистической молодежи выступали за единый фронт антивоенного движения. На деле, слепо следуя своей концепции «никаких союзов с несоциалистами», они тормозили развитие этого демократического движения. Троцкисты не извлекли никаких уроков из истории второй мировой войны, когда их лозунг «Борьба не против фашизма, а за социализм» был препятствием на пути к единству всех антифашистских сил. Из-за их раскольнической деятельности распался в свое время Национальный координационный комитет за окончание войны во Вьетнаме. Та же участь, по сути дела, постигла Студенческий мобилизационный комитет за окончание войны во Вьетнаме, когда в начале 70-х годов руководство в нем захватили троцкисты, проявляющие чрезвычайно высокую активность в университетских кампусах. Возглавляемый троцкистами Студенческий мобилизационный комитет отказался от совместных действий с движением «вьетнамских мораториев». Троцкисты не только пытались обособить студенчество от общего антивоенного движе-

ния, но и препятствовали объединению сил всей учащейся молодежи в борьбе против войны. Они не пожелали сотрудничать с антивоенно настроенными организациями университетских кампусов, с Национальной студенческой ассоциацией США, с религиозными студенческими группами, со всеми, кто отказался войти в Студенческий мобилизационный комитет.

Существенный вред развитию демократического движения в США нанесла другая раскольническая группировка, стоявшая на маоистских позициях, — так называемая Прогрессивная рабочая партия. Она претендует на роль ведущей марксистско-ленинской партии мира. Всем другим партиям и национально-освободительным движениям, несогласным с ее «линией», она привешивает ярлыки «ревизионистов», «обманщиков», «несерьезных революционеров» и т. п. На деле эта партия — антирабочая, антидемократическая, расистская, сектантская, элитарная группировка, раздираемая внутренней борьбой руководящей группы за власть.

Летом 1970 года появился любопытный документ-доклад одного из создателей и руководителей партии, Билла Эптона, в котором вскрывалась антиреволюционная сущность политики партии и нечистоплотные методы ее деятельности. В этом докладе Б. Эптон, в частности, писал: «...руководство партии не является более марксистско-ленинским, предаёт рабочий класс, приемлет и распространяет буржуазную идеологию и рассматривает борьбу рабочего класса в США в контексте своей собственной политической «власти». Нарушает ли это «демократический централизм»? В нашей партии существует «централизм» без «демократии». Этот централизм сосредоточен преимущественно в лице председателя партии».

Партия состояла главным образом из студентов и бывших студентов, выходцев из слоев отчаявшейся мелкой буржуазии. Такой социальный состав партии и определил мелкобуржуазный характер ее руководства. Попытки партии привлечь на свою сторону американских рабочих через проводимую среди них силами студентов агитационную деятельность закончились полным провалом, и руководство вынуждено было признать, что члены партии оказались «недостаточно хорошими» для установления связей с рабочим классом. Из своего провала руководство партии поспешило сделать вывод о

невозможности вообще добиться союза студенческого и рабочего движения, стало воздвигать препятствия для такого рода деятельности, проводимой СДО и другими организациями. Прогрессивная рабочая партия отказывалась от участия в массовых выступлениях, от организации конкретной борьбы¹. Вся ее политическая работа по «распространению революционных идей» сосредоточена главным образом на распространении своего органа — газеты «Чэллендж» («Вызов») и листовок. Но и в этой области Прогрессивная рабочая партия не сумела добиться успеха и не смогла конкурировать с периодическими изданиями таких организаций, как СДО, «Черная пантера».

Полным провалом завершились и попытки партии проводить работу среди негритянских трудящихся. Немногие негры, первоначально вступившие в партию, очень скоро покинули ее ряды, разочаровавшись в проводимой ее руководством расистской политике, в патерналистском отношении к движению за свободу и равноправие негритянского населения, в попытках ограничить его самостоятельность, поставить во главе его членов партии с белым цветом кожи, не имеющих никакого опыта организации серьезных политических выступлений. Единственным ответом на уход из партии негров и представителей других национальных меньшинств были оскорбления, обвинения в национализме, антипартийной деятельности, стремлении «конкурировать» с партией в работе среди негритянских рабочих и т. п.

Расистский характер Прогрессивной рабочей партии проявился и в исключении из ее рядов негров за малейшую критику в адрес руководства в то время, как отмечал Б. Эптон, не было ни единого случая «исключения из партии за расизм». Наоборот, «редко в «ПЛ»² или «Чэллендж» не содержится хотя бы одной статьи расистского содержания». На критику за публикацию подобных статей можно было, как правило, услышать превосходящий святую наивность ответ: «О, Милт³ про-

¹ В арсенале Прогрессивной рабочей партии были даже такие фразы, как «полиция — это бумажный тигр, и ей не удастся запугать народ». Но неоднократно случалось так, что при столкновении с полицией эти левые фразеры первыми показывали спину «бумажному тигру».

² «ПЛ» — журнал, орган Прогрессивной рабочей партии.

³ Милт Роузен — председатель партии.

чел все статьи, кроме этой». «Глубина и широта расизма в нашей партии, — делал вывод Б. Эптон, — выросла среди членов неспонтанно. Расизм является сознательной политикой, проводимой руководством нашей партии, и поэтому им заражены рядовые члены».

Партия действует как закрытая группировка, важнейшие документы скрываются от ее членов, открытые обсуждения не проводятся, критерием для членства в партии является личная лояльность к ее председателю Милту Роузону. В партии процветает разврат и коррупция. Проанализировав политику и деятельность партии, Билл Эптон вынужден был сделать следующее красноречивое признание: «Как любая другая партия, вырабатывающая революционную линию, мы приняли ряд принципов, которые должны определять нашу работу. Мы выработали принципы относительно негритянского освободительного движения, по вопросам завоевания на свою сторону рабочего класса, освобождения женщин и студенческого движения. Сегодня мы не можем сказать, что добились успеха в какой-либо из этих сфер... До тех пор, пока мы не изучим вновь «марксистско-ленинские» принципы, которые мы перед собой ставим, и не проанализируем все вопросы с этих позиций, мы будем продолжать играть в революцию и оставаться ненужными рабочему классу и студенческому движению».

Раскольническая расистская политика партии, скрываемая за фасадом ультрареволюционной фразеологии, разоблачила себя. В 1969 году фракция партии была исключена из СДО, которую американские маоисты также стремились превратить в свой придаток.

Случалось, что незадачливые агитаторы партии вынуждены были спасаться бегством из негритянских гетто. Участники движения за свободу и равноправие негритянского населения отвергают этих пособников концепции расового превосходства.

Газета «Черная пантера» в связи с попыткой группы членов Прогрессивной рабочей партии устроить митинг на строительстве оздоровительного центра в Бостоне писала: «Они явились в общину, крича о преступлениях, совершенных оздоровительным центром Бромли... мы знаем условия, в которых мы живем, и мы последовательно боремся за избавление от этих условий, мы не нуждаемся в том, чтобы белые расисты из среднего

класса или люди, рядящиеся под рабочих, говорили нам, как быть бедными... Вновь мы были вынуждены показать этим глупцам, что мы едины... и находимся в процессе завоевания права на самоопределение или контроль над нашей общиной... что они нежелательны и не нужны в нашей общине».

Стремление к коренным общественным преобразованиям, зарождающееся у представителей социальных групп населения, не принимавших ранее участия в политической борьбе, зараженных мелкобуржуазной идеологией, зачастую сопровождается ростом анархистских настроений. Не понимая существа и характера классового общества, они чувствуют, что это общество сдерживает личность, лимитирует возможности для ее самовыражения, мобильности и раскрытия творческих способностей. Это чувство во все большей степени становится свойственным выходцам из средних слоев и даже правящих кругов. Однако в отличие от угнетенных масс, подвергающихся непосредственной эксплуатации, они не осознают и не могут осознавать себя не только как класс, но и как социальную группу, имеющую общие интересы в борьбе против общего источника угнетения. Поэтому их протест носит не общественный, а индивидуальный характер.

Они понимают, что источником их индивидуальной неудовлетворенности является существующее в стране общественное устройство, ограничивающее их свободу и возможности для самовыражения. Они хотят освободить индивидуума, но не через создание какой-то новой структуры или основанного на соблюдении строгой дисциплины движения, поскольку опасаются, что организация с общей для всех членов дисциплиной просто-напросто заменит старую структуру, наложит на личность новые ограничения. Таким образом, они ищут свободы для себя, а не для всего общества, завоевание которой невозможно без организованной борьбы за ликвидацию капитализма.

Их протест не выходит за пределы протеста в рамках буржуазного общества. Тем не менее анархистские идеи пользовались и пользуются определенным влиянием среди радикализирующегося американского студенчества.

Анархисты отрицают диктатуру пролетариата, роль партии как революционного авангарда, проповедают

добровольное достижение координации и самодисциплины в обществе, основной ячейкой которого будут группы близких по духу братьев и сестер, где не будет никаких авторитетов, никакого бюрократического аппарата, где все будет построено на «высокой морали и интеллектуальном калибре революционера». Рисуя идеальное общество, анархисты не способны вместе с тем предложить пути борьбы за его завоевание, не могут выдвинуть какой бы то ни было позитивной программы нового общественного устройства. Тем самым они дискредитируют «новое левое» движение, на принадлежность к которому претендуют. В конечном итоге позиции анархистов могут лишь вести к разочарованию политически непоследовательных участников движения и к возвращению их на позиции буржуазного либерализма, выдвигающего реформистскую альтернативу преобразований в рамках капитализма.

Гипертрофированной разновидностью современного анархизма явилось движение так называемых йиппи, громко именующих себя «Молодежной интернациональной партией»¹. Социальной базой этого движения были хиппи. Сам главный «идеолог» йиппи Джерри Рубин называл себя и себе подобных «гибридной смесью нового левого и хиппи».

Д. Рубин и его последователи заявляли: «Американской экономике не нужны ни молодые белые, ни молодые негры. Мы отбросы. Мы выполняем свое предназначение в жизни, отвергая систему, которая отвергает нас». Они объявляли молодежь единственной революционной силой, а «революцию — революционным актом». Поскольку экономика не нуждается в молодежи, последние должны бросать работу, бросать учебу и тут же «вместо разговоров о коммунизме... начинать жить при коммунизме». Никакая теория не нужна, не нужна организация и дисциплина, «революцию делают мифы», «новое общество создают люди, чья жизнь является театром, по мере того как они разрушают старое». Вряд ли стоило говорить о такого рода анархизме, если бы под влиянием «идеологов» йиппи не находились определенные группы протестующей американской молодежи и если бы они не наносили существенный вред разви-

¹ По-английски Youth International Party, откуда по заглавным буквам и происходит Yip — Yippies.

тию демократического движения в США. Принимая участие в действиях протеста, йиппи вносили раскол в ряды их участников. Они мешали приходу в демократические движения многих молодых американцев, которые, будучи объективно готовыми к этому, проявляли колебания, поскольку вся протестующая молодежь ассоциировалась у них с йиппи. Основа для такого рода заблуждения была налицо. Это и копирование многими представителями американской молодежи моды йиппи, и необычайная крикливость последних, их бахвальство своими «заслугами». Американская пропаганда создавала йиппи широкую рекламу, пытаясь тем самым отвлечь протестующую молодежь от политики и привлечь к наркотикам и разврату. Вместе с тем она стремится убедить общественное мнение страны, что все «возмутители спокойствия» одинаковы, что между «новыми левыми» и йиппи нет никаких различий.

Буржуазные пропагандисты и идеологи были заинтересованы в том, чтобы объединить под термином «новое левое» все группы протестующей американской молодежи, какие бы уродливые формы ни принимал этот протест. Тем самым они надеялись доказать аморальность, несерьезность «нового левого» направления в целом, опорочить его в глазах общественного мнения, в глазах мыслящей американской молодежи, еще не влившейся в демократические движения.

КРИЗИС ИЛИ БОЛЕЗНЬ РОСТА?

Конечно, не троцкистские, маоистские и анархистские группировки определяли лицо «нового левого» в США. Они не находили и не находят широкой поддержки среди борцов за свободу и равноправие негритянского населения. Невелико их влияние и в леворадикальном студенческом движении. Тем не менее они нанесли существенный вред поступательному развитию американского «нового левого» движения, достижению единства его рядов, политическому и идеологическому росту его участников.

Отсутствие четких программных установок, критерия для членства, ясных уставных положений, организационная аморфность ведущих организаций «нового левого», и в первую очередь СДО, вели к весьма пест-

рому членству, что не могло не породить острейшей фракционной борьбы. Особенно она усилилась в связи с попытками ведущих руководителей этих организаций разработать революционные программы, базирующиеся на признании классовой борьбы и ведущей революционной роли рабочего класса. Переход от демократических выступлений по частным вопросам, носивших в значительной мере спонтанный характер, к последовательной революционной борьбе за свержение капитализма связан с качественным скачком, который не проходит безболезненно. Многие представители «нового левого» в силу уровня своего политического сознания, индивидуализма, неприятия дисциплины и организации не могут идти дальше требований реформ в рамках капиталистического общества, даже если их выступления проявляются в острых, боевых формах или приобретают ультрареволюционную окраску. Более того, ультрареволюционность присуща, как правило, колеблющимся, непоследовательным элементам, которые видят источник зла в системе, но еще не готовы встать на четкие революционные позиции борьбы за ее замену. Именно здесь проходит демаркационная линия между теми, кто придерживается революционных взглядов, и теми, кто стоит на реформистских, оппортунистических или ультралевых позициях.

Развитие «нового левого» в США подтвердило марксистско-ленинское положение о невозможности вести борьбу против капиталистической системы без организации более дисциплинированной, более сплоченной, чем подлежащая слому буржуазная государственная машина. Без сплоченной партии, идущей в авангарде массовой борьбы, невозможно выработать четкую революционную альтернативу. Неизбежно возникают бесплодные дискуссии, ведущие к расколам и размежеваниям. В частности, СДО захлебнулась в непрекращающихся дискуссиях по всем основным вопросам революционной и демократической борьбы. К их числу относились вопросы о том, кто является ведущей силой революционных преобразований: рабочий класс, негритянский движениe или студенчество; соединять или не соединять антивоенное движение с борьбой против расизма, за повседневные социально-экономические требования трудящихся; просто поддерживать повседневные требования рабочих, чтобы добиться союза с ними, или пытаться

ся увязывать этот союз с борьбой против расизма, за окончание войны и с другими вопросами политического характера; следует ли разворачивать массовую борьбу, стремиться к созданию массовой организации или, наоборот, сосредоточить внимание на разработке небольшой группой интеллектуалов революционной идеологии, которая позднее будет внесена в рабочее и демократическое движение; разворачивать борьбу на основе организаций или в форме движения; бороться только за уничтожение буржуазного государства или за замену его государством революционных рабочих и их союзников; добиваться свободы индивидуума или политической свободы для всего народа; уделять основное внимание политическому просвещению участников движения или выступлениям на улицах.

Не прекращались дискуссии по вопросам тактики борьбы. Фракционная деятельность вела к тому, что зачастую отдельные группировки в СДО в зависимости от своих политических убеждений отказывались принимать участие в мероприятиях, проводившихся по решению руководящих органов организации. Так во время демонстраций в Чикаго по случаю съезда Демократической партии в августе 1968 года фракция Прогрессивной рабочей партии в СДО заняла позицию посторонних наблюдателей, заявив, что она «слишком чиста с политической точки зрения для участия в борьбе». Она не только не приняла участия в подготовке и проведении демонстрации, но и пыталась сорвать ее, распространяя листовки, направленные против выступлений. Даже после событий в Чикаго члены этой партии пытались дискредитировать их участников.

К членам Прогрессивной рабочей партии применимы гневные слова В. И. Ленина в адрес российских оппортунистов, заявлявших после революции 1905 года о том, что не нужно было братья за оружие. В. И. Ленин подчеркивал, что революционер должен поднимать народ на политическую борьбу, используя для этого все возможности, и в первую очередь все массовые столкновения между передовыми элементами и автократией. Отношение же к лозунгам как к чему-то неизменному неизбежно ведет к революционной фразеологии.

Американские маоисты, оторванные от массового движения, погрязшие в косности и фразеологии, не по-

желали считаться с этими истинами марксизма-ленинизма. Они мешали осуществлению таких начинаний СДО, как достижение союза студенческого и рабочего движения, объявляя руководящей силой этого союза учащуюся молодежь. В их интерпретации лозунг «Союз студентов и рабочих» не способствовал, таким образом, развитию и консолидации революционного и демократического движения, а скорее служил для механической подмены классовой борьбы именно в тот период, когда на ее позиции начала переходить передовая часть леворадикального американского студенчества.

Фракционная деятельность левых оппортунистов привела к расколу СДО. Несомненно, размежевание ослабило силу организуемых СДО конкретных выступлений. Но вместе с тем оно показало рост зрелости значительной части членов организации, которые все более решительно отвергали организационную аморфность и идеологическую всеядность, начинали искать пути революционного преобразования общества в теории научного социализма.

Раскол в СДО и некоторый спад размаха антивоенных и других политических выступлений студенчества после майских событий 1970 года ряд обозревателей поспешили истолковать как свертывание движения за окончание войны и ослабление и исчезновение «нового левого» вообще. Они заявляли также о том, что программа «вьетнамизации», усиленно рекламируемая буржуазной пропагандой, якобы «выпустила пар» из движения за прекращение агрессии. Предположения эти оказались построенными на песке. С началом нового учебного года вновь наблюдалось нарастание студенческих выступлений против войны, за свободу и равноправие негритянского населения, против реакции, за свои политические и экономические права. Значительные группы студенческой молодежи активно включились в возникшее в ходе майских выступлений 1970 года «Движение за новый конгресс», развернувшее агитационно-пропагандистскую деятельность в поддержку кандидатов, выступавших с антивоенных и демократических позиций. Различные студенческие организации, в том числе и Национальная студенческая ассоциация Соединенных Штатов (НСА), в которой после разоблачения и разрыва связей с ЦРУ все более видную роль

начинают играть демократически настроенные элементы, развернули кампанию за установление точной даты полного вывода американских войск из Юго-Восточной Азии без каких-либо условий, а также за ратификацию «мирного договора, заключенного непосредственно между народами». Текст этого договора был выработан во время визита делегации НСА в Ханой, где американские студенты встретились с представителями Национального союза студентов ДРВ и Союза студентов за освобождение Южного Вьетнама.

В тексте договора подчеркивалось, что американский и вьетнамский народы не являются врагами. Война ведется от имени, но без согласия американцев. Она лишает Америку ее ресурсов, молодости, чести. Отвергая войну, молодые американцы отвергали также все формы дискриминации по цвету кожи, сословию, полу, национальному происхождению и этнической принадлежности, лежавших в основе военной политики Соединенных Штатов.

Делегация НСА посетила Ханой в декабре 1970 года, а уже 5—7 февраля 1971 года в Анн-Арбор (Мичиган) состоялась Национальная конференция молодежи и студентов в поддержку «мирного договора»... 2500 участников конференции, представлявшие около 500 высших учебных заведений, приняли решение развернуть кампанию по ратификации договора в форме сбора подписей под его текстом и дали клятву «предпринять все возможные действия для претворения в жизнь условий этого совместного договора и для того, чтобы заставить правительство Соединенных Штатов принять его». Здесь же было решено провести массовые демонстрации в Нью-Йорке начиная с 1 мая 1971 года.

Студенты сдержали свое слово, приняв самое активное участие в апрельско-майских антивоенных выступлениях 1971 года, которые развернулись в связи с вторжением американских войск в Лаос и начало которым было положено демонстрациями ветеранов войны в Вашингтоне. 27 апреля после выступлений ветеранов молодежь устроила настоящую осаду Капитолия и Пентагона. 4 мая они провели день кампании массового неповиновения, проходившей под лозунгом: «Если правительство не хочет остановить преступную войну, мы должны остановить правительство». Моло-

дежь пикетировала конгресс, Белый дом, правительственные учреждения, блокировала мосты и главные магистрали Вашингтона, на целый день практически остановила деловую жизнь города. Против манифестантов было брошено 18 тысяч солдат и полицейских, вооруженных автоматами. Их доставляли в центр города военными вертолетами. В тот же день во многих университетах и колледжах были проведены митинги, забастовки и бойкот занятий в память погибших год назад четырех студентов Кентского университета.

Только в Вашингтоне было арестовано 13 тысяч человек, 90 процентов из них — юноши и девушки моложе 25 лет. Тюрьмы и полицейские участки оказались переполненными. Стадион имени Кеннеди и Форт-Белвор были превращены в настоящие концентрационные лагеря. Но репрессии не сломили борцов за справедливость, а, напротив, способствовали дальнейшему развитию демократического движения в США.

Апрельско-майские антивоенные выступления наглядно показали, что «новое левое» движение не умерло, не исчезло бесследно. Студенческие выступления за мир и демократию, инициатором и организатором многих из которых была СДО, способствовали прозрению и включению в активную борьбу других групп американской молодежи и населения, в первую очередь военнослужащих и ветеранов войны. Именно бывшие фронтовики стали 24 апреля 1971 года авангардом полумиллионной антивоенной манифестации в Вашингтоне. Можно без преувеличения сказать, что студенты и негритянская молодежь своими антивоенными действиями на протяжении ряда лет повлияли на ветеранов, а последние, в свою очередь, пробудили к действиям другие слои американцев, стоявших ранее в стороне от политических выступлений.

В апрельские и майские дни в колоннах демонстрантов было больше рабочих, служащих, представителей интеллигенции, национальных меньшинств, для которых борьба против войны слилась с борьбой за разрешение жгучих социальных проблем и привела их в одни ряды с белыми американцами. В колоннах демонстрантов оказалось на этот раз значительное число представителей старших возрастных групп. Однако подавляющее большинство, в том числе среди бывших фронтовиков и рабочих, составляли молодые люди. Это дало осно-

вания обозревателю столичной газеты «Стар» заявить, что «молодежь в казармах, в студенческих городках и на заводах связана сегодня узами, которые правительству не порвать».

Это новое явление в развитии демократического движения в США свидетельствовало о том, что «новое левое» возникло не случайно, что поставленные им проблемы касаются большинства американцев.

Расширение социальной базы демократического движения сопровождалось поисками путей достижения единства действия его различных отрядов.

В конце июня 1971 года в городе Милуоки (штат Висконсин) состоялась национальная конференция «Народной коалиции в защиту мира и справедливости», объединяющей свыше ста прогрессивных общественных организаций и групп США. Наряду с ранее существовавшими антивоенными и студенческими организациями «нового левого» направления в ее работе приняли участие представители компартии, Союза молодых рабочих за освобождение, ветеранов войны, профсоюза автомобилестроителей, женских организаций, юристов, священников. На конференции были обсуждены вопросы дальнейшего развития массового движения американцев за окончание войны США в Юго-Восточной Азии, запланировано проведение летом и осенью 1971 года антивоенных демонстраций и митингов протеста во многих городах США, а также «похода за жизнь», который предполагалось начать 6 ноября 1971 года и закончить кампанией массового неповиновения. Как и в мае 1971 года, эту кампанию было решено провести под лозунгом «Если правительство не хочет остановить войну, мы должны остановить правительство». На конференции говорилось о необходимости привлечения в антивоенное движение большего числа рабочих и членов профсоюзов, о сочетании борьбы за прекращение войны с борьбой за сохранение демократии, за социальные и экономические требования трудящихся. Большое место в деятельности коалиции занимает поддержка борьбы за свободу и равноправие негритянского населения. Коалиция тесно сотрудничает с «Конференцией христианского руководства на Юге», с организацией «Ветераны против войны во Вьетнаме», с «Движением в защиту благосостояния народа», с некоторыми профсоюзами и другими общественными ор-

ганизациями. В деятельности коалиции принимает участие ряд организаций студентов, продолжающих проявлять политическую активность.

14—16 октября 1971 года в Вашингтоне по инициативе Национальной студенческой ассоциации была созвана Международная студенческая конференция в поддержку борьбы народов Индокитая против агрессии Соединенных Штатов. Впервые организованное НСА мероприятие было поддержано боевым авангардом студенчества мира — Международным союзом студентов (МСС), раскола которого на протяжении многих лет безуспешно добивалось направляемое ЦРУ бывшее реакционное руководство ассоциации. «Мы признаем Временное революционное правительство Южного Вьетнама, — отмечалось в призыве конференции, — как единственного законного представителя южновьетнамского народа и всей душой поддерживаем его предложения из семи пунктов о мирном урегулировании». Участники конференции заявили о своей поддержке борьбы американского народа против войны на уничтожение, которая велась от их имени, но к которой они не имели никакого отношения, о чем красноречиво свидетельствовали непрекращавшиеся антивоенные демонстрации. Они призвали всех студентов принять участие в этой борьбе, найти пути для преодоления раскола в движении, который активно используется в своих интересах силами империализма. Конференция поручила членам американской делегации развернуть широкую кампанию по разъяснению варварской политики сайгонского режима и правящих кругов США; всеми средствами добиваться принятия президентом Никсоном справедливых требований вьетнамского народа. В целях дальнейшего сплочения антиимпериалистических сил было решено обратиться к студентам США и всего мира провести 11—19 марта 1972 года «Неделю международной солидарности с вьетнамским народом». Конференция поддержала также призыв «Народной коалиции в защиту мира и справедливости» о проведении 6 ноября 1971 года кампании массового неповиновения. Тысячи студентов приняли участие в состоявшихся в этот день во многих городах США демонстрациях и маршах. В Нью-Йорке число участников марша превысило 20 тысяч человек. Они протестовали против войны во Вьетнаме, замораживания заработной платы, расиз-

ма, против политических убийств в американских тюрьмах, против ядерных испытаний на острове Амчитка, за освобождение Анджелы Дэвис.

Еще более широкий размах приняли студенческие выступления в апреле 1972 года после возобновления бомбардировок и минирования портов Демократической Республики Вьетнам. На чрезвычайном совещании представителей 50 университетов и 516 колледжей страны, состоявшемся 17 апреля 1972 года, было принято решение о проведении общенациональной студенческой забастовки протеста. Забастовка началась 22 апреля. Забастовавшие студенты не просто прекратили занятия. Мощные манифестации состоялись не только в университетских кампусах и на улицах городов США, но и на военных полигонах, около военно-воздушных и морских баз, где испытывается новое оружие и откуда направлялись американские войска в Юго-Восточную Азию. В одном Нью-Йорке в антивоенных демонстрациях 23 апреля участвовало свыше 60 тысяч человек. В ряде мест между студентами и войсками произошли кровавые столкновения. Забастовкой оказалось охвачено большинство высших учебных заведений США.

Но иногда в ходе подготовки манифестаций различные группировки, раздираемые противоречиями, не могли договориться о единых выступлениях. В ряде мест в этот день состоялись две и даже три отдельные демонстрации.

Неспособность существующих группировок прийти к единству дискредитирует их в глазах радикально настроенных студентов. Психологически подготовленные к участию в политических действиях, они не желают выступать под лозунгами этих группировок, ищут новые формы объединения и объекты борьбы, вокруг которых могли бы сплотиться широкие массы молодежи, как студенческой, так и рабочей.

Одним из таких объектов после прекращения агрессии американского империализма против героического вьетнамского народа стала борьба за амнистию молодым американцам, отказавшимся служить в армии. О широте этого движения можно судить хотя бы по тому, что только в самих США проживало, скрываясь от властей, свыше 80 тысяч бывших военнослужащих, дезертировавших из армии; свыше 100 тысяч молодых

людей, не пожелавших быть призванными в вооруженные силы, нашли убежище за границей.

С окончанием войны во Вьетнаме политическая активность леворадикальной молодежи не исчезла бесследно. Она приобретает новые формы выражения. В частности, прогрессивно настроенные студенты стали уделять несравненно большее внимание расширению своего политического кругозора, изучению опыта революционной борьбы, марксистско-ленинской теории.

С полным основанием американские коммунисты отметили в своей новой программе, принятой XIX съездом, тот факт, что «за последнее десятилетие небывало вырос интерес к марксизму». По всей стране в университетах и колледжах действуют кружки и группы по изучению работ классиков марксизма-ленинизма.

Спад массовых политических выступлений, связанный с окончанием войны во Вьетнаме и переходом леворадикального молодежного и студенческого движения на новый этап своего развития, многие либералы, в том числе и из социал-демократической партии, поспешили истолковать на свой манер. Один из лидеров этой партии, известный своими правооппортунистическими взглядами, Ирвинг Хоу, пытается убедить молодежь в том, что «либеральный мир является единственно возможной базой для деятельности левых сил». Он призывает отказаться от поисков революционной идеологии, вообще не обращать на нее никакого внимания, а вернуться к спокойной борьбе за гражданские права и за мир в той форме, в какой она существовала до появления «нового левого» движения.

Напрасные увещевания. Радикальное движение молодежи не исчезло. Оно только начинает, по выражению известного профсоюзного деятеля и руководителя антивоенного движения С. Линса, выходить из детского возраста. Об этом свидетельствует, например, рост неудовлетворенности и усиление волнений среди рабочей молодежи. Их не устраивают существующие условия труда. Они не боятся потерять работу, резко протестуют против однообразия трудовых операций на поточных линиях, не считаются с правилами работы, заводским распорядком и авторитетом начальства, отвергают традиционные стандарты американского общества. Не случайно за молодыми рабочими укрепилась кличка «рабочих, создающих проблемы».

Молодые рабочие резко протестуют против социальных условий труда, против соглашательской политики профсоюзных лидеров. Они являются инициаторами участвовавших «диких» забастовок, не разрешенных профсоюзами, добиваются представительства молодых рабочих в профсоюзном руководстве, участия в контроле над производством, проводят работу в жилых районах вокруг вопросов о налогах, благоустройстве, квартплаты. Сочетание борьбы на предприятиях и в жилых районах делает выступления молодых рабочих более политически заостренными, выходящими за рамки чисто экономических требований, поскольку они направлены не против отдельных предпринимателей, а против государственных институтов и учреждений.

Именно с этой частью трудящейся молодежи стремятся в первую очередь установить связи леворадикальные студенты. Об этом стремлении свидетельствовало, в частности, создание в феврале 1971 года Рабоче-университетского союза. В работе учредительной конференции приняли участие профессора, студенты, члены профсоюзов, в том числе руководители семи национальных профсоюзных объединений. Конференция обратилась с призывом к прогрессивным элементам в университетах и в рабочем движении «развернуть совместную работу для достижения общих социальных и политических целей», главным образом окончания войны в Юго-Восточной Азии и перевода экономики с военных рельсов на удовлетворение человеческих потребностей в области жилищного строительства, здравоохранения, образования и окружающей среды.

Многие радикально настроенные студенты после окончания учебы поступают простыми рабочими на промышленные предприятия, переносят туда свой опыт организаторской и политической работы. На заводах и фабриках действуют сотни созданных ими политических групп социалистической ориентации.

В самих университетах ширится движение к объединению профессорско-преподавательского состава в профессиональные союзы, зачастую совместно с рабочими и техническим персоналом, в комитеты политических действий.

Наблюдается дальнейшая радикализация как студенческих масс, так и части профессорско-преподавательского состава. Парадокс, однако, состоит в том, что эта ра-

дикализация происходит в условиях отсутствия в университетах какой бы то ни было влиятельной организованной политической силы, которая могла бы объединить радикалов, направить их потенциальную энергию на конкретные массовые действия.

Многие бывшие активисты «новых левых» организаций понимают этот парадокс и все чаще высказывают мысль о необходимости создания общенациональной организации, деятельность которой не замыкалась бы на внутренних идеологических дискуссиях, а была направлена на развитие массового движения вокруг кризисных проблем, которые чувствует все большее число американцев, но, к сожалению, еще не понимают их существа. Эта организация должна отказаться от пренебрежительного отношения к повседневным требованиям трудящихся. Ею должны руководить не ораторы, считающие только самих себя подлинными революционерами, но заботящиеся, главным образом, о внутреннем самосовершенствовании, а люди, способные дойти до масс, убедить их в необходимости ломки структуры капиталистического общества. «Отсутствие национальной организации, — пишет один из теоретиков «нового левого», Майкл Лернер, — перед которой лидеры чувствовали бы политическую ответственность, усилило разрыв между ними и предполагаемой массовой базой». Один из путей преодоления трудностей, существующих в движении, М. Лернер видит в соединении «жизнеспособности, творческого духа и оригинальности нового левого с элементами дисциплины, организации и ориентацией на широкие социальные проблемы, присущими старому левому».

Осенью 1971 года бывшие активные участники «нового левого» движения предприняли попытку создания такой массовой общенациональной организации, которую решено было назвать Новым американским движением (НАМ). Создатели НАМ поставили перед собой цель не допускать в деятельности новой организации ошибок, присущих «новому левому»: анархистское отрицание руководства, чрезмерные надежды на развитие национально-освободительной борьбы для осуществления революционных преобразований в развитых капиталистических странах. Но, несмотря на такие заявления, инициаторы создания новой организации не сумели не только преодолеть былые ошибки, но и сделали

шаг назад по сравнению с программными разработками СДО. Предложенная ими программа, рассчитанная на то, чтобы не оттолкнуть ориентирующихся на реформы политиков, оказалась куцей и сводилась в основном к трем пунктам:

1. Борьба за улучшение условий и безопасности труда и улучшение системы здравоохранения рабочих.

2. Борьба против правительственной экономической политики, за развитие экономики в интересах народа, за народный контроль над экономикой.

3. Борьба против империализма.

В программу не были включены никакие специфические требования, вокруг которых левые группировки могли бы развернуть работу на местах. Тем самым НАМ с самого начала самоизолировалось, поставило препятствия на пути его превращения в массовую организацию. Молчанием был обойден вопрос о системе связи между местными группами и их деятельностью и «национальным руководством и национальными программами».

Новое американское движение умерло, так и не родившись. Инициаторы его создания решили заняться более тщательной подготовкой условий для существования в будущем общенациональной массовой организации, создавая в этих целях группы социалистической ориентации на местах (на предприятиях, в жилых кварталах, в профсоюзах, в университетских кампусах, в женских организациях и т. п.), дать возможность их членам приобрести собственный политический опыт вокруг частных и местных проблем. Было решено также периодически проводить встречи руководителей этих групп, где они могли бы обмениваться опытом и продолжать разработку политической платформы, на которой в будущем могла бы быть создана общенациональная организация.

Не соединенные с партией рабочего класса, базирующейся на принципах марксизма-ленинизма, имеющей программу революционных преобразований, подобные усилия не дают ощутимых результатов.

Некоторые руководители современного леворадикального движения сами косвенно признают это, подчеркивая первостепенную роль субъективного фактора в борьбе за осуществление революционных преобразо-

ваний. Таким субъективным фактором является революционная марксистско-ленинская партия. «Развитие базирующейся на марксизме революционной партии, — писал редактор леворадикальной газеты «Гардиан» Карл Дэвидсон, — необходимое субъективное условие для революции, способствующее и усиливающее обострение объективных условий, должно рассматриваться как первоочередная задача американских революционеров в этом десятилетии».

ТРЕЗВАЯ ОЦЕНКА

Коммунистическая партия США, в ряды которой встают самые мужественные представители современного молодого поколения, внимательно следит за сложными идейно-политическими процессами, имеющими место в рядах американского «нового левого» движения. Молодые коммунисты активно работают в различных организациях леворадикальной молодежи и студенчества США, доказывая искреннее стремление компартии к положительному сотрудничеству с ними, а не попытки разложить их изнутри, как заявляют буржуазные и левосектантские пропагандисты. Вместе с тем партия не скрывает, что ее члены, находясь в рядах широких демократических организаций молодежи, всячески стремятся повысить их боевой дух, ведут в них пропаганду идей научного социализма. Уже XVIII съезд Компартии США поставил задачу «способствовать всеми средствами созданию молодежных групп с социалистической ориентацией, не нарушая, естественно, их самостоятельности». Сразу же после съезда там, где для этого имелись благоприятные возможности, коммунисты начали создавать местные марксистские молодежные кружки, марксистские дискуссионные клубы и подобные им группы в высших учебных заведениях.

Накануне своего XIX съезда, состоявшегося в мае 1969 года, компартия глубоко проанализировала сложившееся в леворадикальном движении положение, отметив его сильные и слабые стороны. В документе о политике партии по вопросам молодежного движения отмечалось, что социалистической молодежной организации не удалось добиться существенных успехов, несмотря на чрезвычайно высокую степень радикализа-

ции молодежи. Вместе с тем общая радикализация способствовала росту интереса рабочей молодежи к левым идеям. Активизация участия молодежи в деятельности профсоюзов способствовала в ряде случаев повышению их боевого духа, что является одним из условий развития в рабочем движении настроений политического радикализма. С другой стороны, около 25 процентов молодых рабочих в той или иной форме поддерживали расиста Дж. Уоллеса во время избирательной кампании 1968 года. И хотя эта поддержка в значительной степени объяснялась интересом к выдвинутой Дж. Уоллесом демагогической программе социальных преобразований, она свидетельствовала вместе с тем о расистских настроениях, присущих значительной части белой молодежи. Поддержка рабочей молодежью Дж. Уоллеса наглядно продемонстрировала левым силам необходимость поисков новых подходов к ней, хотя непоследовательные элементы среди «новых левых» увидели в этом только новое подтверждение своего негативного отношения к рабочему классу как к безнадежной для осуществления радикальных общественных преобразований массе.

Компартия отметила существенные сдвиги, имевшие место в движении за свободу и равноправие негритянского народа, рост национального самосознания и расовой гордости среди негритянской молодежи, усиление стремления к единству с другими частями революционного и демократического движения на основе полного равенства и организационной самостоятельности негритянского движения. Усиливается борьба молодых негритянских рабочих за равноправное представительство в профсоюзах, против дискриминации при приеме на работу и проявлений расизма в цехах. Компартия отметила более высокое понимание среди рабочей негритянской молодежи по сравнению со студентами необходимости единства белых и черных, что является отражением классового характера борьбы на промышленных предприятиях. Вместе с тем партия откровенно указывает на непоследовательность, элементы национализма и экстремизма, проявившиеся, в частности, в последнее время в руководстве партии «Черная пантера».

Большое внимание в анализе компартии было уделено студенческому движению, в котором насчитывают-

ся сотни тысяч активных, по-боевому настроенных участников, полностью изменивших политический климат в высших учебных заведениях и в органах студенческого самоуправления, стоявших в недалеком прошлом на правых позициях.

Компартия признала, что она не располагала достаточными возможностями для идеологического и организационного влияния на «новых левых». Тем не менее студенческая молодежь отбросила подогреваемые официальной пропагандой мифы об агрессивности коммунизма.

Отмечая существенные политические и идеологические сдвиги в «новом левом», особенно признание его определенной частью ведущей революционно-преобразующей роли рабочего класса, американские коммунисты не закрывают глаза на присущую многим его участникам путаницу по основным вопросам, непоследовательность, проявления бесплодного экстремизма и ультрареволюционной фразеологии. Как отмечало международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 года, они распространяют в рядах молодежи идеи научного социализма, «разъясняют опасность разного рода псевдоревolutionных идей, которые могут повлиять на молодежь, стремятся помочь ей найти правильный путь в борьбе против империализма», разъясняют, что «только тесная связь с рабочим движением и его коммунистическим авангардом может открыть перед молодежью действительно революционную перспективу». Американские коммунисты стремятся уделять первостепенное внимание теоретическим вопросам революционной борьбы, которые стоят в центре внимания леворадикальной молодежи и студенчества на нынешнем этапе развития движения. Они прямо говорят об основных теоретических ошибках «новых левых». К числу таких ошибок, проявившихся на разных этапах движения и в разной степени, относятся следующие:

1. Принижение или недооценка ведущей революционно-преобразующей роли рабочего класса, и в первую очередь промышленных рабочих, в современном мире; преувеличение революционных возможностей крестьянского (в странах «третьего мира») и студенческого движения.

2. Разрыв, а в ряде случаев и прямое противопо-

ставление друг другу трех основных революционных потоков современности.

3. Непонимание противоречия между социализмом и капитализмом как основного противоречия современного мира.

4. Представление в качестве основного внутреннего противоречия в США противоречия между теми, кто принимает буржуазные ценности существующей системы, и теми, кто их отвергает, а не классового конфликта между рабочим классом и буржуазией, иными словами, не противоречия между трудом и капиталом.

5. Нечеткое понимание эксплуатации трудящихся масс как существа классового угнетения в Америке.

6. Путаница в вопросах будущего общественного устройства, когда вопрос о завоевании рабочим классом государственной власти затуманивается лишенными классового содержания концепциями «контроль в местных общинах» и «децентрализованная демократия».

7. Отсутствие последовательной борьбы за достижение классового единства черных и белых как важнейшего элемента революционной стратегии.

Таким образом, можно скорее говорить о приближении определенных секций «нового левого» движения к марксизму-ленинизму, нежели об их полном переходе на позиции этого единственно подлинного революционного учения. Этому процессу мешал целый ряд причин субъективного и объективного характера, порождавших, особенно в СДО, многочисленные политические, идеологические и организационные слабости.

Сказывалось стремление руководства рассматривать СДО как организацию, предназначенную прежде всего для объединения всех студентов левой ориентации. По этой причине СДО постоянно походило на движение с довольно текучим составом участников, а не на организацию.

На протяжении длительного времени в СДО даже не предпринимались попытки хотя в какой-то мере ограничить фракционную деятельность.

Использувавшаяся СДО тактика борьбы не была последовательной, что находило в первую очередь выражение в противоречивом, а иногда и взаимно исключающем толковании «прямых действий», конфронтации, лозунга «власть студентам» и т. п.

Неспособность многих «новых левых» перейти на последовательные позиции борьбы в интересах рабочего класса связана с трудностями полного разрыва с идеологией средних слоев. Многие оказываются не в состоянии совершить данный скачок.

Анализируя развитие молодежного движения, американские коммунисты исходили из факта возникновения как в «новом левом», так и в организациях борцов за свободу и равноправие негритянского населения течений, приближающихся к марксизму. В этих условиях не всегда может оправдать себя тактика временных уступок «новому левому» и националистическим группировкам ради достижения определенной степени единства демократических сил при проведении отдельных конкретных политических акций. Особое значение приобретает борьба за чистоту марксизма. Компартия стремится к тому, чтобы руководством к действию включаемой в революционную борьбу молодежи были не второстепенные побудительные мотивы, а ясные марксистско-ленинские идеологические установки.

Анализ развития молодежного движения был закреплён в документах XIX съезда КП США. «Бунт молодежи, — подчеркивается в новой программе Коммунистической партии США, — ставит под сомнение лозунги и успех капиталистического общества. Молодежь требует практической реализации принципов демократии, свободы, равенства, мира и высокой морали». На съезде отмечалось, что «ударная бригада революционного перехода, молодежь, по-прежнему задает тон»; что в борьбу, помимо студентов, все более активно включаются молодые военнослужащие, «которые бросают вызов режиму абсолютизма и военщины, поднимают знамя мира и равенства, разоблачают агрессивный характер войны», что «молодые рабочие, большое число которых впервые приходит в промышленность, становятся ударными бригадами рабочего класса». «Они, — говорил товарищ Г. Холл, — воодушевляют своим примером массовые движения. Молодые рабочие добиваются оживления профсоюзного движения. Именно эти молодые рабочие — многие из них сами недавно студенты — составляют связующее звено между студентами и рабочим классом».

Съезд призвал американских коммунистов исходить в работе с молодежью из твердых классовых позиций,

подчеркнул неразрывную связь их борьбы с борьбой классов и социальных групп, частью которых они являются, что не исключает, однако, их значения как специфической социальной группы, способной вступать в широкие коалиции для борьбы против общего для всех трудящихся экономического, политического и социального гнета. «Молодежи, — говорится в новой программе Коммунистической партии США, — присуща любовь к жизни, инициативность, отвага и идеализм. Чтобы быть эффективным инструментом в деле осуществления общественных преобразований, эти качества должны использоваться не слепо, а с пониманием противоборствующих сил. То, в чем капиталистическое общество отказывает молодежи, может быть отвоевано только в борьбе против монополистического господства в союзе с рабочим классом».

Съезд отметил появление в США благоприятных условий для широкого распространения марксистско-ленинской идеологии среди молодежи и ее активного участия во всех прогрессивных и демократических движениях. Однако росту интереса молодежи к марксизму противостоит сильное влияние мелкобуржуазной идеологии. «Радикализации, — указывалось в резолюциях съезда, — в большей степени подверглась молодежь не основных отраслей промышленности, что сделало движение, в первую очередь студенческое, особенно восприимчивым к мелкобуржуазному влиянию». Именно в силу этого в стране не оказалось ни одной «новой левой» группировки, которая целиком могла бы перейти в ближайшем будущем на позиции марксизма-ленинизма.

В этой связи более результативной оказалась тактика привлечения на позиции марксизма-ленинизма молодых людей, участвующих в антиимпериалистической борьбе, посредством искреннего сотрудничества и проведения идеологических дискуссий с ними. Такая тактика способствовала кристаллизации сильного марксистского течения внутри ряда «новых левых» организаций, вносила большую ясность в их политические программы и способствовала появлению базы для создания независимой марксистской молодежной организации. Тем не менее предпринятые после XVIII съезда Компартии США усилия по строительству социалистической молодежной организации, способной охватить всю моло-

дежь, проявляющую интерес к социализму, натолкнулись на серьезные трудности. В этой связи XIX съезд пришел к выводу о необходимости создания более четко очерченной марксистско-ленинской молодежной организации, «которая стремится объединить молодежь, руководствующуюся марксизмом и которая разворачивает сознательную борьбу за единство левых сил и за более широкое единство в борьбе против монополистического капитала». В соответствующих документах съезда указывалось, что такая организация должна в первую очередь опираться на молодежь рабочего класса, добиваться единства негров и белых в борьбе против расизма, направить свои усилия на достижение единства демократических сил молодежи, исходить из принципов классовой борьбы и борьбы за достижение социализма путем перехода государственной власти в руки рабочего класса. Это должна быть марксистско-ленинская молодежная организация, связанная прочными братскими узами с коммунистической партией, организацией, через которую осуществляется руководящая роль партии среди молодежи. Такая молодежная организация сможет работать наиболее эффективно в том случае, если ее деятельность на общественной арене будет органически сочетаться с участием ее членов в деятельности других молодежных организаций и движений.

Решение о воссоздании в стране марксистско-ленинской молодежной организации свидетельствовало о понимании компартией значения внесения революционной теории в молодежное движение США на данном этапе его развития.

Вскоре после XIX съезда КП США был учрежден Временный организационный комитет по созданию новой марксистско-ленинской молодежной организации, где были представлены Клубы Дюбуа, молодые коммунисты и независимые молодые марксисты. Организационный комитет развернул широкую деятельность по подготовке учредительного съезда, обращался с призывами к американской молодежи, в которых разъяснялись цели и принципы будущей организации.

7—8 февраля 1970 года — в год 100-летнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина — в Чикаго состоялся учредительный съезд новой организации, получившей название Союз молодых рабочих за освобождение

(СМРО). К моменту создания СМРО в его рядах насчитывалось свыше 800 членов, объединенных в организационных комитетах 30 городских районов. Для участия в работе съезда собралось около 400 делегатов, наблюдателей и гостей, 52 процента из которых составляли рабочие, 43 процента — представители национальных меньшинств, 42 процента — женщины, 27 процентов — студенты и учащиеся, 14 процентов — безработные. Состав участников определил и направление дискуссии, в ходе которой основное внимание было уделено проблемам рабочей молодежи, безработицы, негров и других национальных меньшинств, бесправного положения женщин, бунта студентов, а также участию различных категорий молодежи в антивоенном движении, в борьбе против реакции, вопросам пролетарского интернационализма, взаимоотношений СМРО с другими национальными и международными молодежными организациями, в первую очередь со Всемирной федерацией демократической молодежи (ВФДМ).

Участники съезда продемонстрировали высокую политическую зрелость, отвергнув попытки группы левацких элементов проташить резолюцию «о праве на самооборону», которая призывала к применению оружия в ходе демонстраций и пикетов при столкновениях с армией и полицией. Вполне понятно, что такая резолюция с самого начала давала бы властям оружие для того, чтобы подвергнуть организацию судебным преследованиям, попытаться запретить ее деятельность.

В принятом на съезде уставе цель СМРО определена как борьба за социализм — «единственную систему, которая является альтернативой жестокой эксплуатации и угнетению, систему, базирующуюся на государственной власти, находящейся в руках рабочего класса, и на общественную собственность на средства производства». В преамбуле устава отмечается также, что «Союз молодых рабочих за освобождение будет бороться за единство всей молодежи против расизма, милитаризма, бедности, растущей угрозы фашизма и всех других форм гнета со стороны монополий», что в этом едином фронте ведущая роль принадлежит «рабочему классу, независимо от цвета кожи, его революционной организации, его марксистско-ленинской идеологии».

Буржуазная и реакционная пресса во время съезда хранила молчание, как бы не замечая самого факта его проведения. Но сама реакция действовала. В отеле «Шерман хаус» в Чикаго, где проходил съезд, находились не только агенты ФБР. Уже в первый день съезда группа фашиствующих элементов, подделав пропуска, проникла в зал заседаний, но была выброшена делегатами. На следующий день такая же группа попыталась силой проникнуть в зал, но вновь получила достойный отпор. И, как всегда, на одной стороне баррикад вместе с реакцией оказались троцкисты. Около входа в отель и в его фойе постоянно находились члены Альянса социалистической молодежи, распространяя листовки, призывавшие к срыву съезда. Альянс сочинил даже «Открытое письмо членам новой марксистско-ленинской молодежной организации», которое заканчивалось призывом не создавать «другую марксистско-ленинскую молодежную организацию», поскольку-де «одна (Альянс социалистической молодежи) уже существует». Делегаты рвали тексты «открытого письма».

За время своего существования СМРО сумел завоевать определенные позиции в левом молодежном движении США, в первую очередь среди рабочей молодежи, как белой, так и негритянской. Его отделения существуют уже в 30 штатах. В них успешно сотрудничает молодежь с различным цветом кожи, на практике доказывая первоочередную важность союза белых и негров для достижения рабочего единства, для активизации политических выступлений молодежи как части общего демократического движения американских трудящихся. СМРО последовательно проводит в леворадикальном молодежном и студенческом движении точку зрения о том, что массовая борьба за повседневные нужды не противоречит социалистическим целям, а является важной составной частью в борьбе за их достижение. Союз добивается объединения усилий молодежи вокруг широкой программы политических, социальных и экономических преобразований, включающих требования прекращения преследований национально-освободительного движения негров; освобождения политических заключенных; справедливой зарплаты, полной занятости; ликвидации расизма во всех проявлениях; снятия всех ограничений на организацию неорганизованных рабочих и проведение забастовок, допуска моло-

дежи к руководству профсоюзами; обеспечения гарантий независимой политической роли рабочего класса. Широкая программа требований выдвигается СМРО в области улучшения положения в районах, населенных беднотой и представителями национальных меньшинств, в вопросах образования, политической свободы и общественной деятельности молодежи и студенчества.

Все эти вопросы были, в частности, широко обсуждены на состоявшемся в мае 1972 года в Чикаго II Национальном съезде СМРО, в работе которого приняли участие 700 делегатов из 28 штатов.

На съезде отмечалось, что основной задачей организации на современном этапе является мобилизация широких слоев молодежи, в первую очередь рабочей, на борьбу против монополий, за демократию и демократическое правительство. О наличии объективных возможностей для этого свидетельствует неукоснительный поворот молодых рабочих влево, их готовность к борьбе не только за повседневные требования экономического характера, но и за решение крупных политических и социальных проблем. Перед членами организации была поставлена задача указать молодым рабочим путь борьбы против монополий и за укрепление профсоюзов, за решительное воздействие рядовых членов на проводимую ими политику, за превращение их в организации классовой борьбы. Выступавшие на съезде студенты могли с удовлетворением отметить, что основные тенденции в движении учащейся молодежи в последнее время — это дальнейший рост интереса к марксизму-ленинизму, понимание важности единства белых и негров, решительное отрицание маоизма, терроризма и анархизма. Радикально настроенные студенты не желают терпеть в своих рядах приверженцев этих обанкротившихся течений. Последовательная, основывающаяся на марксизме-ленинизме деятельность СМРО привлекает к нему симпатии тысяч юношей и девушек, не являющихся членами организации. Именно об этом свидетельствует успех члена союза Патриции Боннер Лайонс, собравшей на выборах в школьный совет Бостона (Массачусетс) 54 тысячи голосов. И подобных примеров уже немало.

СМРО стремится к широкому сотрудничеству с различными молодежными и студенческими организациями, не скрывая при этом своих братских связей с Ком-

мунистической партией США, своей верности идеалам научного социализма. Своей деятельностью союз стремится доказать, что молодежь сможет внести наиболее эффективный вклад в борьбу против монополий, за коренное преобразование капиталистического общества, только объединив свои усилия и усилия всех других отрядов революционного и демократического движения, только соединив свой боевой порыв, непримиримость к несправедливости с ясной идеологией революционных преобразований — марксизмом-ленинизмом.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Маркс К. и Энгельс Ф., О молодежи. М., «Молодая гвардия», 1972.

Ленин В. И., О молодежи. М., «Молодая гвардия», 1970.

«Материалы XXIV съезда КПСС» М., Политиздат, 1971.

«Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., Политиздат, 1969.

Брежнев Л. И., Молодым — строить коммунизм. М., Политиздат, 1970.

Баннов Б. Г., Мятеж возмущенного разума. М., «Молодая гвардия», 1970.

Баталов Э. Я., «Новые левые» и Герберт Маркузе. М., «Знание», 1970.

Салычев С. С., «Новые левые»: с кем и против кого. М., «Международные отношения», 1972.

«Unite for Peace, Negro Freedom, Labor's Advance, Socialism. Resolutions of the 18th National Convention of the Communist Party U. S. A.» New York, 1967.

«The United States in Crisis. Main Political Resolutions adopted by the 19th National Convention of the Communist Party U. S. A.» New York, 1969.

«New Program of the Communist Party U. S. A.», New York, 1970.

Gus Hall, For a Radical Change — The Communist View. New York, 1966.

Gus Hall, On Course — The Revolutionary Process. New York, 1969.

«The New Left. Memorandum. Committee on the Judiciary. United States Congress». 90th Congress, second session. Washington, 1968.

The New American Revolution, ed. by Roderick Aya and Norman Miller. New York, 1971.

Huey Newton Talks to the Movement. Chicago, 1968.

Bettina Aptheker, The Academic Rebellion in the United States. A Marxist Appraisal. Secaucus, New Jersey, 1972.

Zbigniew Brzezinski, Between Two Ages. New York, 1971.

Stokely Carmichael and Charles V. Hamilton. Black Power. Aylesbury, Bucks, 1969.

Erich Fromm, Sane Society. New York, 1965.

Tom Hayden, Trial. New York, 1970.

Paul Jacobs and Saul Landau. The New Radicals. New York, 1966.

George F. Kennan, *Democracy and the Student Left*. New York, 1968.

Christopher Lash, *The Agony of the American Left*. New York, 1969.

C. Wright Mills, *The Marxists*. London, 1962.

Jack Newfield, *A Prophetic Minority*. New York, 1967.

Jerome H. Skolnick, *The Politics of Protest*. New York, 1969.

Mike Zagarell, *Trotskyism — The Inside*. New York, 1970.

Howard Zinn, *SNCC — The New Abolitionists*. Boston, 1964,

СОДЕРЖАНИЕ

КРАХ ИЛЛЮЗИЙ

Закономерный «парадокс»	3
Растоптанное ненасилие	12
Либералы против либералов	18
Усилия, не давшие результатов	26
Первые успехи и издержки	30

НАСТУПЛЕНИЕ НА УСТОИ ОБЩЕСТВА

Брешь в стене антикоммунизма	39
Назад — к синдикализму. Вперед — к массовым действиям	44
Под лозунгом «власть черным»	52
Боевая тактика и рецидивы левачества	61

НА ПЕРЕЛОМЕ

В поисках революционной альтернативы	72
Кнутом и пряником	98
Подлинное лицо экстремизма	109
Кризис или болезнь роста?	117
Трезвая оценка	130
Краткая библиография	141

Брычков А. Р.

Б89 Молодежь США: от нигилизма к политике.
М., «Молодая гвардия», 1974.

144 с. с ил. («Молодежь, революция, прогресс»), 40 000 экз.

В книге дается характеристика политических условий рождения так называемого «нового левого» движения, расширения участия молодежи в борьбе за свободу и равноправие негритянского населения, против политики реакционных кругов американского империализма.

В книге дается обстоятельная критика буржуазного либерализма, неотроцкизма, анархизма и маоизма, пытавшихся воспользоваться в своих корыстных целях радикализацией значительных слоев американской молодежи.

ЗКМ

Б 11105—112
078(02)—74—123—74

Брычков Александр Родионович

МОЛОДЕЖЬ США: ОТ НИГИЛИЗМА К ПОЛИТИКЕ.

Редактор *Т. Костина*

Художник *С. Мухин*

Художественный редактор *Н. Коробейников*

Технические редакторы *З. Ходос, И. Соленов*

Корректоры *Г. Васильева, Т. Пескова*

Сдано в набор 18/XII 1973 г. Подписано к печати 12/IV 1974 г. А01213. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 3. Печ. л. 4,5 (усл. 7,56). Уч.-пзд. л. 7,9. Тираж 40 000 экз. Цена 25 коп. Т. П. 1974 г. № 123. Заказ 2416.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

25 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ